

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера)**

На правах рукописи

СУЛОЕВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

**МАРКЕРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
У АРБРЕШЕЙ ИТАЛИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Специальность 5.6.4. – этнология, антропология и этнография

Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
А. А. Новик

Санкт-Петербург
2024

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ЯЗЫК АРБРЕШЕЙ	34
1.1. Краткая история образования арбрешских поселений в Южной Италии	34
1.2 Язык и идентичность арбрешей. Общая характеристика идиома	38
1.3. Вопрос алфавита	48
1.4. Статус арбрешского диалекта до 1999 года и динамика изменений.....	51
1.5. Актуальные проблемы, связанные с изучением и преподаванием арбрешского диалекта	60
1.6. Отношение арбрешей к своему языку	68
Выводы по главе 1.....	74
ГЛАВА 2. ВИЗАНТИЙСКИЙ ОБРЯД.....	76
2.1. Краткая история возникновения Итало-албанской церкви на Сицилии и в Калабрии	77
2.2. Отношения между греко- и латино-католиками в арбрешских поселениях	82
2.3. К вопросу о роли византийского обряда в формировании идентичности арбрешей	88
2.4. Роль церкви в поддержании идентичности арбрешей на современном этапе.....	94
Выводы по главе 2.....	104
ГЛАВА 3. СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД	106
3.1. Предсвадебный период.....	108
3.2. Обряды свадебной недели.....	112
3.3. День свадьбы	116
3.4. Современное чинопоследование обручения и венчания в Итало-албанской церкви	119
3.5. Свадебное застолье и традиционная кухня арбрешей	130
Выводы по главе 3.....	138
ГЛАВА 4. ТРАДИЦИОННАЯ ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА.....	141
4.1. Костюмы Калабрии.....	142

4.2. Традиционная женская одежда арбрешей Катандзаро	146
4.3. Традиционная женская одежда арбрешей Козенцы.....	150
4.4. Традиционная женская одежда арбрешей Сицилии	154
4.5. Трансформация и функционирование традиционных костюмов в XX – начале XXI века.....	163
Выводы по главе 4.....	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	180
СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ.....	223

ВВЕДЕНИЕ

Факторы, влияющие на сохранение и трансформацию самоидентификации отдельных сообществ, до сих пор привлекают современных ученых и являются одной из самых сложных и динамичных тем как в зарубежной, так и в отечественной науке. В условиях глобализации, увеличения многообразия и транснационализма, роста интенсивности межэтнических связей происходят значительные изменения в формах взаимодействия людей, а границы между странами и культурами становятся все более гибкими. «Современный мир с его всеохватными и взаимопроникающими системами, структурами и сообществами становится «постнациональным» с точки зрения невозможности установления единой номенклатуры схожих по культуре и по доминирующей форме идентичности сообществ» (Тишков 2016: 379). В условиях социально-экономических и пространственно-временных трансформаций возникают новые формы идентичности, которые имеют свои маркеры и динамику развития и могут по-разному соотноситься друг с другом (Воронков, Освальд 1998). На этом фоне все более распространенным становится такое явление как обращение к традиционным ценностям и поиску своего этнического «мы» (Guibernau 2007).

Настоящее исследование посвящено этнической идентичности арбрешей. Арбреши (арбр., алб. arbëreshët, ит. italo-albanesi) – представители диаспоральной группы албанского происхождения, предки которых мигрировали в XV веке с территории Балканского полуострова на Апеннины и в настоящее время проживают в пятидесяти поселениях, расположенных в шести континентальных областях современной Италии (Абруццо, Молизе, Апулия, Кампания, Базиликата, Калабрия) и одной островной (Сицилия)¹. Используя разные механизмы поддержания самосознания, долгое время после миграции арбреши сохраняли свою историю, язык и многовековые традиции. После

---

¹ Подробнее об истории расселения арбрешей см. раздел 1.1.

Второй мировой войны представители диаспоральной группы испытали кризис этнической и культурной принадлежности. Однако в конце XX века внутри сообщества наметился всплеск осознания своей идентичности. Этому способствовало официальное признание правительством Итальянской Республики культурного и языкового наследия арбрешских диаспоральных групп, начавшееся после вступления в силу закона № 482 от 15 декабря 1999 года о защите исторических и лингвистических меньшинств (Legge № 482, 1999 URL: <https://www.parlamento.it/parlam/leggi/994821.htm>). Кроме того, Итало-албанская церковь, совмещающая западный / католический катехизис и главенство папы с восточной литургической традицией, всегда представляла собой значительный институт, выступавший за сохранение этнических и религиозных особенностей и традиций арбрешской диаспоры.

За долгое время взаимодействия с итальянской культурой² самоопределение арбрешей видоизменилось. Представители исследуемой диаспоральной группы обладают несколькими идентичностями: национальной (как граждане Италии), локальной (как представители конкретного региона страны), этнической (как носители культурных традиций, истории и единой веры) и др. В диссертационном исследовании рассматривается именно этническая идентичность арбрешей, которая актуализируется в моменты наиболее значимых для диаспоры социокультурных событий, например, религиозных праздников, фольклорных фестивалей, семейных торжеств, выставок и спектаклей,

---

² Речь идет о многослойности итальянской культуры, которая обусловлена как особенностями административного деления страны, так и языковой ситуацией. Южная Италия (ит. *Mezzogiorno*) является одним из пяти экономико-географических регионов Италии и включает в себя шесть областей, которые в свою очередь делятся на провинции, где преобладает местная диалектная форма итальянского языка. Остров Сицилия в силу различных политических и экономических причин обладает расширенными правами и статусом автономии (Manuale 1971: 116). При этом сицилийцы представляют особую этнокультурную общность со своим языком, который не считают диалектом итальянского (Фаис-Леутская 2016: 284). Таким образом, арбрешы контактируют с разными региональными формами итальянской культуры и языка.

посвященных традиционной культуре. На базе собственных полевых материалов, данных профильных архивов, имеющейся научной литературы, публикаций СМИ и др. мы выдвигаем **гипотезу** о том, что наиболее значимыми маркерами арбрешской этнической идентичности, формирующими образ «своего» сообщества, на сегодняшний день являются: диалектная форма албанского языка (и ее локальные разновидности), принадлежность к византийской богослужебной традиции, женские этнические костюмы³ и свадебный обряд как один из наиболее репрезентативных примеров семейной обрядности, объединяющий все вышеперечисленные особенности. Несмотря на то что под воздействием глобализации происходит трансформация этих маркеров, возникают вторичные формы традиционного, при этом многие социальные и культурные институты утрачивают свою былую устойчивость, сегодня арбрешки предельно осознанно подходят к вопросу сохранения собственных этнокультурных особенностей.

Изучение этнической идентичности – это одно из самых многогранных и одновременно сложных направлений в антропологии, социологии, культурологии и других социальных науках. Существуют различные подходы к исследованию идентичности. В рамках примордиалистского подхода, возникшего в Германии в XIX в. и получившего дальнейшее развитие в трудах К. Гирца, П. ван ден Берге, Э.Д. Смита и др. (Geertz 1973; Van Den Berghe 1987; Smith 1998), этническая идентичность находится в основе человеческой природы и рассматривается как объективная данность, передающаяся из поколения в поколение через биологические и культурные факторы. Данный подход акцентирует внимание на наличии у каждого народа и этнической группы особенностей, в совокупности являющихся основаниями формирования

---

³ Арбрешские мужские традиционные костюмы не сохранились, а те комплексы одежды, которые арбрешки привозят из Албании, Косово и Греции и позиционируют как «свои», на самом деле не имеют отношения к арбрешской культуре. Подробнее см. в главе 4.

групповой идентичности. В отечественной этнологии в рамках примордиализма развивались дуалистическая концепция Ю.В. Бромлея и пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилёва (Бромлей 1987; Гумилев 1992), а также другие теоретические разработки.

Концепция конструктивизма, появившаяся в начале 70-х гг. XX века, получила наибольшее распространение в США, Канаде и Австралии и относится к социологическому подходу в изучении этнической идентичности. Она утверждает, что этническая идентичность создается в процессе взаимодействия людей в рамках определенной культуры и общественного контекста. Данный подход был разработан в трудах Ф. Барта, Э. Хобсбаума, Э. Геллнера, Дж. Комароффа, М. Биллига, П. Бергера, Т. Лукмана, Б. Андерсона и др. (Barth 1998; Hobsbawm 1990; Геллнер 1991; Комарофф 1994; Billig 1995; Бергер, Лукман 1995; Андерсон 2001).

В российской этнологии конструктивистский подход получил развитие в работах В.А. Тишкова, Э.А. Паина, В.С. Малахова, которые трактуют этническую идентичность как результат социального конструирования (Тишков 1997; Малахов 2005; Паин 2023).

Согласно концепции инструментализма, возникшей в середине 70-х гг. XX века и разработанной в трудах Н. Глейзера, Д. Мойнихена, Дж. Ротшильда, Д. Белла и др. (Glazer, Moynihan 1975; Rothschild 1981; Белл 2004), этническая группа – это общность, объединенная интересами, а этническая идентичность – это набор ролей, которые человек играет в определенных социальных ситуациях, это результат взаимодействия индивида с общественной средой. Идентичность может быть использована как инструмент для достижения политических, экономических или социальных целей. В отечественной этнологии инструменталистский подход представлен концепциями Н.Н. Чебоксарова, С.А. Арутюнова (Чебоксаров 1985; Арутюнов 1989), которые определяют

принадлежность к этносу как способ удовлетворения потребности людей в психологической стабильности.

В зарубежных работах по социальной и кросс-культурной психологии 1990-х годов особое внимание уделялось теории социальной идентичности (Turner 1983; Tajfel, Turner 1986), исследованиям межэтнических установок и ситуаций межэтнического взаимодействия (Bochner 1982), теории этноцентризма и мультикультурализма (Brewer, Campbell 1976) и др. В отечественной этнопсихологии основными темами исследований стали: процессы трансформации этнической идентичности (Стефаненко 1997; Лебедева 1999), социальная идентичность (Иванова 2004), связь идентичности и толерантности (Хотинец 2002; Лебедева, Татарко 2005).

В настоящее время проблема этнической идентичности входит в область научных интересов различных социальных направлений – этнопсихологии, этнополитологии, этносоциологии. Идентичность изучается в рамках проблем этносоциального неравенства, субъектности этноса, многоуровневого характера идентичности. В поле внимания исследователей находятся такие проблемы как формирование идентичности молодежи (Белинская, Стефаненко 2000), межэтническая напряженность (Солдатова 1998), этнические стереотипы (Петренко и др. 2000), гражданская идентичность (Здравомыслов 1998; Дробижева 2010), национальная идентичность (Тишков 1997), этничность и глобализация (Ядов 1994; Делягин 2002; Гидденс 2004; Киш 2010; Робертсон 2015). Также для исследователей представляют интерес процессы формирования и трансформации этнической идентичности в условиях усиления межэтнических коммуникаций, роста миграции (Berry 1997; Huntington 2004), распространения средств массовой информации (Фомичева, Акимова 2009); а также феномен виртуальной этнической идентичности и метод цифровой этнографии (Rheingold 1993; Poster 1998; Achermann 2000; Nakamura 2002; Diamandaki 2003; Heidemann

2011; Markham 2013; Киссер 2019; Нине 2020; Радченко 2020; Головнев, Белорусова, Киссер 2021).

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях стремительного развития технологий в сфере коммуникации и распространения массовой культуры через социальные сети, с одной стороны, происходит искажение и унификация этнических особенностей языковых меньшинств. Европейская, в частности итальянская культура оказывает сильное воздействие на формирование арбрешской идентичности. С другой стороны, всплеск форм вторичной культуры связан с развитием визуального и, как следствие, возрождением интереса к локальным традициям. В новых реалиях арбрешская культура редуцирует адаптацию к доминирующей итальянской и через цифровую среду напрямую транслируется за пределы сообщества. Стремясь к сохранению и популяризации своего культурного наследия, арбрешки переосмысливают роль самых значимых элементов традиционной культуры, формирующих их этническую специфику. Трансформации последних лет, которые затронули различные аспекты жизни представителей изучаемой диаспоральной группы, требуют специального этнологического анализа. Исследование этнической идентичности арбрешей в контексте глобализационных процессов позволит лучше понять, какие аспекты их идентичности сохраняются, а какие изменяются под воздействием новой среды, и как это влияет на их взаимодействие с другими культурами.

Несмотря на очевидную ценность уже существующих материалов, собранных зарубежными исследователями, полученные сведения касаются лишь отдельных аспектов традиционной культуры арбрешей, в то время как тема этнической идентичности до сих пор не изучена. В связи с этим прослеживается необходимость более углубленного исследования факторов, влияющих на сохранение традиционной культуры арбрешей. Выявление и анализ этих

факторов позволит лучше понять механизмы, которые используют арбреши для поддержания своей этнической идентичности.

Степень изученности вопроса

Изучение диаспоральных групп является важной темой как в зарубежной, так и отечественной этнологии. Это направление особенно актуально сегодня в контексте глобализации, размывания этничности и миграционных процессов. Теоретическое осмысление феномена диаспоры началось в конце XIX – начале XX века, когда возникли массовые миграционные потоки, вызванные политическими и экономическими причинами (Авдашкин 2015). До середины XX века исследования диаспоральных процессов были ограничены и носили преимущественно этнографический характер, внимание уделялось исследованию конкретных этнических групп и их адаптации к новым условиям жизни в других странах (Кондратьева 2009). С развитием глобализации и увеличением миграционных потоков в последние десятилетия XX века акцент исследований сместился на анализ общих закономерностей и тенденций развития диаспор. Это привело к тому, что в научном сообществе сформировались новые подходы и методологии для изучения диаспоральной тематики (Осадчая и др. 2021).

В 1980-х годах западные ученые заложили основу для последующих исследований множества вопросов, связанных с формированием диаспор. Однако масштабные исследования диаспоральной проблематики начались лишь в 1990-е годы, когда диаспоры начали восприниматься как транснациональные сообщества. Важный вклад в теоретическое осмысление понятия «диаспора» внесли Дж. Армстронг, У. Коннор, М. Эсман, Г. Шеффер, У. Сафран, Дж. Клиффорд, Р. Брубейкер, Р. Коэн (Armstrong 1976; Connor 1986; Esmann 1986; Sheffer 1986; Safran 1991; Clifford 1994; Brubaker 2000; Cohen 2008) и др.

В отечественной науке диаспоральная тематика стала приобретать все большую теоретическую и практическую значимость после распада СССР. Важной работой стала статья Вишневого «Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор» (Вишневский 2000). В начале 2000-х исследователи полемизируют относительно содержания понятия «диаспора» и предлагают собственное осмысление и различные классификации. Так, А.Ю. Милитарев в статье «О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции)» говорит о том, что термин «диаспора» не имеет универсального определения, поскольку для его выработки необходимо проведение сравнительных исследований (Милитарев 1999: 25). Также стоит упомянуть многочисленные публикации других авторов, посвященные теоретическому осмыслению диаспоры. Среди них статьи «Диаспора: Попытка определиться в термине и понятиях» (Дятлов 1999), «Классические» диаспоры: К вопросу о дефиниции термина (Попков 2002), «Этнос, нация, диаспора» (Семенов 2000), «Современные диаспоры: Сложности теоретического осмысления» (Аствацатурова 2001) и др.

В качестве примера изучения диаспорных групп, проживающих на территории России вне границ их национального ареала, можно привести диссертационные работы: «Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление (на материалах Северо-Кавказского региона)» (Аствацатурова 2003), «Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы» (Смирнова 2009), «Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX – начале XXI в.» (Коровушкин 2019) и др.

К настоящему времени существует большое количество работ, посвященных некоторым диаспоральным группам албанского происхождения. Притеснения христианского населения Албании со стороны Османской империи, способствовали интенсивной миграции албанцев не только в другие

регионы Балканского полуострова, но и за его пределы. Так, в начале XIX в. на территорию Российской империи, а именно в Буджак и Приазовье переселились православные албанцы, основавшие в нынешней Одесской и Запорожской областях четыре поселения. Начало этнографического и лингвистического изучения албанцев Украины было положено Н.С. Державиным (Державин 1933; 1948), а затем во второй половине XX века продолжено такими исследователями как А.В. Десницкая, Ю.В. Иванова, О.Р. Будина (Десницкая 1968; Иванова 1981; 2000; Будина 1989; 1994; 2000; Иванова, Маркова 2004). В начале 2000-х годов организуются совместные экспедиции ИЭА РАН и МАЭ РАН. В результате многолетних полевых исследований, проводившихся группой отечественных исследователей (Новиком А.А., Бучатской Ю.В., Ермолиным Д.С., Дугушиной А.С., Морозовой М.С.), был собран материал о различных аспектах языка и традиционной культуры албанцев Украины. Массив накопленных материалов был издан в виде коллективной монографии ««Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины» (Новик и др. 2016), посвященной вопросам этнической истории, традиционной культуры и языка этой диаспоральной группы.

Другой этнолокальной группой албанского происхождения являются *арбнеши* (алб. *arbnëshë, -t*, хорв. *arbanási*) Задара (Далмация, Республика Хорватия), чьи предки также переселились в первой половине XVIII в. в период усилившегося давления со стороны османского управления. Эта группа до настоящего времени продолжает сохранять свои этнокультурные особенности: язык, традиционную одежду, ювелирные украшения, архитектуру и способы ведения хозяйства. Кроме того, арбнеши Задара сохраняют устойчивое самосознание (Новик 2016). Среди работ, посвященных данной группе албанской диаспоры, следует выделить исследования хорватских коллег, например, К. Крстича (Krstić 1988) и А. Стипчевича (Stipčević 2012).

Необходимо также упомянуть международные экспедиции последних лет в южную Болгарию, а именно в село Мандрица, которое было основано в XVII веке православными выходцами из Юго-Восточной Албании. До настоящего времени жители села сохраняют свой идиом, комплекс женского традиционного костюма, а также в значительной степени свою албанскую идентичность, поэтому на протяжении последних десятилетий также являются важным объектом для этнологических исследований (Майкидис 1972; Kamberi, Idrizi 1997; Novik, Hristova-Bejleri 2015; Новик 2015).

Среди работ, посвященных изучению других этнолокальных групп, но так или иначе связанных с балканским регионом, следует выделить коллективную монографию «Буджак: историко-этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины: Книга для чтения» (Буджак 2014). Авторы книги исследуют историю и этнографию этнокультурных общностей Буджака – региона Дунай-Днестровского междуречья, характеризующегося многонациональным составом населения. Одна из глав монографии посвящена албанской диаспоральной группе (Жечева, Серебрянникова 2014).

Зарождение этнографического и лингвистического изучения арбрешей Италии восходит к XVII веку и связано с именами священников Итало-албанской церкви, занимавшихся не только религиозной, но и образовательной деятельностью. Джорджио Гудзетта (1682–1756) являлся одним из основателей Итало-албанской Семинарии в Палермо (Сицилия), где не только готовили будущее духовенство, но также преподавали албанский язык и литературу, и приобщали молодое поколение к этнокультурным традициям общины. Кроме того, деятельность Гудзетты была направлена на сохранение византийского обряда, культурной и языковой идентичности арбрешей. Гудзетта вместе со священником Антонио Бранкато способствовали открытию Коллегии св. Марии

– первого женского образовательного учреждения в поселении Пьяна-дельи-Альбанези, расположенном недалеко от Палермо (Manali 2009: 23).

Священник, ученый и историк, ректор Итало-албанской Семинарии Паоло Мария Паррино не только занимался описанием родного языка, обычаев и традиционной культуры, но также внес вклад в исследование этнической принадлежности арбрешей. Он создал несколько неопубликованных работ, а также исторический труд “Su dei Macedoni o sian Epiroti” («О македонцах или эпиротах»). Другой исследователь, Николо Кетта, известен своими этнографическими и историческими трудами, посвященными арбрешской традиционной культуре. Будучи проректором Семинарии, он посвятил свою жизнь воспитанию семинаристов, а также восстановлению и соблюдению византийской литургической традиции. Его работы являются практически единственным письменным памятником диалекта, на котором разговаривали в арбрешском поселении Контесса-Энтеллина (Сицилия) в XVIII веке (Mandalà 2005: 15-17).

Во второй половине XIX века исследованием не только арбрешского языка, но и фольклора занимался лингвист, один из инициаторов итало-албанского культурного движения в Италии – Деметрио Камарда. Его ключевая работа, посвященная проблемам албанской лингвистики, называется “Saggio di Grammatologia comparata sulla lingua albanese” – «Очерк сравнительной грамматики албанского языка» (Camarda 1864) и является первым научным трудом с привлечением албанского материала по сравнительно-историческому языкознанию. В приложении к данной работе Камарда собрал арбрешские народные песни (Camarda 1866). Другой значимой фигурой албанского движения является поэт, лингвист, публицист и фольклорист Джузеппе Скиро. Он организовал конгресс по национальному, культурному и лингвистическому самоопределению Албании, занимался исследованием албанской

диалектологии, литературы, а также устного народного творчества (Schirò 1885; 1890; 1907; 1923).

Ключевой фигурой среди итальянских этнографов и фольклористов XIX века, изучавших традиции и культуру сицилийцев, является Джузеппе Питре. Будучи преподавателем Университета Палермо, одним из первых исследовал этническую психологию. Его главный труд «Библиотека сицилийских народных традиций», изданный в период с 1871 по 1913 гг., представляет собой крупнейший сборник фольклорных произведений того времени (Pitre 1868; 1875; 1880; 1881; 1889).

Значительный вклад в рождение и развитие албанистической научной традиции начала XX вв. внёс священник Гаэтано Петротта, поддерживавший албанскую культуру на Сицилии, в частности, деятельность епархии Пьяна-дельи-Альбанези. Петротта был основателем и заведующим кафедрой албанского языка и литературы в Университете Палермо, опубликовал множество работ, посвященных традиционной культуре албанского народа, благодаря ему была проведена серия экуменических встреч с арбрешскими общинами Италии (Petrotta 1913; 1949; 1950). Священник Маттео Шамбра, также преподававший на кафедре албанского языка и литературы в Университете Палермо, посвятил свою научную деятельность исследованию арбрешского языка, занимался сохранением византийского литургического музыкального наследия. В этот период появляются труды священнослужителей, посвященные подробному описанию чинопоследования венчания византийского обряда.

Во второй половине XX – начале XXI в. исследования традиционной культуры арбрешей были посвящены истории их расселения в различных областях Италии (Romata 1964; Emmanuele 1988; Mastroberti 2008; Mandalà 2011), народному фольклору и легендам о Скандербеге (Di Miceli 2007). Этнографы описывали культурные особенности территориально-

этнографических единиц, например, Пьяна-дельи-Альбанези, Контецца-Энтеллины, Палаццо-Адриано и др. (Emmanuele 1988; Guagliardi 2004; Manali 2000 и др.). Среди современных работ обобщающего характера стоит выделить монографию «Путешествие в поселения арбрешей» (Bellusci, Radovicka 2020), в которой авторами были собраны основные сведения, касающиеся арбрешских сообществ Италии.

С 1980-х годов начинается активное исследование различных языковых вопросов. Например, работы калабрийского лингвиста и албанолога Франческо Альтимари посвящены лингвистическому поведению калабрийцев в ситуации многоязычия, проблемам и методике преподавания арбрешского языка в школах, закону о защите исторических языковых меньшинств и другим вопросам (Altimari 1983; 2002; 2007; 2008). Исследователи рассматривали язык арбрешей с точки зрения его лингвистической истории и диалектной структуры (Çabej 1994), способа выражения идентичности и культурных аспектов (Birken-Silverman 2000; Belluscio, Lentini 2002). Ряд статей был посвящен вопросам двуязычия в арбрешских общинах (Camai 1974), защите языковых меньшинств (Savoia 2001), использованию языка арбрешей в СМИ (Di Sparti 1981) и др. Одно из последних диалектологических и социолингвистических описаний арбрешского языка было представлено Академией наук Албании (Shkurtaj 2020).

Исследования византийской литургической системы в основном были посвящены обряду венчания. Среди них статьи: «Венчание по греческому обряду» (Fratelli Tramuto e Ciofalo 1971), «Обручение» (Giordano 1973), «Венчание по греческому и латинскому обряду» (Parrino 2006). Небольшая часть работ освещает более общие вопросы Итало-албанской церкви: «Византийский обряд арбрешской общины Лунгро» (Rotelli 1993), «Византийский обряд» (Argondizza 2004), «Византийский приход Фрашинето: история, обряд, литература» (Bellusci 2009), «Краткая история Восточно-католических церквей» (Elli 2017), «Мистагогия в византийской церкви» (Sirchia 2002).

Арбрешские традиционные костюмы и украшения до сих пор привлекают современных исследователей ювелирного и текстильного искусства. Этой теме посвящено множество статей. Например, «Арбрешские костюмы: калабрийские ткани и вышивка в XIX веке» (Albamonte 2017), «Украшения и костюмы арбрешей» (Elmo 1995), «Арбрешские костюмы как символ идентичности» (Belluschi 1981), «Украшения арбрешей Италии» (Новик 2011) и др. Некоторые исследователи описали специфику костюмов конкретных поселений: «Традиционный костюм Платачи» (Belluschi 1996), «Наряд королевы. Женский костюм Лунгро» (Frega 1996), «Костюмы и украшения Пьяна-дельи-Альбанези» (La Barbera 2007), «Костюм Ламбадор Спедзано-Альбанезе» (Marchianò 1996); либо отдельных элементов традиционной одежды: «Символика пояса арбрешской невесты» (Chiaromonte 2008). Исследованием истории женского костюма Пьяна-дельи-Альбанези и его связи с иконописью занималась Джузеппина Скиро: «Традиция и эволюция арбрешских женских костюмов» (Schirò 2009), «Традиционный женский костюм Пьяна-дельи-Альбанези: иконографические фронты» (Schirò 2011). Среди современных исследований стоит отметить монографию «Этнографическое путешествие в поисках костюмов арбрешей Южной Италии», посвященную описанию всех основных типов традиционной арбрешской одежды по каждому поселению (Nini 2020).

Вопросу этнической идентичности арбрешей посвящен целый ряд работ арбрешских и итальянских исследователей, однако большинство из них рассматривает тему арбрешской этничности в контексте языковых особенностей: «Язык как символическое значение и выражение идентичности: употребление и лексическая структура арбрешского языка в Калабрии» (Birken-Silverman 2000), «Идентичность как средство (де)легитимации: лингвистические и прагматические процедуры в политическом дискурсе» (Baldi, Savoia 2017), «Культура и идентичность, заключенные в арбрешском языке» (Baldi, Savoia 2017) и др. Гастрономический код арбрешей также рассматривается

исследователями в дискурсе этнической идентичности. Существующие работы в основном описывают арбрешские блюда Калабрии и Базиликаты: «Традиционная кухня арбрешей Калабрии и Базиликаты» (Frego 2002), «Калабрийская кухня» (Furferi 2011), «Создание идентичности в диаспоре: арбрешей Калабрии и *shtridhëlat*» (Gallo 2018), «Много зерна и много вина. Работа и устное творчество в Сан-Костантино-Альбанезе» (Scaldaferri 1997). Подробный анализ арбрешской кухни разных регионов представлен в монографии «Арбрешская э(т)ногастрономия» (Shundi 2016).

Ряд исследований посвящен теме сохранения культурной и языковой идентичности в условиях социально-экономических изменений, а также конструирования «новой» этнической идентичности арбрешей, например, «История арбрешей: между правдой и мифом. Многовековая тишина и построение идентичности» (Giacomarra 2002), «Зарождение албанского национализма» (Mandalà 2014), «Арбрешские сообщества Италии: между идентичностью и интеграцией» (Magna 2016), «Роль социально-экономической среды в сохранении языковой и культурной самобытности на примере албанцев Италии» (Bregasi 2020). Исследователи также анализируют идентичность отдельных общин: «Меньшинства Калабрии: вопросы идентичности и институциональные последствия» (Laffusa 2022), «Положение меньшинства сегодня. Албанцы Сицилии между этничностью и глобализацией» (Giacomarra 2003), «Этническая идентичность арбрешского сообщества Кьеути» (Massaro 2010).

Внимание антропологов и лингвистов уделяется также этнической идентичности албанцев, мигрировавших в Италию в начале 2000-х: «Парадоксы асимметричной ассимиляции и процессов идентификации среди албанских иммигрантов в Италии» (King, Mai 2008), «Аккультурация и этническая идентичность албанских иммигрантов в Италии» (Brokaj 2018); а также

арбрешей, мигрировавших из Калабрии в другие страны: «Диаспора и миграционная культура. Арбреша Калабрии от исхода к символическому возвращению» (Bolognari 2014), «Миграция, мультикультурализм и политика идентичности» (Zamagni 2002); языковому и культурному взаимодействию между албанцами, представляющими разные волны миграций: «Старые и новые меньшинства в контакте: динамика идентичности и языковые процессы» (Perta 2020).

Однако несмотря на широкий спектр изучаемых вопросов на сегодняшний день существует мало исследований, посвященных такой проблеме как наличие множественной идентичности у арбрешей. Авторами были изучены отдельные составляющие этнической специфики арбрешей, в то время как комплексное исследование, посвященное анализу таких ключевых аспектов идентичности арбрешей как язык, византийский обряд и традиционная женская одежда, пока не проводилось. Кроме того, тема свадебной обрядности в контексте этнической идентичности до сих пор не изучена в полной мере.

Таким образом, **исследовательский вопрос** сформулирован нами следующим образом: Какие факторы и каким образом влияют на уровни адаптации этнической идентичности арбрешей к меняющимся в эпоху глобализма условиям в процессе постоянного взаимодействия двух культур: своей и итальянской?

Объектом настоящего исследования являются маркеры этнической идентичности арбрешей.

Предметом исследования являются факторы, влияющие на сохранение либо изменение этнической самоидентификации арбрешей.

Цель исследования состоит в определении основных механизмов сохранения этнической идентичности арбрешей под влиянием доминантной

итальянской культуры. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1. Определить ключевые элементы традиционной культуры арбрешей, составляющие их этническую специфику;
2. Выявить тенденции проникновения культурных инноваций и их дальнейшее развитие под влиянием итальянской культуры;
3. Проанализировать цикл свадебной обрядности арбрешей как один из наиболее репрезентативных примеров всестороннего проявления культурной специфики арбрешей и определить его роль в сохранении этнической идентичности;
4. Выявить проблемы, связанные с позиционированием этнической принадлежности арбрешей в современном социокультурном пространстве.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XX – начало XXI в. Нижняя граница совпадает с периодом подъема этнического самосознания и возвращением интереса к традиционной культуре арбрешей. Верхняя граница – с современностью.

Территориальные рамки исследования охватывают Сицилию, прежде всего поселение Пьяна-дельи-Альбанези (основной центр компактного проживания албанской диаспоры в этом регионе); Калабрию, а именно провинции Козенца, Катандзаро; частично другие регионы Италии.

Научная **новизна** диссертационного исследования состоит в том, что впервые в отечественной науке дается комплексная и всесторонняя характеристика арбрешской диаспоральной группы, проводится анализ ее традиционной культуры и выявляются такие ключевые составляющие как язык, литургическая система, локальная этническая одежда, свадебный обряд и кухня.

В диссертации проводится не только изучение этнокультурных традиций арбрешей, наблюдаемых в рамках конкретного поселения / поселений, но также их сравнение между собой в пределах различных областей Италии, например, Калабрии и Сицилии. Выявляются те части традиционной культуры арбрешей, в которых происходит утрата отдельных элементов или, наоборот, наблюдаются их ревитализация и модернизация, а также условия, при которых возможны данные процессы.

Особое внимание было уделено религиозной составляющей в жизни исследуемой группы. Впервые был рассмотрен вопрос взаимоотношений между приверженцами разных литургических систем – латинской и византийской. Кроме того, был проанализирован процесс влияния современной национальной культуры Италии на культуру арбрешей и определены основные механизмы сохранения и трансляции маркеров этнической принадлежности арбрешей в условиях глобализации и европеизации.

При исследовании этнической идентичности арбрешей был установлен ее сложный многоуровневый характер. Кроме того, в научный оборот введено большое количество новых материалов, собранных автором в ходе многолетних полевых исследований в Южной Италии, а также удаленных этносоциологических опросов.

Методика и методология исследования

Диссертационное исследование проводилось в рамках научного дискурса идентичности/ей. Теоретические концепции этничности и этнической идентичности разрабатывались многими отечественными и зарубежными исследователями не только в области антропологии, но также истории, философии, социологии и психологии. Для данного исследования наиболее значимыми являются теоретические и методологические положения,

сформулированные Ф. Бартом, Э.Д. Смитом, Б. Андерсоном, М.Н. Губогло, В.А. Тишковым (Barth 1998; Smith 1998; Андерсон 2001; Губогло 2003; Тишков 2016).

Под национальной идентичностью автором понимается «общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним» (Тишков 2009: 140). Э. Геллнер описывает сложение национальной идентичности через чувства сопричастности и солидарности, общего наследия и добровольной идентификации, свободного выбора и разделяемого противопоставления (Gellner 1983). По мнению Андерсона, процесс формирования национальной идентичности основан на воображении, в результате которого люди создают образ нации и ощущение принадлежности к ней (Андерсон 2001). Это может включать использование общих символов, языка и участие в совместных культурных практиках. Этническая идентичность проявляется через представление о принадлежности к общности, осознание ее уникальности и приверженность ее культурным и языковым ценностям и традициям (Тишков 2003). Она может актуализироваться в тех или иных формах социального взаимодействия и становится значимой в определенных условиях, но в других контекстах отходит на второй план (Воронков, Освальд 1998). Опираясь на исследовательские подходы Э. Эриксона, В.А. Тишкова, М. Гибернау, М.В. Тлостановой, А.В. Багаевой и др. (Эриксон 1996; Тишков 2016; Guibernau 2007; Тлостанова 2010; Багаева 2021), автор рассматривает идентичность арбрешей с точки зрения ее множественности и ситуативности.

В данном исследовании мы будем ориентироваться на конструктивистский подход, трактующий этническую идентичность как результат стремления людей и групп отличаться друг от друга. Исследуемая диаспоральная группа находится в постоянных контактах с другими сообществами, в результате чего значимые стороны арбрешской культуры изменяются, в ходе межэтнического взаимодействия формируются новые свойства группы. Такое рассмотрение

этничности первым предложил Ф. Барт в предисловии к сборнику «Этнические группы и границы» (Barth 1998). При этом при анализе самоидентификации арбрешей вслед за Ф. Бартом мы будем называть признаки, приписываемые исследуемой группе, этническими маркерами.

В диссертационном исследовании используется понятие «диаспоральной группы». Несмотря на то, что в современной отечественной и зарубежной литературе активно разрабатываются концепции «диаспоры», «диаспорной» и «диаспоральной» групп и др., существуют различные подходы к объяснению феномена диаспоры. Так, В.А. Тишков, сторонник политического подхода, определяет диаспору как «культурно отличительную общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективных связей, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине» (Тишков 2001: 42). Приверженцы «этнического» подхода ставят в основу своей концепции «этносоциальный» организм (национальность), т. е. наличие или отсутствие стремления к созданию национального государства (Арутюнов 2000). Сторонники социологического подхода Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова в статье «Диаспора как объект социологического исследования» определяют диаспору как «устойчивую группу людей одного этнического происхождения, проживающую за пределами территории расселения своего народа и обладающую социальными институтами для поддержания и функционирования этой общности» (Тощенко, Чаптыкова 1996: 34-35).

Для данного исследования нам более всего близко определение, которое даёт Т.Б. Смирнова: «Диаспорная группа – это часть диаспоры, сформировавшаяся на определенной территории и обладающая выраженными особенностями в культуре, языке и идентичности. Члены диаспорной группы осознают собственную принадлежность к диаспоре в целом с одной стороны, а с другой – обладают представлением о своей отличительности, о собственной

исторической судьбе, которая тесно связана с определенной территорией» (Смирнова 2009: 24).

В диссертационной работе мы не разграничиваем понятия «диаспорный» и «диаспоральный» и считаем их синонимичными. Таким образом, диаспоральная группа – это часть диаспоры, социальная и этнокультурная общность людей, которые покинули ареал своего первоначального проживания и находятся на другой территории. Это группа людей, объединенная общим происхождением, историей, культурой и языком. Члены диаспоральной группы осознают свою принадлежность к диаспоре и могут поддерживать тесные связи с родиной, несмотря на длительное пребывание в другой стране. При этом они стремятся сохранить свои культурные традиции, язык и другие аспекты этнической идентичности в условиях иноязычного и инокультурного окружения.

Вслед за албанской научной традицией мы будем различать такие понятия как «историческая» албанская диаспора и «современная» албанская диаспора, или «миграция» (Tirta 1999; Carletto et al. 2004). Такое противопоставление обусловлено тем, что арбрешки, переселявшиеся с середины XV до конца XVIII века на Апеннинский полуостров, и албанские мигранты начала XIX – конца XX века долгое время не смешивались друг с другом. В 90-е годы Италия столкнулась с несдерживаемым потоком мигрантов, приплывавших из Албании нелегально. Согласно данным ИНСТАТ, в этот период в Италию уехало более трёхсот тысяч албанцев (INSTAT 2001). Процесс переселения сопровождался целым рядом политических скандалов, массовых беспорядков и выступлений. Все это отразилось на репутации албанцев и привело к тому, что в сознании европейцев закрепился их отрицательный образ (Colombo, Sciortino 2004). Кроме того, «новые» мигранты, прибывшие с Балкан, воспринимались членами исторических арбрешских общин как чужеродные. Миграция албанцев происходила не только в Италию, но и в другие страны, например, в США и Аргентину (с конца 19 века). По отношению к этим новым диаспоральным

группам в албанской этнологии употребляется термин 'мэргата' (алб. / арбр. mërgata), то есть «миграция» (Dragoti, Ismaili 2018).

Лишь в последние десятилетия наблюдается слом, выражающийся в постепенном возобновлении гармонизированных отношений и браков между албанцами Косово и Албании и представителями диаспоральной группой арбрешей. Пытаясь интегрироваться в культуру исторической диаспоры, албанцы изучают арбрешский диалект, при этом арбрешки ездят в Албанию и Косово, чтобы овладеть литературной нормой албанского языка.

Таким образом, в диссертационном исследовании для нас важно различать понятия «исторической» и «современной» диаспоры, или «миграции», поскольку для последней характерны совершенно другие факторы включения в принимающую нацию по сравнению с исторически сформировавшейся этнокультурной общностью, сохраняющей свою самоидентификацию на протяжении нескольких веков. В этой связи необходимо также упомянуть предлагавшиеся различными исследователями классификации видов диаспор. Так, С.А. Арутюнов и С.Я. Козлов различают диаспоры по времени их образования и выделяют «новые», «относительно молодые» и «совсем новые» диаспоры (Арутюнов, Козлов 2005). Согласно концепции Г. Шеффера, существуют диаспоры с глубокими историческими корнями, «дремлющие», «молодые», «зарождающиеся», «бездомные», «этнонациональные» и «рассеянные» (Шеффер 2003).

Работа опирается на концепцию глокализации, разработанную британским социологом и теоретиком процессов глобализации Р. Робертсоном. Он предложил этот термин для объяснения того, как различные регионы и общества, несмотря на процессы глобализации, сохраняют свою уникальность и локальные особенности, одновременно взаимодействуя и проникая в мировую сферу. По мнению Робертсона, глобальная интеграция не означает потерю культурного

многообразия, а на самом деле способствует возникновению новых форм локальной идентичности. В рамках глобализации регионы и общества могут активно приспосабливаться и влиять на мировые тенденции, одновременно сохраняя свою уникальность и особенности (Robertson 1992).

Также в диссертационном исследовании для нас важна концепция символического капитала Пьера Бурдьё. Он определил символический капитал как содержательное наполнение какого-либо объекта, основанное на знаниях или информации и имеющее символическую форму (Бурдьё 2001: 101). Опираясь на рассуждения Бурдьё, мы относим к символическому капиталу арбрешской культуры их идиом, византийскую богослужебную традицию, свадебный обряд и женские традиционные костюмы. Этот капитал вмещает в себя различные уровни арбрешской идентичности и основан на доверии и признании арбрешей, которые считают его значимым для себя и для остальных членов диаспоры.

При рассмотрении языка арбрешей как одного из маркеров этнической идентичности мы будем пользоваться методами лингвистической антропологии (Duranti 1997; Ahearn 2012). Вопрос о соотношении языка и этничности обсуждается в связи с проблемой сохранения традиционной культуры. Поскольку ее значимая часть выражается через язык, его утрата приводит к исчезновению всей культуры группы (Fishman 1989: 48). Согласно Фишману, до тех пор, пока существуют этнические группы, языки будут выступать символом этих коллективов, инструментом формирования их образа (Fishman 2001). В рамках социолингвистического подхода, разработанного в трудах Дж. Фишмана, Н.Б. Вахтина, Е.В. Головки, К. Фот (Fishman 1972; Вахтин, Головки 2004; Fought 2006), нами рассматривается влияние этнической идентичности арбрешей на сохранение собственного языка или отказ от него в пользу итальянского или его диалектов. В этой связи мы будем использовать такие понятия как «языковой

сдвиг»⁴ и «языковая лояльность»⁵, которые были введены в научный оборот У. Вайнрайхом и получили дальнейшее развитие в работах Дж. Фишмана (Вайнрайх 1979; Fishman 1989).

В качестве основных методов полевого исследования применялись включенное наблюдение, глубинное интервьюирование (нарративное или в форме беседы с помощью тематических вопросников), анкетирование, фиксация материала посредством полевого дневника. Проводилась работа с архивами и документальными источниками. В диссертационной работе использовались методы цифровой антропологии. Также для нас важны концепции, разработанные в трудах Г. Рейнгольд, А. Аккерман, А. Маркхэм, Д.А. Радченко, А.В. Головнёва, С.Ю. Белоруссовой, Т.С. Киссер (Rheingold 1993; Achermann 2000; Markham 2013; Радченко 2020; Головнёв, Белорусова, Киссер 2021). Для лучшего понимания различных аспектов арбрешской культуры и их виртуальной идентичности были применены такие методы цифровой этнографии как наблюдение за онлайн-сообществами, анализ сообщений и комментариев на форумах и в социальных сетях. Кроме того, развитие новых форм коммуникации, например, быстрых мессенджеров, которые позволяют обмениваться не только текстами, но и образами и картинками, формируют у молодого поколения другие способы восприятия информации. Для изучения собранных фото- и видеоданных применялся визуальный анализ.

Одним из основных методов исследования стало анкетирование по теме «Идентичность» при помощи онлайн-инструмента Google-forms. В опросе приняли участие как женщины, так и мужчины, относящиеся к разным возрастным группам: 15-20 лет; 21-35 лет; 36-45 лет; 46-60 лет, лица старше 60

---

⁴ Языковой сдвиг – отказ языкового сообщества от использования своего идиома и замена его на другой во всех основных сферах коммуникации. См. работы С. Гэл, Н. Дориан, Л. Кемпбелла (Gal 1979, Dorian 1981, Campbell, Muntzell 1989).

⁵ Языковая лояльность – приверженность родному языку, которая может иметь различную степень, вплоть до отрицательной.

лет. Всего было опрошено 106 человек. Исследование охватывало представителей различных социально-профессиональных групп, проживающих не только в арбрешских поселениях, но и крупных итальянских городах (Рим, Милан, Неаполь, Палермо, Бари и др.). Анкета содержала ряд вопросов, предполагавших один или несколько не исключających друг друга ответов; а также вопросы, на которые респонденты могли ответить развернуто.

Для изучения и анализа собранных данных были применены структурно-описательный и сравнительно-исторический подходы. Рассматривая арбрешскую идентичность как сложный феномен, опирающийся на целый комплекс таких критериев как язык, история, территория, культурная традиция, религия, костюмы, кухня и др., каждый из которых выполняет соответствующую функцию в формировании этнического самочувствия арбрешей, мы применили методы структурного и функционального анализа. Выборочный метод позволил акцентировать внимание на конкретных арбрешских общинах. Компаративный анализ применялся для определения региональной специфики исследуемых явлений.

Источниковая база исследования

В первую очередь диссертация базируется на полевых исследованиях автора, проводившихся на Сицилии в период с 15 апреля по 12 мая 2017 года. Были исследованы три основных арбрешских поселения: Пьяна-дельи-Альбанези, Контесса-Энтеллина и Палаццо-Адриано. В каждом из них происходил сбор материалов по темам: свадебный обряд, традиционный женский костюм, арбрешский язык. Полученные данные представлены полевыми тетрадями, записями интервью с представителями местной общины, а также фото- и видеоисточниками. По окончании полевой работы общение со многими информантами продолжилось в форме переписки и телефонных разговоров.

В период с 2018 по 2023 годы исследования осуществлялись удаленно посредством анкетирования и интервьюирования информантов с помощью различных программ и мессенджеров. В результате удалось дополнить данные по арбрешской свадьбе и традиционному костюму, а также собрать новые материалы по местной кухне. Также автором была разработана специальная анкета по вопросу этнической идентичности арбрешей, которая была затем размещена на платформе Google-forms. Сбор ответов проводился через социальные сети, мессенджеры и общественные организации.

В августе 2023 г. была совершена еще одна поездка в регион Калабрия, а именно в поселение Лунгро. Полевая работа в этот временной интервал была сопряжена с наблюдением, фото- и видеофиксацией, также велось интервьюирование отдельных представителей арбрешской общины Лунгро. В результате этой поездки удалось уточнить и дополнить собранные ранее данные.

Настоящее исследование также опирается на архивные материалы. В 2017 году проводился сбор данных в архиве Международного центра албанских исследований Университета Палермо, а также в архиве Греко-албанской семинарии Пьяна-дельи-Альбанези. Важным источником сведений стал научный архив Библиотеки им. Джузеппе Скиро в Пьяна-дельи-Альбанези, где были изучены материалы по арбрешскому свадебному обряду и традиционному женскому костюму. Помимо этого, были рассмотрены документы, посвященные чинопоследованию обручения и венчания в Итало-албанской церкви. Немаловажным источником сведений послужила нормативно-правовая документация (Legge 15 Dicembre 1999, № 482; Decreto ministeriale 2021; Dossier N 302) и официальные статистические данные, собранные Итальянским национальным институтом статистики (Istituto nazionale di statistica; ISTAT) и Министерством внутренних дел Италии (Ministero dell'Interno).

Немаловажный вклад в расширение источниковой базы и дополнение этнографической информации о межэтнических контактах, языковой ситуации, вопросах культуры и образования внесли сведения из местных СМИ. Были использованы публикации в таких печатных и электронных газетах и журналах как “Jeta Arbereshe” («Арбрешская жизнь»), “Katundi Үнë” («Наша деревня»), “Dita Jote” («Твой день»), “Mondo Albanese” («Албанский мир»), “Oriente Cristiano” («Христианский восток») и др. Также автором были привлечены видеорепортажи, материалы сайтов, форумов и социальных сетей. Данные этих интернет-площадок послужили источником в исследовании различных аспектов арбрешской культуры и идентичности. Большую помощь в получении исторических сведений о жизни населения региона оказали сотрудники общественного музея Никола Барбатто, расположенного в Пьяна-дель-Альбанези, и местные старейшины. В диссертации использовались материалы личных и семейных фотоархивов некоторых ключевых информантов (С. Скиро, Г. Паррино, Дж. Скиро).

Положения, выносимые на защиту:

1. Многочисленные преобразования последних десятилетий в социальной и экономической сферах в значительной степени способствовали повышению внимания арбрешей к собственной культуре, которую они сохраняли на протяжении более пяти веков. Сегодня арбреша не только рефлексировать на тему идентичности, пытаются глубже разобраться в истории диаспоры и интерпретировать ее, определить свое социально-политическое положение в итальянском обществе, но также лучше осведомлены в культурных и образовательных проблемах этнической группы.

2. Мультикультурный характер современных обществ способствовал тому, что самосознание представителей арбрешской диаспоральной группы существенно видоизменилось за последние десятилетия, несмотря на общий

язык и историческую память. В процессе адаптации к новым условиям, а также культурного взаимодействия с итальянцами, начался процесс формирования смешанной идентичности, сочетающей в себе как собственные этнокультурные особенности, так и черты представителей доминантной общности.

3. Сегодня осмысление арбрешами своего этнического «я» все чаще происходит во время важных религиозных и исторических праздников, а также семейных мероприятий, когда представители диаспоральной группы начинают позиционировать свои исторические корни и значительное языковое, религиозное и традиционное наследие, которые они сохраняли в длительный период проживания среди итальянцев. В этом смысле свадебная обрядность становится ключевым маркером арбрешской идентичности, так как объединяет в себе три главные составляющие: язык, ритуал и костюм.

4. Несмотря на серьезное влияние социоэкономической модернизации и различные межэтнические взаимодействия, приведшие к значительным трансформациям в традиционной культуре и традиционных установках представителей албанской диаспоральной группы, язык арбрешей, а также женские костюмы продолжают сохраняться в культурной практике арбрешей и являются одним из основных механизмов репрезентации и передачи культурного кода.

5. Среди ключевых маркеров этнической идентичности арбрешей византийский обряд по-прежнему остаётся наиболее устойчивым к трансформации, поскольку местное духовенство отвечает за сохранность религиозной культуры, тесно связанной с социальной средой в целом. Несмотря на то что под влиянием разнообразных интеграционных процессов в тексте свадьбы прослеживаются многочисленные инновации и заимствования, арбреши пытаются ревитализировать уходящие традиции, воплощая их в новой форме.

6. Свадебная обрядность и её составные элементы продолжают сохраняться в культурной практике арбрешей и являются одним из основных механизмов репрезентации и передачи культурного кода, а также позиционирования этнической принадлежности в условиях проживания в полиэтничном обществе.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что диссертационное исследование представляет собой комплексное и всестороннее описание арбрешской этнической общности, включенное в широкий контекст балканских традиций. В работе предлагается собственное осмысление термина «диаспоральная группа», которое уточняет понятийно-терминологический аппарат в сфере изучения феномена диаспоры. Кроме того, впервые в отечественной науке в контексте изучения албанских общин Италии поднимается вопрос о применении к ним терминов «историческая» диаспора и «миграция». **Практическая значимость.** Основные положения и результаты исследования могут использоваться при подготовке лекционных курсов и спецкурсов по балканской и европейской этнологии, при написании теоретических и обобщающих работ по языку и культуре арбрешей, а также применяться в исследованиях со схожей проблематикой. В частности, материалы настоящей работы были использованы автором при подготовке лекций в рамках учебных курсов «Этнография балканских народов», «Введение в этнолингвистику», «Антропология и этнология» на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета (2021–2024 гг.

Степень достоверности диссертационного исследования обуславливается использованием большого количества опубликованных и неопубликованных источников, в том числе зарубежных архивных материалов, введением в научный оборот значительного объема нового историко-этнографического и визуально-антропологического материала, включая

собранный автором в результате многолетних полевых исследований в Италии, Албании, России.

Структура работы. Исследование состоит из Введения, четырех глав, Заключения, Списка источников и литературы, Списка сокращений, семи Приложений, включающих список респондентов, данные переписей, анкету, диаграммы и фотографии.

Первая глава посвящена общей характеристике языка, на котором говорят арбреши Италии, его статусу и актуальным проблемам, связанным с его изучением и преподаванием. Также анализируется современная языковая картина в арбрешских поселениях и отношение носителей к своему идиому. Вторая глава посвящена истории возникновения Итало-албанской церкви и роли византийского обряда в формировании арбрешской идентичности, анализируются механизмы сохранения арбрешской идентичности с момента переселения до настоящего времени. Третья глава посвящена свадебному обряду арбрешей, который объединяет основные этнокультурные особенности, рассмотренные в предыдущих главах. Четвертая глава посвящена традиционным костюмам арбрешей Калабрии и Сицилии. Внимание уделяется также их трансформации и функционированию в современных реалиях. В Заключении сформулированы основные выводы исследования.

ГЛАВА 1. ЯЗЫК АРБРЕШЕЙ

1.1. Краткая история образования арбрешских поселений в Южной Италии

С середины XV века османы подчинили себе почти весь Балканский полуостров, за исключением небольшой прибрежной полосы вдоль Адриатического моря, которая включала в себя территорию современной Албании. В этом регионе албанцы под руководством Скандербега⁶ оказывали сопротивление армиям султана в течение двадцати пяти лет (Арш 1992). Благодаря своим военным успехам, Скандербег получил помощь и поддержку Альфонсо V Арагонского (1396–1458 гг.), правитель Неаполитанского королевства, который планировал расширить свои владения от Гибралтара до Босфора. Скандербег был связан с неаполитанским королем договором, который включал в себя признание протектората Неаполя над Албанией и одновременно обязывал Албанию предоставить в случае необходимости военную помощь Неаполю (Zangari 1941: 45).

Первые албанские колонии в Италии возникли в 1448 году, когда три тысячи албанских страдиотов⁷ во главе с Деметрио Рересом и его сыновьями Джорджио и Базилио были отправлены Скандербегом в Калабрию, чтобы оказать помощь Альфонсо V в подавлении вспыхнувшего восстания баронов (Romata 1964). В награду за военные услуги король Неаполя назначил Ререса губернатором Калабрии, а также передал ему земли, на которых были основаны первые арбрешские поселения (Zangari 1941: 52). Король считал, что присутствие албанцев в этом регионе также будет препятствовать любым дальнейшим попыткам восстания. Позднее, с нарастающим давлением османских завоевателей, Албанию стали покидать новые группы мигрантов,

---

⁶ Скандербег, или Георг Кастриоти (1405–1468 гг.) – правитель княжества Кастриоти, вождь антиосманского албанского восстания, национальный герой Албании, воспеваемый в народных песнях (Арш 1992: 56-62).

⁷ Страдиоты – наёмники балканского происхождения.

воспользовавшись тем, что в Калабрии уже были основаны первые колонии (Mastroberti 2008: 149).

Другая волна переселения восходит к 1461–1468 годам. В этот период в Неаполитанском королевстве вспыхнула гражданская война и новый король Фердинанд I (1423–1494 гг.) вновь обратился к Скандербегу за помощью. Воспользовавшись установившимся перемирием с турками, Скандербег отправился со своим небольшим войском в Италию (Арш 1992). По окончании войны многие из албанских солдат остались в Молизе, где они основали новые поселения (Mastroberti 2008: 150).

Третье переселение относится к 1470–1478 годам. В этот период отношения между Неаполитанским королевством и албанской знатью укрепились благодаря браку, заключенному в 1470 году между племянницей Скандерберга Иреной Кастриоти и калабрийским принцем Пьетро Антонио Сансеверино. Падение албанского города Круи под натиском турок в 1478 году также способствовало миграции населения.

Самая крупная и продолжительная миграция албанского населения датируется 1468–1506 годами, когда после смерти Скандербега все большее число албанских городов и крепостей оказывалось под османским управлением (Арш 1992: 76-78). Население Албании подвергалось преследованиям и массовым убийствам, поэтому многие албанцы последовали примеру тех, кто ранее поселился в Южной Италии. Прибытие албанских беженцев могло в значительной степени укрепить экономику и демографию малонаселенных зон, поэтому многие из албанцев при одобрении католической церкви получили землю и права от местных феодалов (Emmanuele 1988: 90). Часть беженцев обосновалась в Неаполитанском королевстве, в горных районах вокруг Беневенто, а также в провинции Потенца в Бариле, Джинестре, Маскито и Мелфи, где они заселили заброшенные деревни, разрушенные землетрясением

(Romata 1964: 16). Остальные отправились в Калабрию, где в районе Козенца основали многочисленные поселения (Zangari 1941: 85). Семьи старой албанской знати поселились в Трани и Отранто. Тем временем на Сицилии появились новые поселения: в провинции Катания – Бьянкавилла, в провинции Палермо – Палаццо-Адриано, а в 1488 году Бронте и Пьяна-деи-Гречи⁸ (Romata 1964: 17).

Следующая волна миграции произошла в 1534 году и была массовым перемещением греческих и албанских беженцев из Морей⁹, в частности из города Корона, чье население было в основном греческим, но существовало албанское меньшинство православной веры, которых местные жители называли арванитами. После подписания мирного договора между Карлом V (1500–1558 гг.) и Сулейманом I (1494–1566 гг.) город Корона был оставлен османам, однако по условиям договора граждане, которые захотели бы покинуть город, могли сесть на один из кораблей, посланных Карлом V, и найти убежище в Италии. Неаполитанское правительство наняло несколько торговых судов для переправы греческих и албанских (арванитских) семей Короны, которые предпочли найти новый дом в провинциях Южной Италии. Около двух тысяч человек были перевезены к берегам Неаполитанского королевства (Romata 1964: 20).

Так, например, близ города Потенца (область Базиликата) были основаны поселения Бариле, Бриндизи-Монтанья, Джинестра, Мельфи, Сан-Костантино-Альбанезе, Сан-Пауло-Альбанезе и Сан-Джорджо-Лукано, а в Калабрии – Кастрореджо и Фарнета (Romata 1964: 22). Другая группа мигрантов обосновалась в городе Гречи в провинции Авеллино. Некоторые албанцы по-прежнему отправлялись заселять различные полуразрушенные фермерские дома в районе Таранто, другие же поселились на Сицилии, переехав жить в поселения, основанные ранее (Mastroberti 2008: 152). Вплоть до первой половины XVIII века

---

⁸ Пьяна-деи-Гречи – первоначальный вариант названия Пьяна-дельи-Альбанези.

⁹ Морея – средневековое название полуострова Пелопоннес.

миграция албанского населения практически не прекращалась. Основные области, в которые миграция албанцев была наиболее существенной, – это Калабрия, Сицилия, Молизе, Кампания, Апулия и Базиликата.

Влияние соседей-итальянцев в значительной мере сказалось на всех уровнях культурно-социальной жизни: архитектура, способы ведения хозяйства, социальные институты, одежда, кухня и ритуальные практики. Многие из основанных мигрантами поселений со временем утратили свои этнокультурные особенности. Полностью ассимилированные албанские поселения в основном находятся в Апулии, что может быть объяснено равнинным расположением и близостью к крупным городам, таким как Таранто и Лечче (Mandalà 2001: 75). Однако некоторые колонии, хотя и подверглись в значительной степени италиянизации, все же сохраняют хорошо узнаваемые черты, присущие албанской культуре. Поселения, население которых в наибольшей степени сохранило этническую и языковую самобытность, находятся в Калабрии и на северо-западе Сицилии, в отдаленных горных районах, которые долгое время в прошлом были недоступны для транспорта (Romata 1964: 27). В этих землях поселенцы продолжают вести привычный образ жизни, говорить на языке отцов, поддерживать византийский религиозный обряд, справлять народные праздники и передавать из поколения в поколение фольклор и ритуальные практики, а в сфере материальной культуры сохранять традиционный костюм, украшения и прочие предметы быта в аутентичном виде, характерном для запада Балканского полуострова¹⁰.

---

¹⁰ Об этнокультурных группах в исторической динамике см. работы А.А Пригарина, С.Б. Кузьминой, В.В. Барановой, А.А. Новика и др. (Пригарин, Кузьмина 2014; Баранова 2010; Голо Бордо 2013; Новик и др. 2016).

В настоящее время арбреши живут в пятидесяти поселениях, находящихся в семи областях и десяти провинциях Южной Италии (Приложение 2). Значительное количество представителей албанской диаспоральной группы проживает в промышленных районах Северной Италии (особенно в Турине и Милане), в центральной части страны (в частности, в Риме), а также в таких южных городах, как Неаполь, Палермо, Бари. Выходцы из итало-албанских поселений, эмигрировавшие в разное время из малых городов Южной Италии, обосновались в европейских мегаполисах (Париже, Лондоне, Берлине), в США, Бразилии, Аргентине (Matranga 2019).

1.2 Язык и идентичность арбрешей. Общая характеристика идиома

Одним из ключевых элементов культуры, которые характеризуют и отличают арбрешские общины, является их язык. Он передается устно от поколения к поколению и формирует этнокультурную идентичность представителей диаспоральной группы. Именно посредством устной традиции происходит наследование народных обычаев и фольклора. Особенность языковой системы арбрешей заключается в том, что она сохранялась и развивалась на протяжении пяти веков, не имея постоянного контакта с албанскими диалектами, в силу чего приобрела новые черты. Арбрешский диалект возник в условиях новой языковой среды и претерпел различные модификации под воздействием итальянского языка и других романских диалектов. С лингвистической точки зрения он характеризуется, с одной стороны, рядом консервативных черт, присущих албанским южным говорам XV века, а с другой стороны, благодаря автономному развитию обладает инновационными чертами (Altimari 1983: 51).

Во время первых поселений сохранению языка способствовало прежде всего условие изоляции албанских колоний, а также трудности в понимании во время контактов с местным населением. В настоящее время постепенный отказ

от многовековой сельскохозяйственной экономики и домашнего производства, радикальное изменение в передаче информации, распространение средств массовой информации и повышение уровня школьного образования приводят к изменению языковой компетенции носителей арбрешского. Становится все более заметной тенденция перехода на итальянский язык, при этом знание собственного диалекта нивелируется. Помимо албанцев, мигрировавших из Албании в XX в. после падения коммунистического режима, сегодня в основанных их предшественниками исторических поселениях живут представители смешанных браков. Часто один или оба супругов не владеют арбрешким диалектом, и их дети растут в ситуации диглоссии, где доминирующим языком является итальянский или смесь местных диалектов. В этой связи проблема утраты носителями своего языка и, как следствие, своей идентичности, особенно актуальна. Для арбрешей их диалект является частью коллективного самосознания, его потеря равносильна утрате собственной истории (ПМА 8).

В отличие от албанцев, проживающих на территории Италии¹¹, относительно точное число арбрешей не известно. Отсутствие достоверных данных, отображающих реальную картину их численности, связано с тем, что до сих пор не был выработан единый метод включения или исключения лингвистически интегрированных представителей смешанных браков и их потомков, проживающих в арбрешских общинах, а также тех, кто переехал в крупные итальянские города или эмигрировал за границу. Последние точные данные, собранные Итальянским национальным институтом статистики (Istituto nazionale di statistica; ISTAT), датируются 1921 г. Согласно результатам этой

---

¹¹ Согласно данным Итальянского национального института статистики, в 2017 г. в Италии постоянно проживало 448 407 албанских мигрантов, в то время как к 2023 г. их число уменьшилось до 416 829 человек (ISTAT, 2023. URL: <https://www.tuttitalia.it/statistiche/cittadini-stranieri/albania/>).

переписи населения, на территории Италии проживало 80 282 арбреша (Bellusci, Radovicka 2020: 69).

В 1977 году Альфредо Фрега провел собственное исследование и оценил общее число итало-албанцев примерно в 197 000 человек (Frega 1977: 47). Однако в исследовании Савойи, опубликованном в 2015 г., число арбрешей оценивалось примерно в 100 000 человек, из которых 60-70% являлись носителями языка данной диаспоральной группы (Savoia 2015: 267). Согласно данным Вито Матранга, в 2017 г. общее количество жителей, официально зарегистрированных во всех арбрешских поселениях, составило 82 773 человека (Приложение 3) (Matranga 2019).

Габриэле Паррино, один из ключевых информантов с 2017 г., родившийся и выросший в поселении Пьяна-дельи-Альбанези (Сицилия), в ходе интервью сообщил, что опубликованные в разных источниках данные отражают лишь часть реальной картины, так как при подсчетах учитываются только жители исконно-арбрешских поселений. Значительный процент арбрешей, проживающих в крупных городах, никак не фиксируется. Кроме того, сбор статистических данных о количестве арбрешей и других представителей лингвистических меньшинств Италии затрудняется негативным отношением самих респондентов к данному вопросу:

«На самом деле, нас намного больше, чем сообщается в официальных данных, которые можно посмотреть, например, в Википедии. Определить точное количество арбрешей не так просто, потому что при подсчетах обычно берут среднее число жителей в поселениях, не учитывая, что многие имеют второе жильё в Палермо и приезжают в Хору (Пьяна-дельи-Альбанези на местном говоре) только на выходные. Кроме того, в народе еще сохраняется негативное отношение к переписи: «Мы не скот, чтобы нас пересчитывать,

как во времена фашистов!»» (ПМА 4: Г. Паррино, арбреш, 1991 г. р., Пьяна-дельи-Альбанези).

Таким образом, на сегодняшний день доступна лишь очень приблизительная оценка количества представителей албанской диаспоральной группы. Численность арбрешей колеблется от 100 000 до 150 000 человек. Для того чтобы получить общее число итало-албанцев, недостаточно подсчитать количество жителей в каждой общине, поскольку многие арбрешки переехали в крупные итальянские города, особенно после 1950 г., и эмигрировали за границу еще в конце XIX в. Кроме того, среди исследователей нет общего мнения относительно того, какие критерии следует использовать для определения арбрешской этничности. Не все носители арбрешского языка, считают себя частью этой этнической группы. И наоборот: те, кто по каким-либо причинам не говорит на языке диаспоры, всё равно сохраняют свою арбрешскую идентичность благодаря другим аспектам культуры.

По результатам удаленного опроса, проведенного автором настоящего исследования среди представителей арбрешской диаспоральной группы с помощью программы Google-forms¹², на вопрос «Кем Вы себя считаете?» 61,5 % респондентов ответили, что идентифицируют себя с арбрешской диаспоральной группой, 15 % назвали себя итальянцами, 7,6 % выбрали этноним «арбро-албанец» и столько же указали свой вариант ответа – «арбреш и итальянец» (Приложение 6, диаграмма 1.2.1). В результате сопоставления полученных ответов с возрастом участников опроса было выявлено, что арбрешами себя называют респонденты в возрасте от 35 до 65 лет, в то время как молодое поколение в возрасте от 15 до 30 лет ощущают себя итальянцами или арбро-албанцами, но при этом осознают свою принадлежность к собственной этнической группе через язык или отдельные элементы культуры (ПМА 8).

---

¹² Полный перечень вопросов анкеты указан в Приложении 5.

Информанты, с которыми удалось пообщаться на тему этнической принадлежности, объясняют множественный выбор следующим образом:

«Я арбреши, но в то же время я понимаю, что меня окружает итальянская культура. Поэтому незнакомым людям я представляюсь как итальянец. Если меня спрашивают про мой акцент, то я объясняю, что отношусь к албаноговорящему меньшинству в Италии. Когда я не хочу вдаваться в подробности и объяснять свое происхождение, я говорю, что родился на Сицилии» (ПМА 6: С. Скиро 1988 г. р., Пьяна-дельи-Альбанези).

Арбреши понимают, что они родились и выросли в итальянской культурной среде, которая уже стала неотъемлемой частью их повседневной жизни, поэтому молодое поколение интегрирует в свое самоопределение несколько культурных принадлежностей, которые не вступают в конфликт друг с другом. Некоторые информанты заявляют, что благодаря наличию множественной идентичности они чувствуют себя даже культурно богаче¹³. Таким образом, в случае арбрешей можно говорить о сложной многоуровневой идентичности, включающей множество аспектов. Пока не будет разработана единая методика подсчета количества представителей этнических меньшинств либо на государственном уровне в рамках следующей переписи населения, либо отдельными муниципалитетами, до тех пор трудно дать более точную оценку численности арбрешей на территории Италии.

Представители албанской диаспоры используют бытовавший до начала переселения глоттоним *арберишт* (алб., арбр. arbërisht), который выполняет самоидентифицирующую функцию. И хотя во многих итало-албанских

---

¹³ Согласно результатам аналогичного исследования в провинции Фоджа, где интеграция арбрешей в итальянское общество произошла быстрее, на первое место респонденты поставили свою итальянскую идентичность, на второе – арбрешскую, на третье и четвертое место региональную и европейскую идентичности (ср.: Massaro 2010: 110).

сообществах этноним и глоттоним могут происходить от названия конкретной местности¹⁴, сегодня чаще используется коннотативно нейтральное слово *арбреш*, которое маркирует идентичность представителей всей албанской диаспоры, а не отдельной группы. В итальянском языке принят этноним *италоалбанези* (ит. *italo-albanesi* ‘итало-албанцы’) и глоттоним *италоалбанезе* (ит. *italoalbanese* ‘итало-албанский’), который также имеет вариации *калаброалбанезе* (ит. *calabro-albanese* ‘калабро-албанский’) и *сикулоалбанезе* (ит. *siculo-albanese* ‘сицилийский албанский’) и демонстрирует связь двух языков: исконного и приобретенного (Matranga 2019).

Арберишт является неоднородным языковым образованием и демонстрирует большое разнообразие лингвистических вариаций¹⁵. Фактически в исследуемой области сосуществуют разные языковые системы. Наряду с арбрешским диалектом, более распространенным в городских центрах, используются местные говоры, присущие сельской местности. Несмотря на то что большинство из них схожи друг с другом, носители не используют единый языковой код. Это связано с тем, что некоторые вариации, обнаруживаемые

---

¹⁴ В коммуне Гречи (арбр. *katundi* ‘деревня’) местный говор отождествляется с выражением *parlare a la katundsha / alla paesana* ‘говорить на катундском / на деревенском’; в Санта-Кристина-Джела (арбр. *Sëndastina*) используется глоттоним *сендастинар* (арбр. *sëndastinar*) или *santacristinese* ‘сантакрестинский язык’, в коммунах Зангарона (арбр. *Xingarona*) и Андали (арбр. *Andalli*) принято говорить *ngriku / ngreku*, т. е. ‘по-гречески’ (Matranga, 2019. URL: <http://www.kit.gwi.uni-muenchen.de/?p=12805&v=2#p:6>).

¹⁵ Лингвист, основатель и руководитель кафедры албанского языка и литературы в университете Калабрии, Франческо Солано, исследовал различия между разновидностями итало-албанского диалекта на юге Италии и выделил две основные и три второстепенные диалектные группы (Solano 1979). В 1991 г. Савойя расширил параметры, по которым производилась классификация языковых вариаций, но общая картина, изложенная Солано, осталась практически неизменной (Savoia 1991: 13-56). В 1981 году Франческо Альтимари проводил исследования в албаноязычном районе Козенцы и обнаружил социолингвистическую ситуацию, которая ранее была сформулирована Фергюссоном (Ferguson 1959), а затем и Фишманом (Fishman 1972) как «диглоссия с социальным двуязычием», однако итальянский исследователь уточнил, что, если учесть лингвистические разновидности, активно или пассивно известные большинству членов двух языковых групп (албанской и итальянской), то можно говорить о ситуации диглоссии с социальным многоязычием (Altimari 1983: 52).

сегодня на территории итало-албанских общин, демонстрируют настолько сильные различия на фонетическом, морфологическом и семантическом уровнях, что часто говорящие испытывают трудности в понимании (Belluscio 2010: 7-8). После переселения албанцев с Балканского полуострова на территорию Италии в результате перемещений носителей внутри сообществ и взаимного культурного влияния происходило смешение различных по своему происхождению албанских говоров с диалектами итальянского языка. Между двумя языками сложились особые отношения: с одной стороны, влияние приобретенного элемента, а с другой – сопротивление унаследованного (Çabej 1994: 86). В течение нескольких столетий арбрешский диалект албанского языка испытывал значительные изменения на всех уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом и структурном, что в дальнейшем способствовало возникновению многочисленных вариаций.

Согласно исследованиям, черты, характеризующие язык арбрешей, в большей степени присущи южному (тоскскому) диалекту албанского, а именно говорам юго-западного региона, где находятся крайны Ляберия и Чамерия¹⁶, а также диалекту арванитов современной Греции. Поскольку и албанские, и арбрешские говоры эволюционировали независимо друг от друга в течение пяти веков, лингвисты полагают, что в прошлом их сходство было еще более заметным, чем сейчас (Çabej 1994: 90). Тот факт, что в качестве основы литературной нормы албанского языка был выбран именно тоскский диалект, дает представителям арбрешской диаспоры возможность легче выучить стандартный вариант. Однако трудности во взаимопонимании между современным балканским албанцем и арбрешем связаны прежде всего с происхождением лексических пластов. Если в албанском, распространенном на территории Балканского полуострова, преобладают заимствования из турецкого и/или греческого, то в языке арбрешей прослеживается влияние итало-

---

¹⁶ Находится на территории современной Греции.

романских диалектов. Заимствования затрагивают в первую очередь сельскохозяйственную, производственную и коммерческую сферы, типичные для экономики развитых обществ. При этом семейно-бытовой лексикон арбрешей остается практически неизменным (Matranga 2019).

На сегодняшний день нет достоверных сведений и о количестве носителей диалекта. Последние относительно точные цифры, опирающиеся на предыдущие исследования, представил Даниэле Гамбарра, доцент кафедры социальной антропологии Университета Калабрии (Gambarra 1980). В его статье приводятся данные переписи 1966 г., где указывается число носителей арбрешского языка, число всех жителей в отдельных поселениях и их процентное соотношение (Приложение 4).

В 2001 и 2002 гг. Региональным научно-исследовательским институтом в области образования (Istituto Regionale Ricerca Educativa; IRRE) были собраны статистические данные, касающиеся 24 арбрешских сообществ в Калабрии. При сравнении этих отчетов было выявлено, что общее количество носителей диалекта в двадцати общинах почти одинаково: в 2001 г. 27 030 говорящих, в 2002 – 27 860. Однако изучение данных по отдельным сообществам показывает, что ответы, полученные с разницей в год, сильно отличаются¹⁷ (Belluscio 2010: 12-13). Согласно отчету Министерства внутренних дел Италии, в 2002 г. в 46 общинах проживало 70 342 носителя арбрешского языка. Однако в отчете не упоминается ни определение термина «итало-албанец», ни методы подсчета числа носителей (Ministero dell'Interno 2002). Таким образом, проблема сбора статистики в арбрешских поселениях остается актуальной, так как пока не разработан комплексный подход к ее решению.

---

¹⁷ Караффа-ди-Катандзаро (2001 г. – 849 говорящих; 2002 г. – 1250 говорящих), Чивита (2001 г. – 835; 2002 г. – 1124), Лунгро (2001 г. – 3425; 2002 г. – 2950), Сан-Костантино-Альбанезе (2001 г. – 835; 2002 г. – 1000) (Там же).

Степень присутствия и распространения арбрешского языка варьируется в зависимости от количества носителей в каждом конкретном сообществе. Результаты удаленного опроса, проведенного автором настоящего исследования преимущественно среди арбрешей Сицилии, показали, что 96 % респондентов говорят по-арбрешски, из них 38 % оценивают свой уровень владения языком на 5 баллов («отлично») и 42 % – на 4 балла («хорошо») (Приложение 6, диаграмма 1.6.1. - 1.6.2.) (ПМА 8).

Сотрудница Библиотеки Пьяна-дельи-Альбанези, специалист в области традиционного женского костюма и активистка местного арбрешского сообщества, Джузеппина Скиро, считает, что на Сицилии, особенно в Пьяна-дельи-Альбанези, уровень распространенности арбрешского диалекта намного выше, даже среди молодого поколения:

Молодежь не стесняется своего языка, наоборот, испытывает радость и даже гордость за него. В Хоре никто не чувствует, что итальянский лучше или престижнее, поскольку на протяжении всего существования нашего поселения всегда были люди и институты, говорившие о важности нашей культуры. Я слышала о том, что в Калабрии были случаи, когда арбрешки стеснялись или даже боялись разговаривать на своем диалекте, думаю, это связано с невежеством. На Сицилии арбрешки гордятся своим происхождением. Трудности могут возникать из-за особенностей нашего акцента, который имеет характерную интонацию и звучит тяжело. В основном дети, которые поступают в учебные заведения Палермо, быстро ассимилируются и перенимают акцент палермских итальянцев (ПМА 4: Скиро Дж., арбрешка, 1970 г. р., Пьяна-дельи-Альбанези).

Арбрешский является языком семейно-бытового общения, особенно в тех семьях, где оба родителя арбрешки. Он передается устно из поколения в поколение. Согласно результатам удаленного опроса, проведенного автором настоящего исследования, 81 % арбрешей Сицилии переняли арбрешский язык

от своих родителей, при этом 15 % освоили его в результате общения с друзьями (Приложение 6, диаграмма 1.6.3.). На вопрос «На каком языке Вы говорите?» 81 % ответили, что общение в кругу семьи происходит на языке диаспоры (Приложение 6, диаграмма 1.6.4.). Во время внегруппового общения с итальянцами, а также при обсуждении представителями арбрешского сообщества тем, выходящих за рамки повседневного диапазона, может происходить ситуативное переключение языкового кода¹⁸. Согласно результатам опроса, проведенного в Пьяна-дельи-Альбанези, 42 % респондентов ответили, что в социальной сфере используют два языка¹⁹: арбрешский и итальянский, 38 % – только арбрешский и 20 % – только итальянский. В повседневной жизни арбрешки «думают» в основном на родном языке, однако для работы в тех сферах, где требуются разнообразные термины и более сложные лексико-грамматические способы выражения, они используют итальянский. Во время коммуникаций с друзьями в зависимости от темы разговора и этнической принадлежности собеседника оба языка могут дополнять друг друга (Приложение 6, диаграмма 1.6.5-1.6.6.) (ПМА 8).

Помимо албанцев, мигрировавших из Албании в XX в. после падения коммунистического режима, сегодня в основанных их предшественниками исторических поселениях живут представители смешанных браков. Часто один или оба супругов не владеют арбрешским диалектом, и их дети растут в ситуации диглоссии. Гораздо реже арбрешский используется представителями других

---

¹⁸ Теоретические основы переключения языковых кодов (ПК) в условиях двуязычия разрабатывались в работах Дж. Гамперца, Дж. Фишмана, Ш. Поплак, Р. Аппеля, К. Майерс-Скоттон и др. (Gumperz 1964; Fishman 1967; Poplack 1980; Myers-Scotton 1997; Appel 2005).

¹⁹ Лингвисты, занимающиеся изучением языковой ситуации в арбрешских поселениях, описывают ее как «несбалансированный билингвизм», когда один язык развит лучше другого (Harrison 1974: 426). Кроме того, многие арбрешки владеют не только литературной нормой итальянского языка, но его региональными разновидностями. А в случае Сицилии местный диалект настолько сильно отличается от диалектов материковой Италии, что воспринимается сицилийцами как автономный язык (Фаис-Леутская 2016: 284). Поэтому можно говорить о распространении многоязычия среди арбрешей.

этнических групп, проживающих внутри сообщества. По результатам удаленного опроса, у 69 % респондентов есть партнеры, при этом 67 % из них имеют арбрешское происхождение, а 72 % говорят по-арбрешски (Приложение б). Лишь у 38 % респондентов есть дети, из них 80 % говорят по-арбрешски, а 10 % понимают, но не говорят. При этом 70 % детей испытывают интерес к изучению языка своих родителей (Приложение 6, диаграмма 1.6.7-1.6.9.).

1.3. Вопрос алфавита

Проблема создания единого алфавита для арбрешского языка заняла важное место в работе многих просветителей и публицистов. До XVI в. у арбрешей не было собственной письменной традиции. Она зародилась программно и осознанно лишь в 1592 г. с переводом катехизиса «Христианская доктрина» с латинского на средневековый албанский, который выполнил священник Итало-албанской церкви из Пьяна-дельи-Албанези Лука Матранга. Книга была издана в Риме, в греческом колледже Св. Афанасия и насчитывает 28 страниц, в нее также вошло восьмистрочное стихотворение Матранги, которое является первой из обнаруженных форм поэзии на албанском языке. «Христианская доктрина» имеет особое историческое, лингвистическое и литературное значение и является старейшим документом, написанным на тоскском диалекте в арбрешской литературе. Впервые по образцу народного языка были заложены основы письма во всех его аспектах: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, функциональном, стилистическом и орфографическом. Латинский алфавит Матранги стал основой всех последующих разработок, с этого времени арбрешские писатели начали использовать местный идиом для создания более сложного койне.

В Албании единая система письменности была разработана только в 1908 году, и потребовалось несколько десятилетий, прежде чем её использование стало нормой. Долгое время в стране одновременно действовали несколько письменных систем, что связано прежде всего с влиянием различных конфессий.

На севере Албании, где традиционно исповедовали католичество, использовались латинские буквы, на юге страны языком христианского образования был греческий, приверженцы ислама (в частности, представители движения младотурок) выступали за принятие арабского алфавита, кроме того, предпринимались многочисленные попытки изобретения оригинальной письменности (Osmani 1999: 316).

На протяжении нескольких лет, пока в Албании решался этот вопрос, арбрешские общественные деятели настаивали на объединении усилий для создания общего алфавита. В периодической печати арбрешей появлялись статьи, посвященные дискуссиям, которые велись вокруг алфавитного вопроса. Также арбреша неоднократно выступали с предложениями собственных письменных систем. Например, Иеронимом де Рада организовал два лингвистических конгресса: в Корильяно-Калабро (октябрь 1895 г.), а затем в Лунгро (1897 г.). На последнем был предложен вариант алфавита, который Де Рада использовал в 1894 году по случаю публикации работы «Символы и грамматика албанского языка». Однако несмотря на первоначальный энтузиазм обсуждения на обоих конгрессах не вызвали положительных и единодушных отзывов даже среди самих арбрешей, которые продолжали использовать разные алфавиты. Предложенный вариант не нашел поддержки и в албанских кругах, где все больше укреплялся алфавит Фрашери²⁰, на котором печатались основные литературные и идеологические произведения албанского Возрождения. Поэтому долгое время арбрешская печать использовала Стамбульский алфавит в качестве основного. В 1902 г. был выдвинут алфавит Джузеппе Скиро²¹, состоявший из 38 знаков, но и эта попытка оказалась неудачной (Gurga 2011: 85).

---

²⁰ Алфавит Фрашери, или Стамбульский алфавит – система письменности, основанная на латинских символах, которую изобрели Сами Фрашери, Пашко Вачо и Яни Врето. С 1905 г. широко использовался на всей территории Албании (Osmani 1999: 302).

²¹ Джузеппе Скиро (1865-1927) – арбрешский неоклассический поэт, публицист, лингвист и фольклорист из Сицилии.

Арбрешские публицисты неоднократно обращались к наиболее авторитетным албанским культурным обществам и газетам с просьбой прийти к соглашению относительно единого алфавита и литературной нормы. Особого упоминания заслуживают две статьи лингвиста Александра Джувани, который преподавал албанский язык в колледже Св. Адриана в Сан-Деметрио-Короне. В публикации под названием “Për themelin e një gjuhe letrare” («О создании литературного албанского языка») автор утверждает, что стандарт должен быть основан на тоскском диалекте, при необходимости дополненном и обогащенном элементами гегского диалекта (Gurga 2011: 87). Во второй статье “Çashtja e alfabetit” («Алфавитный вопрос»), появившейся в 1907 г., Джувани в целом высказался в пользу алфавита Башкимского общества²², но предложил некоторые изменения (Xhuvani 1972).

К 1908 г. арбрешши все чаще стали обращаться к албанцам с предложением согласовать общий алфавит, при этом большинство склонялось в пользу варианта Башкимского общества. В период с 14 по 22 ноября 1908 г. в городе Манастир²³ албанские общественные деятели провели конгресс, на котором было решено использовать как Стамбульский, так и модифицированный Башкимский алфавиты. В 1909 и 1910 гг. сторонники младотурок провели несколько демонстраций в пользу арабского письма, однако провокации вскоре прекратились, и был принят Башкимский алфавит, которым албанцы пользуются до сих пор (Osmani 1999: 330).

Редактор арбрешской газеты *La Nazione Albanese* «Албанская нация» Ансельмо Лореккио проанализировал вклад арбрешей в алфавитный вопрос и предложил провести еще один лингвистический конгресс, но уже в Италии, однако развития этой темы не последовало. Несмотря на незначительное

---

²² Башкимское общество (алб. Shoqnia e Bashkimit të Gjuhës Shqipe) – литературное общество, основанное в Шкодре, одной из основных задач которого было создание единого албанского алфавита.

²³ Прежнее наименование города Битола в Республике Северная Македония.

сопротивление арбрешей решение придерживаться резолюций Манастирского конгресса сблизило лингвистическую политику албанцев и арбрешей в вопросе письменности (Gurga 2011: 90). Тем не менее, в настоящее время продолжает существовать противоположная точка зрения, основанная на том, что албанский язык и арбрешский диалект по-разному эволюционировали на историческом, лингвистическом и культурном уровнях, а также имеют различные литературные традиции (ПМА 4).

1.4. Статус арбрешского диалекта до 1999 года и динамика изменений

В XVII-XVIII вв. культурная жизнь в арбрешских общинах, прежде всего на Сицилии, испытала подъем, так как местная интеллигенция активно включилась в работу по сохранению исторического прошлого и поддержанию традиций. Интеллектуалы, в основном с церковным образованием, начали собирать и записывать фольклор, документировать данные исторических хроник, исследовать собственные традиции и обычаи. В этот период широкое распространение получила народная религиозная поэзия, ставшая позднее частью традиционного фольклора.

В конце XIX в. сохранению связей с Албанией способствовала деятельность различных общественных организаций. С 1890-х годов в Корильяно-Калабро, Лунгро и Пьяна-дельи-Альбанези стали проходить языковые конгрессы. В 1893 г. в Палермо был создан Итало-албанский комитет с представительствами во всех общинах, в 1902 г. Албанский национальный комитет, преобразованный позже в Албанскую национальную лигу Скандербега, а затем в Итало-албанскую лигу. В первой половине XX века благодаря поддержке Национальной академии деи Линчеи был открыт албанский учебный центр при Университете Палермо. В университетах Неаполя, Рима, Палермо, а позднее Бари, Падуи и Козенцы, были основаны кафедры албанского языка (Belluscio 2010: 57).

В это же время в печати начали появляться местные газеты и журналы, которые в изменившихся социальных условиях стали новым средством

трансляции арберешской идентичности. Тексты статей писались в основном на итальянском языке, что обуславливалось необходимостью привлечения внимания к актуальным проблемам как можно большего числа читателей в том числе за пределами арбрешской диаспоральной группы. На Сицилии с 1877 года под редакцией Стасси Петти и Джузеппе Скиро выходила газета *Arbri i rii* «Новая Албания», а в 1890 году Джузеппе Скиро основал *Archivio albanese* «Албанский архив». С 1897 по 1924 год под редакцией Ансельмо Лореккио издавалась газета *La Nazione Albanese* «Албанская нация». В Пьяна-дели-Альбанези в 1920 году было основано религиозное издание *Padre Giorgio Guzzetta* «Отец Джорджо Гудзетта», а также выходили другие журналы и газеты (Giacomarra 2012: 209).

Вплоть до конца XX в. образованием и приобщением молодого поколения к культурным ценностям диаспоры также занимались церковные учреждения. Так, в основанной Джорджо Гудзеттой итало-албанской семинарии в Палермо представители духовенства – ученые, историки, лингвисты и литературоведы, чья деятельность была направлена на сохранение культурной и языковой идентичности арбрешей, – воспитали не одно поколение семинаристов (Manali 2009). Коллегиальные сообщества не только внесли весомый вклад в сохранение языка и византийского обряда, но и оказали влияние на культуру и образование в целом (Schirò 2011: 235). С течением времени роль церковно-образовательных учреждений в социальной жизни арбрешей стала постепенно уменьшаться, им на смену пришли государственные образовательные институты, а вместе с ними и новый педагогический контингент, состоявший в основном из сицилийцев или итальянцев, прибывших с материковой части Италии. Проводимая государством политика в отношении этнических меньшинств и их языков также не способствовала укреплению представления арбрешей о ценности принадлежности к собственной диаспоральной группе (Giacomarra 2003).

С 1950-х годов арбрешей стали испытывать кризис этнической и культурной идентичности, что было вызвано миграцией, экономическими

преобразованиями, трансляцией массовой культуры в СМИ, а также более общими процессами модернизации. Началась новая волна миграции арбрешей, стремившихся найти лучшие экономические и социальные условия. Число уехавших в крупные города Италии и другие страны Европы превысило число тех, кто остался в своих исторических поселениях. Территориальный маркер перестал играть роль в определении идентичности. В начале 1970-х годов ценности доминировавшей итальянской культуры были приняты арбрешами настолько, что стали восприниматься естественным образом (Giacomarra 2012: 209).

Некоторые арбрешы стали считать свой собственный говор менее престижным по сравнению с итальянским. Это прослеживается на примере двух исследований, проведенных в общинах Козенцы (Калабрия) Марио Болоньяри. По данным опроса 1978 г., популярность использования арбрешского была очень низкой. Многие респонденты высказались о не востребованности родного языка, о трудностях, которые он создает при общении с представителями других этнических групп, не давая при этом никаких преимуществ. Другие выразили желание не раскрывать своего происхождения и не использовать арбрешский в повседневной жизни. Наконец, респонденты из третьей группы, состоявшей в основном из мигрантов, отметили, что полностью отказались от родного языка в пользу итальянского, поскольку хотят расширить свои возможности (Bolognari 1978: 47-49). В 1990-е годы среди причин отчуждения от родного языка назывались ситуации, когда в смешанном браке один из партнеров не хотел учить родной язык другого и соответственно обучать арбрешскому языку ребенка; или же когда арбрешы сознательно стремились скрыть свое происхождение из-за сложившихся в то время в итальянском обществе этнических стереотипов²⁴ (Bolognari 1986: 47-48).

---

²⁴ В 90-е годы итальянские СМИ создали нелицеприятный образ албанцев (прежде всего Балкан), из-за чего мигранты нового поколения столкнулись с сильной «расовой»

До 1999 г. арбрешский было разрешено преподавать в начальных и младших классах средней школы только в качестве факультативного предмета вне основной программы. Общение на диалекте происходило исключительно между родителями и учителями, поскольку вести занятия на языке арбрешей было запрещено, даже если учитель и являлся его носителем. Так, в 1974 г. были приняты новые декреты об образовании, дававшие государственным школам современную демократическую организацию, которая предполагала представительство родителей в школьном совете и участие в составлении учебных программ (Matranga 2015: 25-26). При поддержке органов власти стало возможным адаптировать школьное образование к потребностям языковых меньшинств, но только в качестве факультативов. В 1980-е годы после вступления в силу нового декрета стали доступны дополнительные занятия по языку и культуре, поскольку школьные программы содержали более четкие инструкции (Decreto Ministeriale, 2021. URL: http://archivio.invalsi.it/classe-aperta/classe_aperta/documenti/doc05.pdf).

Тем не менее язык арбрешей использовался практически во всех сферах деятельности, за исключением публичных мероприятий, таких как собрания городского совета, когда для обеспечения более эффективного общения носители переходили на итальянский. Также представителями местных администраций в городских и сельских районах внутри муниципальных границ были введены двуязычные топонимы. Однако официальное признание культурного и языкового наследия арбрешских диаспоральных групп началось только после вступления в силу закона № 482 от 1999 г. о защите исторических языковых меньшинств (Brunetti 2005).

После 1989 г. в свете автономистских и даже сепаратистских движений в некоторых европейских странах в Италии стала особенно актуальной проблема

дискриминацией. Слова «албанец» и «грек» стали использоваться в качестве оскорблений (Brokaj 2018: 15).

этнических меньшинств. В этой связи правительством страны было решено издать закон № 482 от 15 декабря 1999 г., получивший название «Нормы относительно защиты исторических и лингвистических меньшинств». Реформа затронула 14 из 20 областей и 30 из 103 провинций и имела целью распространить особые гарантии на все этнические меньшинства, проживающие на территории Италии. Согласно этому закону, Республика защищает культурное наследие итальянского языка, который объявляется государственным, а также официально признает языки и культуры групп населения, говорящих на албанском, греческом, каталанском, словенском, хорватском, французском, франко-провансальском, фриульском, ладинском, окситанском, сардинском и германских языках (Legge № 482, 1999. URL: <https://www.parlamento.it/parlam/leggi/994821.htm>). Таким образом, закон регулирует защиту двенадцати языковых меньшинств, проживающих на территории Италии. Его исполнение в основном делегировано региональным властям, а в некоторых случаях – центральным администрациям. Устное и письменное использование языков меньшинств разрешено в органах государственного управления, представленных в муниципалитетах (статья 9). Также был учрежден Национальный Фонд защиты языковых меньшинств. Выделение средств на проекты, представленные местными управлениями, происходит в соответствии со статьей 1 параграфа 549 закона № 160 2019. Согласно указу председателя Совета министров, бюджет распределяется после проверки предоставленных муниципалитетами отчетов с обоснованием расходов (Dossier № 302 2020: 20).

С 1999 г. сферы использования арбрешского диалекта значительно расширились. Муниципалитеты разработали свои проекты, получившие значительное государственное финансирование. Так, в 2001 г. в Пьяна-дельи-Альбанези был представлен проект “Noga 2002”, предусматривавший курсы языковой подготовки, перевод на арбрешский и печать туристических

справочников, создание документальных фильмов об арбрешах, приобретение и установку топонимических двуязычных знаков (Scuderi 2011: 189-190). Кафедра албанского языка и литературы педагогического факультета Университета Палермо представила проекты “Alba first annuity” и “Alberia 2002”, на которые была выделена сумма в размере свыше 600 тыс. евро. Проект “Alba” был направлен на более широкое распространение арбрешского диалекта посредством медиа, которые бы связывали между собой албанские общины, “Alberia 2002” предусматривал открытие языковых центров с устными и/или письменными переводчиками, образовательную подготовку студентов университетов, архивные исследования для восстановления топонимии, а также рекламную деятельность (Ministero dell’Interno, 2002. URL: http://www.interno.it/mininterno/notizie/minoranze/notizia_17969.html_194914769.html). Студенты получили возможность поехать в Албанию и Косово с целью выучить албанский язык, чтобы затем работать в языковых бюро. По словам информантов, на тот момент служащий мог получать до 400 евро в месяц, и такая зарплата считалась в селах престижной (Новик 2002).

Все вышеупомянутые проекты были повторно профинансированы, и к 2004 г. было завершено 9 документальных фильмов. На Сицилии муниципалитеты Санта-Кристина-Джелы и Медзоюзо также разработали свои проекты по восстановлению языка и традиций²⁵. В Палаццо-Адриано планировалась редакционная деятельность, создание мультимедийной библиотеки рукописей, а также нового веб-сайта для популяризации арбрешской культуры. Муниципалитет Контесса-Энтеллины представил проект, включавший запись видеоматериалов, посвященных византийскому обряду, выпуск радиопередач о

---

²⁵ Проект Медзоюзо носил название «Возвращение в прошлое – это наше настоящее: мы восстанавливаем язык и традиции» и предполагал издательскую деятельность, выпуск видео- / телевизионного журнала, производство DVD, организацию выставки «Духовное искусство в Медзоюзо», и был профинансирован в размере 90 тысяч евро (Scuderi 2011: 190-192).

греческой литургической музыке, печать монографий по истории сообщества, открытие театральных мастерских, создание цифровых платформ (Scuderi 2011: 190-192).

К 2006 г. коммуны Пьяна-дельи-Альбанези, Контецца-Энтеллина и Санта-Кристина-Джелла создали ассоциацию *Besa* (арбр. «Клятва»), к которой позднее присоединился Медзоюзо. Проект включал несколько направлений: обучение студентов, издание в печатном и онлайн-формате двуязычного журнала, посвященного истории, традициям и языку; выпуск документального фильма, открытие театральной мастерской.

До 2003 г. денежные средства выделялись не только муниципалитетам, но и отдельным ассоциациям, культурным центрам, университетам и религиозным организациям, работавшим над защитой языка и культуры языковых меньшинств. Например, Народный театр арбрешей готовил музыкальный проект, некоторые частные ассоциации (“*Pro Loco Piana degli Albanesi*”, “*Contessa Entellina*”, “*Palazzo Adriano*”) при участии региона реализовали деятельность по продвижению культуры и туризма. *Pro Loco*²⁶ опубликовала издание «Историко-антологический облик арбрешской литературы на Сицилии». Кооперативное сообщество Медзоюзо “*Alessandro Scarlatti*” проводило работу по возрождению песен византийской литургии. Благодаря предложению совместить современные оркестровые аранжировки с чтением религиозных текстов возрос интерес арбрешей к собственному историко-культурному наследию, и впоследствии на факультете изящных искусств Университета Палермо и в консерватории «Винченцо Беллини» были учреждены кафедры византийской музыки (Scuderi 2011: 196-197).

---

²⁶ Pro-Loco – организация, занимающаяся продвижением традиционной культуры арбрешей Пьяна-дельи-Альбанези в средствах массовой информации (Pro-Loco, 2020. URL: <https://www.prolocopianadeglialbanesi.com>).

Другие меры, так или иначе связанные с осуществлением закона 482/99, были предприняты арбрешскими общинами совместно с провинцией Палермо, проект носил название *Brinjat* (арбр. «Склоны»). Задача по достижению соглашения между участниками была поручена Пьяна-дельи-Альбанези как ведущему муниципалитету, а надзор и координация деятельности выполнялась Университетом Палермо. Проект имел большое социальное и культурное значение и был направлен на развитие туризма, социально-культурное продвижение, принятие мер по восстановлению культурного наследия, расширение библиотечных коллекций (Belluscio 2010: 37).

Кафедра албанского языка и литературы педагогического факультета Университета Палермо под руководством профессора Маттео Мандала провела серию конференций, семинаров, языковых курсов, опубликовала множество научных исследований. Кафедра филологических и лингвистических наук факультета литературы Университета Палермо осуществила создание лингвистического атласа Сицилии (ALS: *Atlante linguistico della Sicilia*) и архива сицилийских говоров (APS: *Archivio delle Parlate Siciliane*), уделив при этом особое внимание защите языков меньшинств. Различные научно-исследовательские институты внесли неоспоримый вклад в развитие образования, реализовав программы по языковому обучению для учеников и их родителей, педагогического состава и взрослых в целом, они добились больших успехов и возродили интерес к местной культуре. Также было проведено библиографическое исследование, которое позволило сделать обзор основных журналов, специализирующихся на лингвистике, литературе и истории, осуществлен перевод брошюр и других материалов, относящихся к распространению информации как о законе 482/99, так и о местной истории и культуре. В этот же период развернулась активная деятельность по поддержке преподавания арбрешского в школах посредством создания «Языковой лаборатории», которая позволила школьникам улучшить свои знания в

соответствии с современными методами обучения. Для начальной и средней школы были написаны учебники арбрешского с использованием албанского алфавита²⁷. В учебный процесс были внедрены новые методы, опирающиеся на театральные подходы, аудирования, различные творческие задания (Scuderi 2011: 188).

Кафедра албанского языка и литературы Университета Калабрии в силу своего опыта, а также местоположения всегда являлась основным центром защиты и продвижения культуры арбрешей в Калабрии. После издания закона № 482/99 Университет Калабрии открыл координационный центр образовательных программ для исторических общин провинции Козенца. Университетом были запланированы различные учебные курсы для подготовки госслужащих, отвечавших за языковую политику провинции, а также магистратура по теме итало-албанской лингвистической и культурной политики. В соответствии с законом и открывшимися новыми возможностями в начальных школах начали реализовывать учебные программы (Belluscio 2010:112).

Таким образом, ключевыми центрами культурного сопротивления албаноязычных меньшинств стали образовательные учреждения, а именно кафедры албанского языка и литературы, церковные организации и некоторые частные ассоциации. Поставленные перед ними задачи изначально включали ведение переписки с офисами государственной администрации на языке меньшинства, обеспечение перевода актов и документов, предназначенных для общения с общественностью, распространение знаний о культуре и языке. За несколько лет активной деятельности благодаря совместным усилиям сфера использования арбрешского языка значительно расширилась.

---

²⁷ В 2000 г. одним из первых появился букварь “Udhëtimi” под редакцией Матео Мандала, Джузеппе Скиро ди Маджио, Джузеппе Скиро ди Модика и др. а в 2001 г. учебник “Udha e mbarë” (Belluscio 2008).

1.5. Актуальные проблемы, связанные с изучением и преподаванием арбрешского диалекта

С наступлением мирового финансово-экономического кризиса в 2008 г. обострились многие экономические проблемы в стране. По размерам государственного долга Италия вошла в пятерку «лидеров» по Европе. Стремительный рост безработицы, дефицит бюджета и возросший внешний долг повлияли не только на итальянскую, но и на европейскую экономику. Страна до сих пор преодолевает последствия кризиса, затронувшего все сферы деятельности. Начиная с 2008 г. арбрешские общины были лишены финансирования, а вместе с ними и все частные организации, занимавшиеся вопросами местного языка и культуры, оказались без поддержки государства. Многие представленные ранее проекты были приостановлены или прекращены, и в целом языковая ситуация в общинах обострилась.

Приведем слова одного из информантов:

Мне было 10 лет, когда вышли первые школьные учебники, по которым мы занимались, я даже помню цвета обложек. Тогда в учебном расписании стояло четыре часа арбрешского, сейчас хорошо если один час оставили, а то может и ни одного. С наступлением кризиса закончились деньги, перестали издавать новые пособия. Многие наши учителя уже ушли на пенсию, преподавать некому, ситуация становится опасной (ПМА 3: арбреш, 1986 г. р., Пьяна-дельи-Альбанези).

Во всех арбрешских общинах есть как дошкольные учреждения, так и начальные и неполные средние школы. Высшие средние школы обычно являются частью других образовательных институтов и имеются лишь в очень немногих поселениях. Большинство образовательных учреждений находятся в ведении государства, однако на территории епархий Лунгро и Пьяна-дельи-Альбанези дошкольные организации могут быть как государственными, так и частными, т. е. управляться представителями орденов Итало-албанской церкви. На основании полученной автономии обучения школы могут подавать заявки на

финансирование программ по арбрешскому диалекту в соответствии с законом № 482/99 (Belluscio 2010: 18-19).

С законодательной точки зрения все школы интегрированы в итальянскую систему образования²⁸. Как правило, преподавание ведется исключительно на итальянском языке, а арбрешский в его местном варианте в основном используется при организации художественных мероприятий в зависимости от личного выбора преподавателя. На сегодняшний день в итальянском законодательстве нет положения, которое бы гарантировало, что только носители арбрешского диалекта могут преподавать ученикам на начальном уровне, поэтому школы, в которых нет учителей-арбрешей, приглашают на работу итальянцев. Если в прошлом дети первые шесть лет говорили только на арбрешском и основной задачей школы было обучение их итальянскому языку, то в настоящее время дети идут в начальную школу уже с уверенными и постоянно улучшающимися знаниями итальянского, в то время как все меньшее количество дошкольников владеет обоими языками. Программа двуязычного образования пока не может быть реализована не только по причине отсутствия соответствующего закона, но и в связи со слабым финансированием. Проблемы вызывают учебные материалы, а также несогласованный и фрагментарный характер двуязычного преподавания, которое зависит исключительно от инициативы учителя (Altimari 2007: 69-71).

28

Школьное образование в Италии состоит из трех ступеней: пять лет в начальной школе, три года в младшей средней и пять в старшей средней. Посещение неполной средней школы обязательно для учащихся в возрасте от одиннадцати до четырнадцати лет, изучающих предметы, которые относятся к общеобразовательной программе. После трех лет обучения ученики получают аттестат и начинают высшее среднее образование или профессиональную подготовку к работе. Высшее среднее образование не является обязательным и дает ученикам возможность выбрать путь обучения, наиболее соответствующий их потребностям и интересам. Сертификат, выданный в конце этого периода, позволяет поступить в университет.

Несмотря на то что арбрешский не является основным языком обучения и никогда не использовался для преподавания других дисциплин, благодаря закону № 482/99 он перестал быть внеклассным предметом, также увеличилось количество отдельных мероприятий, связанных с его восстановлением, защитой и распространением. Автономия школ позволяет адаптировать программы к особым языковым и культурным потребностям различных итало-албанских общин. На сегодняшний день арбрешский преподают в государственных школах, но только два-три часа в неделю (чаще один час в неделю). Это может быть локальная разновидность диалекта или стандартный албанский язык. В частных школах у родителей есть возможность высказывать свои пожелания относительно учебного процесса. Если большинство считает, что язык диаспоры обладает более низким культурным статусом и в современном и глобализированном мире не станет полезным с практической точки зрения (как, например, английский), то арбрешский может быть исключен из программы (Belluscio, Lentini 2002: 132).

Младшие средние школы почти во всех арбрешских общинах находятся в ведении государства. По сравнению с 1995 г., когда многие из них были автономными, в результате реформ последних лет они стали частью других образовательных учреждений. Большинство арбрешских студентов посещают высшие средние школы за пределами своей общины, например, в Спеццано-Альбанезе, Сан-Деметрио-Короне, Сан-Марцано-ди-Сан-Джузеппе, Пьяна-дельи-Альбанези и Лунгро. Преподавание арбрешского диалекта в средней школе распространено еще меньше, чем в начальной. Учителя, которые имеют арбрешское происхождение, редко используют свой диалект в качестве основного языка (Altimari 2007: 75-75). Однако общественные мероприятия и научные исследования, связанные с местным языком и культурой, более распространены. Курс арбрешского языка и литературы есть только в Сан-Деметрио-Короне при классическом лицее, открытом Иеронимом де Рада, и он

регулирується в відповідності з освітніми стандартами Італійської Республіки, в інших громадах подібні курси не є обов'язковими і здійснюються тільки при наявності фінансування²⁹. На сьогоднішній день немає офіційної статистики щодо кількості учнів, вивчають арбрешський в школах, розташованих як на території громад, так і за їх межами, також немає загальних даних про мовний статус учасників. Це стосується всіх рівнів шкільної освіти.

Для студентів, які вирішили не продовжити навчання після закінчення неповної середньої школи, існують програми професійної освіти. Такі курси проводяться на рівні регіону або провінції і відрізняються за тривалістю і цілями. Немає конкретних законів про професійну освіту, передбачають вивчення арбрешського або його використання як засобу навчання. Курси не призначені спеціально для студентів, які говорять мовою діаспори (Belluscio 2010: 57).

Відвідаючи вищі навчальні заклади на території Італії, арбрешські студенти також не можуть вивчати, практикувати і покращувати свою мову. Така можливість є тільки в університетах Калабрії, Палермо, Рима, Неаполя, Лечче, Барі і Венеції, де були створені наступні кафедри: албанської мови і літератури, албанської філології і албанської діалектології. Тільки в згаданих спеціалізованих областях завдяки присутності лекторів албанського або арбрешського походження, студенти, крім вивчення албанської мови, можуть відвідувати лекції і здавати іспити на

---

²⁹ В період 2002-2003 навчального року Державний науковий ліцей в г. Паола (Калабрія) отримав фінансування від регіонального уряду для проведення 30-годинної програми з вивчення албанської мови і культури. Курс проходився в другій половині дня для арбрешських учнів з сусідньої громади Фальконара-Альбанезе і існував завдяки тісним зв'язкам з албанською середньою школою Pjetër Meshkalla в Шкодре. Цей курс був частиною розробленої майже десять років тому програми обміну між школами і завершився двоязычним театральним виставленням, поставленим арбрешськими і італійськими учнями, а також гостями з інших громад (Belluscio 2010: 43).

албанском языке. По окончании курса выпускники часто выражают желание написать и защитить диссертацию на тему, связанную с албанистикой, и вносят тем самым значительный вклад в продвижение знаний, связанных с арбрешской диаспоральной группой (Belluscio, Lentini 2002: 139-141).

В 1991–1992 учебном году впервые в Италии была учреждена докторская степень по албанонологическим исследованиям. В феврале 2004 г. в Университете Потенцы (ит. Università degli Studi della Basilicata) для албаноязычных выпускников из разных регионов открыта программа постдипломного образования³⁰ «Преподавание арбрешского языка», аналогичная программа появилась чуть ранее в Университете Молизе (Belluscio 2010: 35). Наконец, в феврале 2009 г. в Университете Калабрии учреждена университетская магистратура второго уровня программы «Лингвистический и культурный оператор арбрешского региона» (ит. Operatore linguistico e culturale di area arbëreshe). Учебный курс был рассчитан на сотрудников муниципальных служб для оказания языковой поддержки в районах компактного проживания меньшинств. Учреждение магистратуры и учебного курса произошло на основании меморандума о взаимопонимании, заключенного между провинцией Козенца и Университетом Калабрии. Основная цель заключалась в том, чтобы посредством профессиональных тренингов обучить персонал вести переписку с представителями языковых меньшинств и помочь им лучше понимать текущую ситуацию на территории арбрешских общин (Brunetti 2005). Также в Калабрии работает Ассоциация албанских учителей Италии (AIADI: Associazione Insegnanti Albanesi d'Italia), основанная в 1965 г. Целью AIADI является сохранение культурного наследия арбрешей и работа со школьными

---

³⁰ Согласно итальянской системе образования, по окончании четырехлетнего курса бакалавриата студент может пройти магистерский курс обучения, проводимый государственным или частным университетом. Итальянская магистратура является двухуровневой системой образования: первый уровень считается магистратурой, а второй – докторантурой.

сообществами для развития понимания настоящей и исторической ценности местной культуры. Однако, по словам информантов, в последнее время ассоциация дистанцировалась от реальных проблем школьного образования, последней значительной услугой для школ стало издание учебника для начальных и для младших классов средней школы (ПМА 4).

Университеты осуществляют поддержку при подготовке специалистов по языку и культуре арбрешей для начальных и неполных средних школ, если в учебную программу включены такие курсы. Кафедры албанского языка и литературы в Университете Калабрии и Университете Палермо поддерживают тесное сотрудничество в области образовательной деятельности и проводят постоянные консультации для преподавателей. Однако нет каких-либо структурированных программ обучения, и оно не является обязательным. Школы берут на себя инициативу по проведению курсов повышения квалификации, которые носят непродолжительный характер (Belluscio 2010: 50).

Кроме того, не существует каких-либо учебных программ по арбрешскому диалекту для взрослых, которые были бы рассчитаны на разные социальные группы. В поселениях Акваформоза, Паллагорио, Сан-Костантино-Альбанезе, Вена-ди-Майда и Караффа-ди-Катандзаро в соответствии с положениями закона № 482/99 периодически проводились курсы для сотрудников местных органов власти, однако участники проявили очень низкий интерес к обучению, поскольку половина из них не владела арбрешским (Savoia 2001: 45). Несмотря на то что за последние два года проводимые меры способствовали достижениям арбрешских исследователей в таких областях как лингвистика, литература и история, они не были направлены непосредственно на повышение грамотности³¹.

---

³¹ Еще в 1972-1976 гг. исследователь Харрисон проводил полевые исследования, согласно полученным данным, лишь 8 % арбрешей могли грамотно писать на своем языке (Harrison 1979: 185).

Интенсивность преподавания арбрешского в школах и его более широкое использование после вступления в силу вышеупомянутого закона способствовали улучшению ситуации в целом. Однако, по словам информантов, этого недостаточно, чтобы современная молодежь в полной мере могла овладеть родным языком, хотя интерес к нему и возрос в последнее время. Несмотря на законодательство, которое разрешает применение языков меньшинств в различных сферах, продвижение арбрешского и его использование в официальных документах и социально-бытовых контекстах все еще является проблемой. Письменный арбрешский пока не получил достаточного распространения. Лишь небольшой процент информантов владеет литературной нормой албанского языка и может записывать арбрешскую речь, используя для этого албанский алфавит. В отличие от своих бабушек и дедушек, молодое поколение, хотя и выражает желание говорить на своем языке, либо вовсе не умеет на нем писать, либо транслитерирует арбрешскую речь при помощи букв итальянского алфавита (ПМА 4).

В последние десятилетия взаимодействие между двумя языками еще больше усилилось. Итальянский является вторым языком для большинства арбрешей, используется в сфере бизнеса, торговли, производства и воспринимается представителями языковых меньшинств как официальный язык, в то время как арбрешский диалект имеет достаточно ограниченную область применения, распространяющуюся на частную жизнь. Наметившаяся в последние годы тенденция языкового сдвига, то есть перехода на итальянский язык также связана с трудовой миграцией. В поисках лучших возможностей многие арбрешки эмигрировали в Европу и Америку, а также в крупные итальянские города, где не говорят по-арбрешски (ПМА 5).

Не только в арбрешских поселениях, но и в Италии в целом произошли заметные демографические изменения: увеличился уровень смертности, снизилась рождаемость, значительный процент жителей сельской местности

составляют пенсионеры. В деревнях сократился прием в дошкольные учреждения и начальные школы, при этом все более распространены комбинированные классы. Информанты отмечают, что число тех, кто заканчивает обязательное школьное образование внутри общины, заметно уменьшилось (ПМА 3). Сегодня наиболее общей и часто называемой причиной снижения числа говорящих на арбрешском языке является отсутствие необходимых образовательных программ.

Однако есть и положительные тенденции. Годовой бюджет, выделяемый государством на все языковые меньшинства в 2019 г. составил 4,49 миллиона евро, в 2020 г. он был увеличен на 250 000 евро, в 2021 г. – на 500 000 евро, а в 2022 г. – на 1 000 000 евро (Dossier № 302 2020: 20). Важный вклад в сохранение языка вносят многочисленные службы поддержки языков (ит. *sportelli linguistici*), осуществляющие деятельность по распространению арбрешского в системе государственного управления на уровне провинций. Кроме того, прилагаются усилия к тому, чтобы почтовая служба распознавала двуязычные географические названия и использовала их в любых официальных документах, выпускаемых внутри сообщества (Belluscio 2010: 15).

Возросший интерес к собственному языку прослеживается в многочисленных проектах, разработанных ассоциациями по развитию культуры, в исследовательской и педагогической работе, которую ведут отделения албанского языка и литературы в итальянских университетах. Преподавание арбрешского языка не является непосредственной обязанностью регионов, оно во многом зависит от руководства провинций, муниципалитетов, готовности учителей и директоров школ. Тем не менее, местные законодательные акты могут стать мощным стимулом для развития языковых программ для детей и/или взрослых.

1.6. Отношение арбрешей к своему языку

Однако, несмотря на трудности, связанные с изучением, преподаванием и распространением арбрешского языка, представители диаспоры рассматривают свой идиом как неотъемлемую часть этнической идентичности и культурного наследия. 60 % респондентов, принявших участие в удаленном опросе, выбрали язык главным элементом итало-албанской идентичности, и 15 % отметили все три элемента: язык, византийский обряд и традиционный женский костюм (Приложение 6, диаграмма 1.6.10). При этом 100 % респондентов положительно ответили на вопрос «Считаете ли Вы арбрешский языком, который нужно сохранять и которому стоит обучать своих детей?» (ПМА 8).

Судя по развернутым ответам информантов на вопрос «Считаете ли Вы арбрешский языком, который нужно сохранять и которому стоит обучать своих детей? Почему?», можно выделить наиболее часто встречающиеся аргументы:

«Конечно, наш язык необходимо сохранить, потому что он играет важную роль в формировании идентичности человека. Он помогает нам ощущать свою принадлежность к небольшой группе людей. Для меня очень важно осознавать свою уникальность» (ПМА 8: арбрешка, 43 года, работает в школе Предаццо (провинция Тренто), родилась в Палермо).

«Арбрешский язык необходимо сохранить и передать будущим поколениям, потому что это главный символ нашей идентичности, который сохраняется благодаря заботе и ответственности нашего сообщества» (ПМА 8: арбрешка, 23 года, студентка Университета Палермо, родилась в Пьяна-дельи-Альбанези).

«Конечно, наш язык стоит сохранить хотя бы ради того, чтобы сказать «я знаю язык, на котором говорят всего несколько тысяч людей» и иметь возможность взаимодействовать с ними» (ПМА 8: арбреш, 48 лет, родился и проживает в Санта-Кристина-Джелла).

«Да, его нужно сохранить, потому что он уникальный во всем мире. Он характеризует и отличает нас, и поэтому должен передаваться дальше» (ПМА 8: арбреш, 19 лет, студент Университета Палермо, родился в Палермо).

«Без сомнений, необходимо сохранять и передавать дальше наш язык и культуру, потому что это наши корни. Наш язык уникален» (ПМА 8: арбреш, 15 лет, ученик школы Медзоюзо, родился в Палермо).

Исходя из полученных ответов можно сделать вывод о том, что язык арбрешей – это важный элемент как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Арбрешки считают его редким культурным явлением, которое их отличает и дает им уверенность в собственной уникальности.

Приведем и другие высказывания респондентов:

«Я считаю, что арбрешский язык древний и богатый, он передаётся из поколения в поколение устно, как традиции и идентичность. Необходимо ценить и защищать не только наше лингвистическое, но и историческое и религиозное наследие, которое неразрывно связано с уникальным арбрешским народом» (ПМА 8: арбрешка, 52 года, родилась и проживает в Пьяна-дельи-Альбанези).

«Наш язык символизирует историческую преемственность, он связывает нас с нашими предками и поколениями, которые боролись за его сохранение в прошлом, потому что он играл и продолжает играть ключевую роль в формировании нашей идентичности» (ПМА 8: арбреш, 50 лет, работает в автотранспортной компании Дурреса (Албания), родился в Бари).

В сохранении нематериального культурного наследия арбрешей большую роль играют местные активисты. Представители не только религиозных, общественных и культурных, но и языковых движений привлекают внимание к существующим проблемам и помогают распространять информацию о языке и культуре арбрешей через социальные сети. По этой причине арбрешский диалект

воспринимается многими как историческое наследие, символ преемственности поколений, объединяющий всех арбрешей, часть их символического капитала.

Также мы выделили в отдельную группу ответы, в которых респонденты высказались о связи языка и византийского обряда:

«Арбрешский язык нужно сохранить и передать для того, чтобы мы могли принимать участие в литургиях византийского обряда. Это два ключевых элемента, формирующих чувство принадлежности к нашему сообществу» (ПМА 8: арбреш, 40 лет, работает психологом в Милане, родился в Палермо).

«Когда ассимилируется церковь, утрачивается и язык. Например, греки, живущие в Италии, утратили свой язык, потому что не смогли сохранить обряд. На Сицилии тоже есть поселения, где с исчезновением византийского обряда население перешло на итальянский» (ПМА 3: Ф. Паче, арбреш, 38 лет, проживает в Пьяна-дельи-Альбанези, родился в Палермо).

«Его нужно сохранить, чтобы не дать исчезнуть нашей церкви и культуре в целом» (ПМА 8: арбреш, 62 года, родился и проживает в Пьяна-дельи-Альбанези).

Таким образом, некоторые арбрешы считают, что язык и византийский обряд тесно связаны друг с другом. По их мнению, утрата одного элемента ведет к неизбежному исчезновению другого, и, как следствие, культуры в целом.

Поскольку среди арбрешей распространен би- и даже трилингвизм (а в некоторых случаях можно говорить о мультилингвизме), многие респонденты назвали эту особенность в качестве аргумента защиты своего языка:

«Это язык, который обогащает как Италию, так и Албанию. Передает нашу индивидуальность и историю. Это гимн разнообразию и борьбе с культурным выравниванием, к которому мы все движемся» (ПМА 8: арбреш, 29 лет, выпускник Университета Палермо, родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

«Безусловно, наш язык необходимо сохранять, потому что среди прочего билингвизм – это преимущество, привилегия. Когда ты знаешь больше языков,

это внутренне обогащает» (ПМА 8: арбреш, 21 год, студент Университета Палермо, родился в Пьяана-дельи-Альбанези).

«Во-первых, двуязычие – это важное преимущество, которое помогает легче осваивать другие языки. Во-вторых, наши предки делали все, чтобы сохранить свой родной язык, поэтому наш долг состоит в том, чтобы передавать его из поколения в поколение и развивать. Мы рискуем потерять уникальное историческое наследие, насчитывающее более пятисот лет. Да, я считаю необходимым и важным научить этому своих детей и внуков, потому что, как я уже сказал, это символ истории и культурного наследия народа, это жемчужина самой Албании. Если мы будем гордиться своим языком так же, как это делали наши предки, то мы сможем сохранить его» (ПМА 8: арбреш, 33 года, работает в Палермо, родился в Пьяана-дельи-Альбанези).

Полученные ответы свидетельствуют о том, что для арбрешей билингвизм является преимуществом, знание как своего идиома, так и местного диалекта итальянского языка или литературной нормы, по их словам, делает их культурно богаче.

О высокой степени языковой лояльности говорит желание арбрешей больше узнать о своем языке и истории своего сообщества прослеживается в стремлении поступить в университеты Палермо или Калабрии на отделение албанского языка, а также в участии в ежегодных семинарах и летних языковых школах, которые проводятся университетами Тираны и Приштины. Начавшееся после Второй мировой войны сближение арбрешской и албанской культур продолжает усиливаться. Албанские мигранты нового поколения успешно интегрируются в арбрешское сообщество. Негативные стереотипы об албанцах стали забываться и больше не оказывают негативного влияния на их взаимодействие с итальянцами и самоопределение. Сегодня у молодого поколения арбрешей все больше желания заново открыть для себя свое происхождение (ПМА 6). С каждым годом увеличивается число арбрешей, которые уезжают в Албанию и

работают в сфере туризма или гостиничного бизнеса, многие вступают в брак с албанцами и учат стандартный албанский, особенно жители тех поселений, где местный язык был утрачен (ПМА 4).

Арбреши Сицилии и Калабрии, а также отдельные представители диаспоры, проживающие в таких городах как Неаполь, Бари, Рим и др., стараются каждый год принимать участие в летних школах по албанскому литературному языку, научных конференциях и музыкальных, а также фольклорных фестивалях, проводимых на территории Албании. Информанты отмечают, что хотели бы также принимать у себя албанских студентов, поскольку это возможность не только лучше изучить языковую норму, но и сблизиться с албанской культурой, почувствовать себя частью единого народа:

«Лично я чувствую себя в Албании как дома, потому что очень хорошо понимаю албанский язык и глубже ощущаю связь со своими историческими корнями» (ПМА 7: арбрешка, 25 лет, студентка университета Неаполя, родилась в Лунгро).

«С тех пор как мы стали участвовать в международном семинаре по албанскому языку и литературе в Приштине, мы почувствовали еще большую гордость за свой язык и культуру. Каждый год число арбрешских студентов, отправляемых на семинар, растет, надеюсь, что так будет и дальше» (ПМА 6: Г. Паррино, 1991 г. р., Пьяна-дельи-Альбанези).

На вопрос «Гордитесь ли Вы своей языковой и культурной принадлежностью» большинство респондентов ответили положительно, при этом многие еще раз подчеркнули, что культура и язык, отличающие арбрешское сообщество, дают им чувство своей уникальности:

«Это делает меня отличным от других, я чувствую себя особенным, имею то, чего не имеют другие» (ПМА 8: арбреш, 23 года, студент Университета Палермо, родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

«Я очень горжусь своей принадлежностью. Речь идет о моей идентичности, и даже если это меньшинство, оно не уступает национальным, региональным или глобальным сообществам» (ПМА 8: арбреш, 35 лет, работает во Флоренции, родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

По мнению арбрешей, сосуществование и взаимопроникновение арбрешской и итальянской культур способствуют их сближению, обогащению и развитию. Некоторые респонденты отмечают, что арбрешскому сообществу необходимо быть более открытым по отношению к другим культурам:

«Я считаю, что арбрешское сообщество слишком закрытое, и поддерживаю идею смешения арбрешского и сицилийского языков. Считаю, что такое межкультурное взаимодействие способствует обогащению обеих культур. Мне не нравится идея селиться на чужой территории, игнорируя её коренных жителей. На мой взгляд, межкультурное общение помогает развиваться языкам. Нам не стоит повторять ошибки прошлого, наоборот, мы должны стремиться к открытости и взаимодействию с иными культурами» (ПМА 8: арбреш, 40 лет, преподаватель, проживает в Санта-Кристина-Джела, родился в Палермо).

«Больше всего я испытываю чувство гордости в моменты, когда наша идентичность используется для создания мостов с миром, а не для того, чтобы запереть нас внутри своего же сообщества» (ПМА 8: арбреш, 29 лет, работает в Палермо, родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

Конечно, есть те, кто называет себя только арбрешем, но для большинства из нас разделять понятия «арбреш» и «албанец» все равно что утверждать: я – украинец, но не славянин. Для арбрешей большая честь быть частью албанской нации и культуры, арбрешки четко осознают, кем они являются по своему происхождению и гордятся этим» (ПМА 6: Г. Паррино, 1991 г. р., Пьяна-дельи-Альбанези).

«По своему происхождению мы являемся частью албанского государства. Арбрешский язык передает нашу индивидуальность и историю, обогащает как итальянцев, так и албанцев» (ПМА 8: арбрешка, 56 лет, родилась и проживает в Пьяна-дельи-Альбанези).

Таким образом, анализ данных показал, что арбрешки еще сохраняют сильное чувство этнической идентичности и прочную связь со своими корнями. Большинство арбрешей, принявших участие в опросе, ответили, что гордятся своей языковой и культурной принадлежностью и убеждены в необходимости передачи культурного наследия диаспоральной группы будущим поколениям.

Выводы по главе 1

Многочисленные преобразования последних десятилетий в социальной и экономической сферах в значительной степени способствовали повышению внимания арбрешей к собственной культуре, которую они сохраняли на протяжении более пяти веков. В условиях глобализационных процессов язык диаспоры по-прежнему остается ключевым маркером идентичности и выполняет этнодифференцирующую функцию. Для большинства представителей диаспоральной группы арбрешский диалект является предметом гордости и передается из поколения в поколение. Несмотря на усилившуюся в последнее время италиязычную коммуникацию и наблюдаемый в некоторых общинах языковой сдвиг, билингвизм считается преимуществом, так как, по словам информантов, знание обоих языков делает арбрешей культурно богаче. Сосуществование и взаимопроникновение арбрешской и итальянской культур рассматривается как способ их сближения, обогащения и развития. Молодежь проявляет живой интерес к изучению своего языка, в этом им помогают образовательные учреждения и различные ассоциации. Увеличилось число мероприятий, связанных с преподаванием арбрешского языка, а также восстановлением, защитой и распространением арбрешской традиционной

культуры. Таким образом, можно говорить о высокой степени лояльности арбрешей своему языку.

Благодаря введению закона № 482/99 о защите языковых меньшинств для арбрешей Италии школьное образование превратилось из инструмента, долгие годы поддерживавшего доминирование итальянского, в средство защиты местного языка и культуры. В настоящее время прилагаются все усилия, направленные на поддержание и продвижение арбрешского диалекта. Однако такие проблемы как общее сокращение населения, трудовая миграция, закрытие школ, почтовых отделений и других объектов инфраструктуры, недостаток образовательных стратегий и слабое финансирование привели к тому, что сегодня язык арбрешей находится под угрозой исчезновения. Быстрое развитие коммуникационных технологий, растущая мобильность людей влияют на их восприятие традиционной культуры, наблюдается ослабление социальных связей и размывание этнических границ.

Для решения проблем, связанных как с внутренней, так и с внешней «жизнеспособностью» арбрешского диалекта и его вариаций, необходимы меры, направленные на защиту и моделирование коммуникативного пространства, в котором носители языка могли бы его использовать. И хотя многочисленные исследования последних лет внесли вклад в теоретико-методологический подход к этим вопросам, угроза исчезновения арбрешского остается актуальной. Образовательная система и повышение уровня грамотности могут продлить жизнь местных языков, однако необходимо достаточное финансирование, направленное на развитие языковых проектов.

ГЛАВА 2. ВИЗАНТИЙСКИЙ ОБРЯД

Этническая идентичность арбешей представляет собой сложный комплекс представлений о себе, своем прошлом, настоящем и будущем. Немаловажный фактор, влияющий на формирование самоопределения арбешей, это воспроизведение их традиционной культуры, имеющей многовековую историю, и внедрение многочисленных инноваций, появившихся в результате попыток арбешей приспособиться к процессам глобализации. Это совокупность географических, экономических, социальных, культурных и языковых особенностей, которые активно развивались и постоянно модифицировались под воздействием итальянской культуры.

Значимый момент в истории арбрешского сообщества представляет борьба за защиту византийского обряда, носившая не только религиозный, но и этнический характер. Албанцы, прибывшие в первые волны миграций, с согласия местных властей заселили зоны, в которых произошло сильное снижение численности населения. Беженцы оказались разбросаны по небольшим деревням в разных провинциях Италии. Их языковая и культурная инаковость способствовали формированию вокруг них различных этнических стереотипов, зачастую негативных (Di Lena 1981: 112). Кроме того, в конфессиональном плане албанцы были греко-католиками, то есть принадлежали к восточнокатолической церкви византийского обряда, в то время как латинские епископы и священники выступали его противниками. Зачастую беженцев вытесняли с земель, которые они помогли восстановить, их дома сжигали, им было запрещено жить внутри стен «латинских» городов и деревень. Албанцы оказались в ситуации невозможности своей политической и культурной автономии при абсолютном отсутствии контакта с родиной, которая в тот момент находилась под властью османских завоевателей (Petrota 1941: 53).

В условиях политического и культурного доминирования итальянских феодальных и церковных сообществ албанцы развернули борьбу за сохранение своего вероисповедания, активно сопротивляясь ассимиляции. Наличие собственных образовательных учреждений для клира византийского обряда было гарантией выживания арбрешского языка и культуры (Mandala 2007: 5). Для арбрешей византийский обряд является вторым по значимости (после языка) объединяющим фактором, поскольку он формирует представление о собственном происхождении и позволяет осмыслить генетическую связь не только с членами своей общины, но и с представителями других албанских коммун, расположенных на Сицилии, в Калабрии, Базиликате, Апулии, Молизе и др. Кроме того, обряд напоминает об исторических событиях, связанных с эпохой Скандербега, и таким образом становится символом единения албанского народа, воевавшего против турок-мусульман³² (Parrino 2004: 4).

2.1. Краткая история возникновения Итало-албанской церкви на Сицилии и в Калабрии

Географическое положение Сицилии во многом обусловило её конфессиональное развитие, поскольку остров оказался на пересечении интересов крупнейших политических сил, веками ведущих борьбу за право господства в Средиземном море.

---

³² Легенды о Скандербеге, национальном герое Албании, объединяют всех арбрешей Италии. Они возникли и получили распространение сразу после смерти героя, когда память о событиях XV века была еще жива. Это эпопея народа, который по политическим и религиозным причинам вынужден был оставить родную землю, имущество, могилы своих предков, и отправиться в Италию в поисках убежища. На основе исторических хроник арбрешей сформировали свой образ Скандербега, добавив к его реальной биографии вымышленные факты. В легендах Скандербег описывается как сильный и непобедимый воин, наводящий страх на своих врагов. Меч и конь Скандербега также стали символами его военных подвигов³² (Di Miceli 2007: 7). Несмотря на то что легенды о Скандербеге вызывают много споров и критикуются за искажение исторических фактов, благодаря им история переселения албанцев с территории Балканского полуострова до сих пор широко известна и поддерживается значительной частью населения арбрешских общин (ПМА 6).

Многочисленная греческая община основала свои поселения на восточных берегах острова еще в VIII–VI веках до н. э. С этого момента история Сицилии была неразрывно связана с греческой культурой. На протяжении следующих шести веков Сицилия являлась провинцией Римской республики. С принятием христианства в качестве государственной религии Римской империи это решение затронуло также Сицилию, и христианство стало стремительно распространяться по всему острову, где до этого преобладала старая религия – греческий античный политеизм и имелись святилища различных божеств. В начале IV века н. э. здесь появились первые христианские общины (Норвич 2018: 41). С 535 года Сицилия была включена в состав Восточной Римской империи в качестве одной из ее провинций, духовная власть Константинополя укрепилась, а вместе с ней – греческая богослужebная традиция. В 737 году все епископские престолы, бывшие в ведении римского папы, вошли в состав Константинопольского Патриархата, отношения между папством и церковными представителями острова были запрещены (Иващенко 1867: 1). С прекращением вмешательства Рима в церковные дела Сицилии главой островной церкви стал местный епископ, позже возведенный в сан митрополита. С этого момента в церковной жизни Сицилии началось главенство греческого языка и восточных обычаев, на юге Италии все калабрийские и апулийские епископы также совершали богослужения только по византийскому обряду (Паче 2019: 20).

В IX веке территорию острова заняли арабы, контроль Константинополя над этими землями был утрачен, Сицилия стала мусульманским эмиратом, а Палермо, получивший название Аль-Мадина, – его столицей. Однако греческая община продолжала быть крупнейшей этноконфессиональной группой Сицилии, ей было позволено сохранять свободу вероисповедания, выплачивая ежегодную дань. Веротерпимость арабов позволила сохранить церкви и монастыри (Норвич 2018: 44-45).

С конца XI вплоть до начала XII века шло завоевание Южной Италии выходцами из Нормандии, в результате чего Византия утратила контроль над югом Италии, а Сицилия стала частью Сицилийского королевства, при этом греческий и арабский языки начали постепенно вытесняться развивающимся сицилийским диалектом итальянского языка. В поздний период норманнского расселения в итальянских землях начался процесс католизации населения, римские папы восстановили свою власть над грекоязычными общинами Италии, многие из которых не участвовали в Великом Расколе 1054 года и сохранили общение с Римским престолом. С укреплением Рима в политическом и религиозном плане произошла замена греческих архиереев латинскими, однако привычный византийский обряд сохранился. Норманнские правители основывали новые греческие монастыри и поддерживали уже существовавшие, вместе с этим они поощряли латинскую иммиграцию, что также способствовало проникновению и укреплению римского обряда наряду с греческим.

С падением правления династии норманнов в 1194 году политика последующих правителей Сицилии была направлена на дальнейшую латинизацию местной церкви, начался процесс ассимиляции греческих общин византийского обряда. К XV веку процесс латинизации был практически завершен, однако в удаленных горных областях греческие монастыри продолжали существовать вплоть до XVII века (Норвич 2015: 134). Однако прибывшие с территории Балканского полуострова во второй половине XV века албанские мигранты, часть из которых исповедовала православие, успешно противостояли данному процессу. Переселенцы признали главенство папы, но сохранили греческий обряд, продолжили поклоняться византийским святым и вести богослужения на греческом, а позже и на арбрешском языках. С этого периода традиционное название «Итало-греческая церковь» начало постепенно изменяться на «Итало-албанская» (Католическая энциклопедия, 2005. URL: <https://rus-katolic-enc.slovaronline.com>).

Однако в церковном законодательстве все же была дискриминация приверженцев византийского обряда, их отношения с папским престолом были довольно напряженные. Албанская церковь пережила множество конфликтов с латинским епископатом, поскольку верующие и их православные священники не имели прав и находились под юрисдикцией римской церкви. Латинское окружение привело к тому, что Итало-албанская церковь начала утрачивать свои литургические традиции. Лишь в XVIII веке Римская церковь стала уделять больше внимания проблеме сохранения византийского обряда арбрешей. В 1732 году в Сан-Бенедетто-Уллано папой Климентом XII была основана «Коллегия Корсини», которая впоследствии была перенесена Сан-Деметрио-Короне и получила название «Итало-албанский колледж Сан-Адриано». В 1734 году была учреждена духовная семинария, дававшая возможность готовить духовенство по канонам восточной традиции (Роберсон 1999: 68).

В 1742 году папа Бенедикт XIV издал конституцию, в которой были пересмотрены многие положения церковного законодательства, албанцы Сицилии призывались к сохранению своего обряда, но вместе с тем подчёркивалось первенство латинского. Окончательное же равноправие установилось лишь в XIX веке, когда в 1867 году папа Пий IX отказался от преобладания латинского обряда (Там же: 69). Требования арбрешских верующих были удовлетворены Бенедиктом XV, который 13 февраля 1919 года учредил для арбрешей Калабрии и островной Италии епархию³³ с центром в Лунгро, отделив приходы византийского обряда от латинских. Появление епархии Лунгро стало ключевым моментом в истории арбрешей, и ознаменовало начало независимого существования арбрешской церкви (Taselli 2022: 53).

---

³³ Епархия – церковно-административная территориальная единица во главе с архиереем (епископом) (Католическая энциклопедия, 2002. URL: <https://rus-katolic-enc.slovaronline.com>).

В 1937 году папой Пием XI была учреждена епархия Пьяна-деи-Гречи, подчинявшаяся папе римскому, но не зависящая от иерархов в Палермо³⁴. В 1941 году она была переименована в Пьяна-дельи-Альбанези. В состав новой епархии вошли муниципалитеты Пьяна-деи-Гречи и Санта-Кристина-Джелла, получившие территорию от архиепархии Монреале и Палермо, а также византийские ритуальные приходы Меццоюзо, Контесса-Энтеллина и Палаццо-Адриано, выведенные из-под юрисдикции архиепархии Палермо и Монреале, и, наконец, церковь Сан-Николо-деи-Гречи в Палермо. В том же 1937 году расположенный в Центральной Италии монастырь ордена базилиан Гроттаферрата получил статус территориального аббатства церкви (Taselli 2022: 54). Таким образом, возникла Итало-албанская церковь, совмещающая западный / католический катехизис и главенство папы с восточной литургической традицией. Это единственная из греко-католических церквей, образовавшаяся не путём унии³⁵ со святым Престолом, а изначально оставшаяся в сфере влияния Рима во время Великого Раскола 1054 г.³⁶

Современная Итало-албанская католическая церковь состоит из двух независимых епархий: Пьяна-дельи-Альбанези (на Сицилии) и Лунгро (в Калабрии), а также монастыря ордена базилиан Гроттаферрата. На епархиальной территории, которая разделена на пятнадцать приходов, также существуют религиозные ордена исповедующих восточный обряд. Однако со временем некоторые из приходов византийского обряда были переданы

---

³⁴ Речь идет о таком редком явлении, как прямое подчинение Римскому престолу без посредничества других церковных институтов.

³⁵ Уния – объединение Римско-католической церкви с одной из восточных на условиях признания последнего католического вероучения и догматики, но при сохранении своего обряда, богослужебного календаря и разрешения на брак для белого духовенства (Католическая энциклопедия, 2002. URL: <https://rus-katolic-enc.slovaronline.com>).

³⁶ Более подробно о направлениях и течениях христианства, а также современном состоянии конфессий см. работу О.Е. Казьминой (Казьмина 2021).

немногочисленным католикам латинского обряда, проживающим в арбрешских коммунах.

2.2. Отношения между греко- и латино-католиками в арбрешских поселениях

Латинский и византийский обряды образовались в результате видоизменений богословского, смыслового и чинопоследовательного содержания обрядов христианской религии. Латинский обряд (или латинские обряды) – это совокупность литургических ритуалов, сложившихся в первые века нашей эры в Латинской Церкви, для которых характерно употребление латыни в качестве богослужебного языка. Латинский обряд распространился как на территории Римской империи, так и за её пределами, и претерпел немало изменений, а после Великого разделения церквей был унифицирован Католической Церковью и стал единственным приемлемым для богослужения. Чин божественной литургии, или мессы, отличен от чина литургии Византийского обряда в молитвенном содержании евхаристического канона и состоит из начальных обрядов, двух основных частей – Литургии Слова и Евхаристической Литургии, и заключительных обрядов (Католическая энциклопедия 2005; Верзунов 2012).

Византийская литургическая система, разработанная в православном патриархате Константинополя, также была постепенно принята православными патриархатами Александрии, Антиохии и Иерусалима. В ходе исторического развития многие элементы византийского обряда были существенно изменены и стали носить региональные различия. Фактически византийская литургическая система является результатом синтеза константинопольских и палестинских обрядов и традиционно включает в себя евхаристию, крещение, венчание, миропомазание, елеосвящение, покаяние и рукоположение в священный сан. Все богослужения византийского обряда совершаются в рамках суточного

(дневного) круга, седмичного круга и годового круга и собраны в антологиях или литургических книгах, закрепленных традицией и фактически используемых во время службы (Католическая энциклопедия 2002; Тафт 2000: 7).

В евхологиях³⁷, относящихся к позднему периоду византийского правления на территории Южной Италии и Сицилии, приводятся молитвы и обряды патриархатов Александрии, Антиохии и Иерусалима, добавленные к классической константинопольской редакции. Эти элементы появились во времена эмиграции интеллектуальной элиты, «состоявшей из священнослужителей и монахов, которые в VII веке бежали от персов, арабов и монофелитов, а в VIII и IX веках – от иконоборцев» (Паренти 2009: 337). Несмотря на то, что мигранты не были приверженцами византийского обряда, тем не менее, со священнослужителями Константинопольского Патриархата их сближало православие и греческий язык, посредством которого в литургические тексты Южной Италии и Сицилии были добавлены новые элементы (Там же: 338). В результате изменениям подверглись и тексты, касающиеся Таинства Брака.

Благодаря сохранившимся рукописям нам известно, что основные черты константинопольского чинопоследования брака, изложенные в византийских евхологиях, оформились к IX-X векам, однако «уже в VI веке существовало двухчастное чинопоследование, каждая часть которого состояла из двух молитв – основной и главопреклонной» (Пентковский 2016: 125). Под влиянием исторических событий скопированный из классической константинопольской редакции чин венчания также был изменен и дополнен различными молитвами и обрядовыми компонентами не византийского, а именно иерусалимского и александрийского происхождения (Паренти 2009: 335-336). Наличие в

---

³⁷ Евхологий – православная богослужебная книга, являющаяся соединением «Служебника» с «Требником» (Богословский словарь 1992: 1120).

южноитальянской традиции таких элементов чинопоследования брака, как «покрытие брачующихся особым мафорием, апостольское и евангельское чтения, пространная редакция неконстантинопольской молитвы брака, неконстантинопольская молитва общей чаши» свидетельствует о влиянии ближневосточных (Палестина, Египет) и итало-романских литургических традиций (Пентковский 2016: 134-135).

Таким образом, чинопоследование брака, совершаемое сегодня в арбрешских церквях, сложилось в рамках византийской литургической традиции и развивалось на протяжении многих веков. До унификации византийской литургии на совершение церковного чинопоследования брака влияли региональные особенности, поэтому чинопоследование может различаться по количеству и набору молитв, по наличию рубрик и их полноте. Специфика чинопоследования брака, используемого в Южной Италии, заключается в том, что в его основе лежит двухчастное константинопольское чинопоследование, дополненное молитвами и обрядовыми действиями невизантийского происхождения (Пентковский 2016: 139). Также одной из характерных особенностей византийского обряда является совершение Таинства Брака не только на греческом, но и арбрешском языках (ПМА 3).

В арбрешских поселениях исторически сосуществуют приверженцы двух христианских обрядов – византийского и латинского. Несмотря на то что последних меньшинство, между верующими до сих пор наблюдаются сложные отношения (Parrino 2004). С момента возникновения Итало-албанской церкви на протяжении десятилетий между «латинянами» и «греками» возникали разногласия в вопросах идентичности и приверженности собственным этнокультурным особенностям. Основанные арбрешской диаспорой церкви изначально принадлежали восточной традиции, однако влияние Римского престола, дискриминация византо-католиков и столкновения между

приверженцами разных обрядов привели к тому, что некоторые приходы были переданы латинской церкви, чьи фанатичные прихожане продолжали вести конфессиональную войну с арбрешами византийского обряда (Ellі 2017: 305-307).

Так, на Сицилии в арбрешских коммунах Палаццо-Адриано и Контесса-Энтеллина до недавнего времени наблюдались существенные разногласия между представителями двух обрядов. «Исконно» сицилийское население Палаццо-Адриано выступало в защиту латинского обряда, который, по их убеждению, был принят до того, как на данной территории поселились мигранты из Албании. Однако сами арбрешы высказывали прямо противоположное мнение, говоря, что первенство принадлежит византийскому обряду. В Контесса-Энтеллине религиозные споры приобрели более выраженный характер. Несмотря на то что некоторые приходы Итало-албанской церкви были переданы латино-католикам, приверженцы византийского обряда продолжали посещать по случаю ежегодного праздника Богородицы церковь Мадонна-делла-Фавара, некогда принадлежавшую им. В августе 2009 года священник византийского обряда, Никола Куччия, вместе с прихожанами своего прихода появился у церкви, чтобы совершить Параклисис – древнюю литургию в честь Девы Марии, как это делал каждый год, но обнаружил, что дверь заперта. Приходской священник римского обряда, дон Марио Белланка, заявил, что, согласно Кодексу канонического права 1983 года³⁸, многовековой обычай, на который ссылались византо-католики, был упразднен и теперь «каждый должен молиться в своей церкви». Прихожане, пришедшие вместе со священником Куччия, были вынуждены в течение двух недель служить литургию на улице перед кладбищем. Вмешательство мэра и главы полиции не дало положительных

---

³⁸ Кодекс канонического права – кодекс юридических норм общего и универсального характера, управляющий Католической Церковью латинского обряда, принятый в 1983 году (Католическая энциклопедия, 2005. URL: <https://rus-katolic-enc.slovaronline.com>).

результатов, непреклонность латинского священника стала причиной серьезных разногласий между верующими. После того, как жители Контецца-Энтеллины обратились за помощью к Ватикану и епископу Пьяна-дельи-Альбанези, Конгрегацией восточных церквей (орган Святого Престола по проблемам неримских церквей) было принято решение отстранить от работы обоих священников. Спустя год епархия Пьяна-дельи-Альбанези объявила о переводе Куччия в приход Палаццо-Адриано. Это событие также широко освещалось в местных СМИ и вызвало общественный резонанс. Греко-католики обратились в полицейское управление Палермо с просьбой о проведении акций протеста перед резиденцией Куччия (Contessa e Palazzo in Guerra, 2010. URL: <https://www.cittanuove-corleone.net/2010/07/contessa-e-palazzo-in-guerra-con.html?m=1>).

К сожалению, мы не располагаем официальной статистикой относительно численности приверженцев латинского обряда, но, согласно сведениям, полученным от информантов, они составляют примерно 3 % от общего числа верующих³⁹ (ПМА 3). В отличие от Калабрии, Базиликаты и Абруцци, где в арбрешских поселениях церкви римского обряда были закрыты, в каждой общине, входящей в епархию Пьяна-дельи-Альбанези, есть по одному приходу для латино-католиков (Sirchia 2002). Сегодня из пятнадцати приходов византийского обряда пять переданы верующим латинского обряда. Община Санта-Кристина-Джелы (Сицилия) не так давно отказалась от греческой церковной традиции в пользу латинской, однако византийский обряд используется в некоторых особых случаях.

---

³⁹ По состоянию на 2003 год епархии Лунгро и Пьяна-дельи-Альбанези насчитывали почти 90 000 верующих (Bugliari 2003: 68).

В Пьяна-дельи-Альбанези церковь Св. Вита, также изначально принадлежавшая верующим византийского обряда, в 1596 году была передана латино-католикам (Bugliari 2003: 67). Несмотря на то, что большинство жителей поселения принадлежит к византийскому обряду, многие из них предпочитают ходить в церковь Св. Вита. Основной причиной является удобство расположения, но также есть приверженцы и новомодных веяний, таких как проведение литургии на итальянском языке⁴⁰ и других новшеств, как, к примеру, исполнение современных религиозных песен под гитару. Византийская церковь критикуется некоторыми прихожанами за свою устарелость, в частности за греческий язык, который мало кто понимает (ПМА 4).

Кроме того, для албанцев, только что прибывших в Италию, арбрешский язык часто создает препятствия к пониманию не только бытовой речи, но и текста многих религиозных обрядов. Политика уничтожения религии, проводимая албанскими коммунистами в XX веке, способствовала развитию различных форм религиозного индифферентизма, что в настоящее время резко контрастирует с привязанностью арбрешей к своей вере. Отказываясь принять обычаи арбрешей, новое население рискует потерять поддержку местных сообществ (Смирнова 2003: 370).

В этой связи часть арбрешской диаспоральной группы считает необходимой адаптировать те черты собственной культуры, которые сегодня могут показаться архаичными и незначительными для новых иммигрантов. Однако подобная точка зрения разделяется меньшинством. По мнению информантов, выступающих за сохранение исконных самобытных черт арбрешской культуры, причиной критики является невежество тех, кто не хочет углубляться в изучение византийского обряда, его языка и смысла священнодействий (ПМА 3). Кроме

---

⁴⁰ На II Ватиканском Соборе (1962–1965 гг.), созванном по инициативе папы Иоанна XXIII, была принята Конституция о Божественной Литургии, которая значительно упростила католическое богослужение и разрешила его проведение на национальных языках (Католическая энциклопедия, 2002. URL: <https://rus-katolic-enc.slovaronline.com>).

того, такое отношение к собственной истории и традициям воспринимается многими как неуважение к своим предшественникам, боровшимся за право сохранения византийского обряда и создание Итало-албанской церкви. Эти столкновения на почве религиозных разногласий, происходившие в прошлом и продолжающиеся по сей день, стали ключевой причиной этнического противопоставления итальянец vs арбреш (Giacomarra 2003; Mandalà 2014).

2.3. К вопросу о роли византийского обряда в формировании идентичности арбрешей

В результате социокультурных изменений этническая идентичность арбрешей эволюционировала и приобрела новые формы. Несмотря на то, что в каждой диаспоральной группе сформировалась собственная идентичность, имеющая свои уникальные черты, можно говорить о существовании общеарбрешской идентичности, основанной, в том числе, на единой вере (Di Miceli 2007: 3-5). Результаты удаленного опроса показали, что 21 % респондентов считают византийский обряд главным элементом арбрешской идентичности (Приложение 6, диаграмма 2.3.1.). Среди развернутых ответов на вопрос «Какое значение имеет византийский обряд для итало-албанской диаспоры и для Вас в частности?» наиболее часто встретились следующие:

«Византийский обряд – это совокупность наших культурных традиций, он маркирует наше происхождение. Это важный элемент идентичности, выступающий фильтром в подходе к религии» (ПМА 8: арбрешка, 23 года, студентка Университета Палермо, родилась в Пьяна-дельи-Альбанези).

«Византийский обряд является носителем арбрешской идентичности, это фундаментальная характеристика, отличающая наше сообщество» (ПМА 8: арбреш, 35 лет, преподаватель, проживает в Медзоюзо, родился в Палермо).

«Это особенность, присущая нам и глубоко нас отличающая, византийский обряд выделяет наше сообщество» (ПМА 8: арбреш, 67 лет, родился и проживает в поселении Акваформоза (провинция Козенца)).

«Византийский обряд является неотъемлемой частью нашей веры и религиозной идентичности, он выделяет нас среди других, и мы, итало-албанцы, очень гордимся этим. В настоящее время мы являемся единственными греко-католиками на Западе. Благодаря византийской литургии албанцы Италии всегда были связующим звеном между христианским Востоком и Западом. Мы, арбреш, придаём большое значение сохранению этого обряда. Он всегда отличал нас от «латинян» (итальянцев из различных регионов), хотя это и создавало много недоразумений по поводу этнической принадлежности» (ПМА 8: арбреш, 37 лет, священник, родился в Палермо, проживает в Пьяна-дельи-Альбанези).

«Это основа, по которой культура и язык передавались из поколения в поколение. Важное свидетельство нашей культуры и нашего прошлого. Я считаю, что византийский обряд имеет фундаментальное значение как объединяющий всех арбрешей элемент» (ПМА 7: арбреш, 37 лет, родился и проживает в Лунгро).

Таким образом, арбреш ценят византийский обряд за его идентифицирующую функцию. Это особая черта, которая отличает их этническую группу от всех остальных и делает их уникальными. Кроме того, по мнению респондентов, византийская литургическая система отражает их происхождение. Сохранение и передача византийского обряда означает для арбрешей связь с предыдущими поколениями и единение как в рамках каждого отдельного сообщества, так и внутри всей диаспоральной группы.

Результаты опроса показывают, что в Пьяна-дельи-Альбанези 54 % респондентов принимают активное участие в культурных мероприятиях и религиозных ритуалах общины, 19 % делают это по мере возможности и 12 % участвуют только в религиозных праздниках (Приложение 6, диаграмма 2.3.1.) При этом молодежь проявляет не меньший интерес к своим традициям, чем их родители:

«Я принимаю активное участие во всем – от праздников в моем приходе, до культурных мероприятий, связанных с идентичностью» (ПМА 8: арбреш, 42 года, преподаватель, проживает в Санта-Кристина-Джелла, родился в Палермо).

«Конечно, по мере возможности я стараюсь участвовать в жизни общины. Я уделяю особое внимание религиозным обрядам, вхожу в состав приходского хора. Я с удовольствием участвую в культурных мероприятиях в качестве аудитора или, если могу внести свой вклад, даю советы» (ПМА 8: арбреш, 30 лет, работает искусствоведом в Палермо, родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

Для многих арбрешей участие в религиозных мероприятиях в большей степени означает единение с представителями диаспоральной группы:

«Я участвую в религиозных праздниках, таких как Пасха и день св. Георгия из-за общинной самобытной ценности, а не религиозной» (ПМА 8: арбреш, 29 лет, выпускник Университета Палермо, родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

«Я редко хожу в церковь, но участвую в религиозных обрядах преимущественно в праздничные дни» (ПМА 8: арбрешка, 24 года, студентка Университета Палермо, родилась в Пьяна-дельи-Альбанези).

«К сожалению, я живу на севере Италии, но когда приезжаю в Хору (Пьяна-дельи-Альбанези), то принимаю участие в культурной жизни своей общины. Мне нравится, когда мы объединяемся во время религиозных праздников, таких как

Пасха» (ПМА 8: арбреш, 39 лет, проживает в Милане, родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

На вопрос «В какие моменты Вы особенно гордитесь своей идентичностью?» 19 % респондентов ответили, что во время религиозных обрядов и праздников (Приложение 6, диаграмма 2.3.2.):

«Больше всего я горжусь своим происхождением, когда присутствую на совершении литургии византийского обряда» (ПМА 8: арбрешка, 47 лет, домохозяйка, родилась и проживает в Пьяна-дельи-Альбанези).

«Я испытываю гордость за своё сообщество во время обрядов крещения или венчания, а также религиозных праздников, например, на Пасху, но и в другие особые моменты. Это могут быть семейные или народные мероприятия, в зависимости от случая» (ПМА 8: арбрешка, 50 лет, работает в Библиотеке Пьяна-дельи-Альбанези, родилась в Палермо).

«Я горжусь тем, что я родился арбрешем, потому что для меня это означает быть греко-католиком или католиком восточного обряда» (ПМА 8: арбреш, 35 лет, преподаватель, работает в Медзоюзо, родился в Палермо).

«Я горжусь в моменты религиозных праздников. Пасха – это уникальное для нас событие» (ПМА 8: арбреш, 54 года, оператор связи, родился и проживает в Пьяна-дельи-Альбанези).

При этом 54 % респондентов ответили, что гордятся своей этнической идентичностью всегда, 23 % – когда имеют возможность поделиться информацией о своем наследии и культуре с теми, кто не осведомлен (Приложение 6, диаграмма 2.3.2.):

«Когда я рассказываю другим людям об истории и культуре арбрешей и они удивляются, я испытываю гордость за свое происхождение» (ПМА 8: арбреш, 21 год, студент Университета Палермо, родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

«В обычной жизни я не задумываюсь об этом, но, если есть возможность передать знания об особенностях нашего сообщества, я начинаю гордиться»

своей идентичностью» (ПМА 8: арбрешка, 23 года, студентка Университета Палермо, родилась в Пьяна-дельи-Альбанези).

«Когда другие люди проявляют интерес к моему сообществу, когда наша идентичность используется для создания мостов с миром, а не для того, чтобы запереть нас внутри своего же сообщества» (ПМА 8: арбреш, 36 лет, юрист, проживает в Палермо, родился в Палаццо-Адриано).

«Когда у меня есть возможность передать знания об особенностях нашего сообщества, продвигать его в культурном, кулинарном и территориальном и других планах» (ПМА 8: арбреш, 41 год, родился и проживает в Санта-Кристина-Джела).

Большинство респондентов также отметили, что быть арбрешем означает гордиться своей историей и идентичностью, чувствовать себя частью уникального народа с богатой культурой:

«Быть арбрешем для меня означает обязанность защищать свою идентичность и передавать традиции дальше» (ПМА 8: арбреш, 28 лет, проживает в Палермо, родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

«Это моральный долг сохранить и передать будущим поколениям важное культурное наследие нашего сообщества» (ПМА 8: арбрешка, 23 года, студентка Университета Палермо, родилась в Пьяна-дельи-Альбанези).

«Быть арбрешем для меня большая привилегия, это честь принадлежать к древнему народу с богатой историей, культурой, традициями. Арбрешу – это народ с уникальным в мире религиозным, лингвистическим и культурным наследием» (ПМА 8: арбреш, 35 лет, проживает во Флоренции, родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

«Для меня быть арбрешем значит гордиться принадлежностью к сообществу с высокими ценностями, быть свидетельством сохранения языка и традиций» (ПМА 8: арбреш, 50 лет, проживает в Бари, родился в Палермо).

«Это значит сохранять свою идентичность, чувствовать себя уникальным, особенным, обладать большим богатством, чем другие; быть частью реальной, пережитой истории» (ПМА 8: арбреш, 33 года, работает во Флоренции, родился в Палаццо-Адриано).

«Для меня быть арбрешем значит быть византийским греческим христианином, который чтит свою историю, а также культурную и религиозную идентичности» (ПМА 8: арбреш, 37 лет, священник, родился в Палермо, проживает в Пьяна-дельи-Альбанези).

«Быть частью языкового меньшинства и нести ответственность за сохранение культуры, языка и традиций, бороться против их исчезновения» (ПМА 7: Хасанлари, арбрешка, 1986 г.р., Лунгро).

«Быть арбрешем значит принадлежать к собственной истории и культуре, собирать наследие предков, чувствовать свои корни» (ПМА 8: арбреш, 40 лет, работает психологом в Милане, родился в Палермо).

«Это черта моей личности, которая глубоко характеризует меня и дала мне много нового для знакомства с другими культурами, которые в противном случае могли бы быть более далекими и менее поддающимися интерпретации. Быть арбрешем – значит осознавать свою принадлежность к албанской цивилизации в целом» (ПМА 8: арбрешка, 32 года, проживает в Риме, родилась в Палермо).

Таким образом, византийский обряд играет одну из основополагающих ролей в формировании идентичности арбрешей. Большинство представителей диаспоры глубоко ценит свою религиозную принадлежность, которая является неотъемлемой частью их традиционной культуры и помогает им поддерживать связь и преемственность поколений. Для арбрешей быть частью этнического меньшинства означает нести ответственность за сохранение своего языка и культуры. И в этом им помогают различные сообщества, социальные и церковные организации.

2.4. Роль церкви в поддержании идентичности арбрешей на современном этапе

Процесс конструирования и поддержания идентичности не зависит исключительно от внешних факторов. Внутри самого сообщества должны действовать силы, способствующие развитию и сохранению этнического самосознания. Спустя несколько столетий после первых волн переселения арбрешей на территорию Италии, а именно в XVII веке, началось пробуждение культурно-социальной жизни. Активную роль в данном процессе сыграла интеллигенция. В этот исторический период арбрешское духовенство, интеллектуалы и ученые развернули деятельность, направленную на сохранение языка и культуры своего народа.

Не только поэты и писатели посредством творчества способствовали укреплению арбрешской идентичности. Различные духовные, общественные и политические организации внесли значительный вклад в сбор, исследование и документирование данных и фактов, касающихся исторического прошлого, фольклора, культурных традиций и обычаев албанских переселенцев. В это же время шло активное сопротивление процессу ассимиляции, выразившееся в борьбе с органами местной власти и доминирующими социальными группами за сохранение византийского обряда Итало-албанской церкви, которая на протяжении веков играла определяющую роль в идентификации арбрешских сообществ, продвигая в различных формах мероприятия, направленные на развитие этнической специфики арбрешей (Altimari 1986: 8-9). Открытие в Калабрии и на Сицилии большого количества церковных учреждений было обусловлено необходимостью поддержания этнического самосознания диаспоры. Создание религиозных институтов способствовало не только сохранению исторического и культурного наследия арбрешских сообществ Палермо и Козенцы, но также возникновению новых традиций, например, иконописи (Opi 1989: 35).

Многочисленные духовные академии и семинарии, открытые в то время, действовали вплоть до конца XX века, а их священнослужители внесли значимый вклад в образование и приобщение молодого поколения к культурным ценностям диаспоры. Например, в Итало-албанской Семинарии в Палермо не только готовили будущее духовенство, но также преподавали албанский язык и литературу. Священники Итало-албанской церкви Джорджио Гудзетта и Антонио Бранкато способствовали открытию Коллегии св. Марии – первого женского образовательного учреждения в Пьяна-дельи-Альбанези (Manali 2009). В XVIII в. сестры этой коллегии, основали школу, в которой обучали незамужних девушек искусству золотного шитья, благодаря чему эта традиция дошла до наших дней (Schirò 2011: 240). Таким образом, активное участие местной интеллигенции в культурной и политической жизни своей общины заложило основы для сохранения этнической идентичности арбрешей (Giacomarra: 2012: 202).

Особенность географического положения Пьяна-дельи-Альбанези явилась причиной того, что на протяжении нескольких веков это арбрешское поселение продолжало оставаться изолированным от остальной части Сицилии, а его жители передавали из поколения в поколение свои обычаи и традиции в «законсервированном» виде. Долгое время сицилийцы оставались индифферентными по отношению к албанским переселенцам, которые, в свою очередь, желали сохранить этническую самобытность, что также замедлило процесс взаимопроникновения культурных элементов (Altimari 1986: 45-47).

Однако период после Второй мировой войны был отмечен интенсивной эмиграцией в другие страны, оттоком рабочей силы из сельской местности, введением обязательного образования, получаемого в итальянских учебных заведениях (преподавание в которых ведется на итальянском языке), распространением средств массовой информации, а также модернизационными

процессами. Всё это привело к тому, что сопротивление арбрешей влиянию доминантной культуры с течением времени начало ослабевать, при этом усилился процесс социокультурной дезинтеграции внутри диаспоры (Zamagni 2002: 226).

Проблема сохранения самобытности арбрешей и укрепления чувства их этнической принадлежности породила насыщенную культурную жизнь. Итало-албанские приходы в течение долгих лет накапливали информацию об истории, традициях и обычаях своей общины, укрепляли внешние и внутренние связи, благодаря чему между представителями арбрешской диаспоры возникло чувство внутренней сплоченности. Сегодня религиозная составляющая по-прежнему имеет большое значение в жизни арбрешской диаспоральной группы, а местное духовенство представляет наиболее сложную и значимую социальную организацию, отвечающую за сохранение религиозной и этнической идентичности сообщества (Scuderi 2011: 197-198). Церковные мероприятия становятся объединяющим фактором для жителей тех регионов, где православные обряды были утрачены. Регулярно справляющиеся религиозные праздники такие как Пасха, день иконы Мадонны Одигитрии и др., привлекают не только арбрешей и албанцев, но и иностранных туристов из самых отдаленных мест (ПМА 4).

Благодаря активному участию епархии Лунгро и волонтеров с 2017 года в Козенце (Калабрия) ежегодно проходит фестиваль “Bukuri arbëreshe” (арбр. ‘Арбрешская краса’), в котором принимают участие представители арбрешских общин Калабрии, Сицилии и Базиликаты. В рамках фестиваля проводятся литургические песнопения в соборе Козенцы, выступления фольклорных коллективов, костюмированные шествия. В 2023 году организаторы решили расширить традиционную программу фестиваля, включив в нее конференцию по текстильному искусству, а также выставку, на которой было представлено сто

экземпляров традиционных женских костюмов (Bukuri Arbëreshe, 2023. URL: <https://www.cosenzachannel.it>). Подобные мероприятия, посвящённые истории, культуре и традициям арбрешей, вызывают все больший интерес у итальянцев, которые, по словам информантов, часто не подозревают, что рядом с ними живут представители языковых меньшинств (ПМА 5).

На Сицилии епархия Пьяна-дельи-Альбанези также играет решающую роль в сохранении византийского обряда и принимает активное участие в приобщении арбрешей к собственной культуре. Для того чтобы облегчить понимание отдельных частей литургии, церковное сообщество выпускает брошюры с примечаниями по катехизису на греческом, арберешском и итальянском языках. Епархия всячески способствует экуменическому диалогу между представителями языковых и конфессиональных меньшинств, организует встречи с православным духовенством Албании и Греции, однако именно из-за особенностей культурной и религиозной самобытности сообщество сохраняет негативное отношение к биритуализму, считая его неправильным способом экуменического подхода между Западом и Востоком. Одной из важнейших инициатив не только в религиозной, но и в культурной и туристической сферах стала организация празднования Пасхи с привлечением различных СМИ. Кроме того, епархия выступила с проектом по популяризации печатных и видеоматериалов (Сулоева 2021: 49-56).

Раз в четыре месяца выходит собственный журнал епархии под названием “Oriente Cristiano” (ит. ‘Христианский восток’), все номера которого имеются в свободном доступе на сайте редакции. В журнале освящается ряд вопросов, связанных с историей религии, церковными деятелями, христианскими праздниками, важными мировыми событиями, а также публикуются фотографии икон, представляющих культурную ценность, и комментарии к ним специалистов в области истории искусств (Oriente Cristiano, 2022. URL:

<http://www.orientecristianopiana.it/>). Однако, по словам информантов, поселению не хватает женских монастырей, где воспитывались бы монахини Итало-албанской церкви:

«Нашей церкви очень не хватает монахинь. Девушки из Пьяна-дельи-Альбанези, желавшие стать монахинями, были вынуждены переехать в другие поселения и воспитываться при латинских монастырях» (ПМА 3: Паррино Г., арбреш, 1990 г.р., Пьяна-дельи-Альбанези).

Различные ассоциации вносят большой вклад в увеличение посещаемости церквей, продвигая инициативы культурной направленности. Например, основанная в Турине⁴¹ в 1972 году ассоциация “Jeta” (арбр. ‘Жизнь’) каждую субботу устраивала различные мероприятия в большом подвале церкви до тех пор, пока он не был объявлен непригодным для использования, после чего два городских ресторана, управляемые арбрешскими семьями, в течение нескольких лет служили местом проведения культурных мероприятий. В 1989 году после конфликта с лидерами ассоциации, община Пьемонта создала Итало-албанский культурно-развлекательный кружок, который действует и по сей день (Bugliari 1989: 4-5).

Церковь Сан-Микеле-Арканджело является единственным религиозным центром арбрешей Пьемонта, в частности, тех, кто живет за пределами Турина. Тем не менее, арбрешские семьи стараются поддерживать связь с жизнью Церкви и по-прежнему обращаются к ней за крещениями, свадьбами и похоронами. К сожалению, из-за интеграции в латинские приходы и все большего распространения явления смешанных браков существует угроза утраты византийского обряда (в большей степени среди молодежи и в целом

---

⁴¹ Турин – город на севере Италии, административный центр области Пьемонт.

среди поколений тех, кто родился в Турине после иммиграции) (Bugliari 2003: 72-73).

Приходская жизнь Итало-албанской церкви находит активное выражение в ряде туристических поездок, совершающихся не только в культурно-развлекательных, но и религиозных целях, таких как посещение аббатств и церквей. В этих случаях у прихода есть возможность рассказать о византийских обрядах другим посетителям паломнических центров (ПМА 4). Кроме того, многие приходы самостоятельно печатают собственные периодические издания, где публикуются статьи, посвященные восточному обряду, византийскому искусству и обзору литературы на различные богословские и исторические темы (Chiesa di Aquaformosa 2022. URL: <http://chiesadiacquaformosa2.altervista.org/sito/news/>).

Местная публицистика стремится охватить все аспекты духовной и светской жизни арбрешского сообщества, и поэтому является богатым источником культурных данных, а также необходимым связующим звеном между жителями разных поселений и регионов. Среди аспектов, которым уделяется особое внимание, – история происхождения арбрешей, этапы переселения на территорию Италии, сравнения с другими этническими и языковыми меньшинствами, биографические заметки известных албанцев, статьи об албанском языке и литературе, общие новости арбрешской диаспоры, такие произведения фольклора как песни, стихи, сказки, легенды, а также политико-исторические обзоры, посвященные актуальной ситуации в Албании и Косово (Jeta arbëreshe 2021; 2022; 2023).

Не только церковные, но и образовательные институты все активнее проявляют свое участие в культурной жизни арбрешей и оказывают всяческую поддержку сообществу. В 2020 году от фонда *Francesco Solano* при университете Калабрии поступило предложение о включении арбрешской

традиционной культуры в список лучших практик нематериального культурного наследия ЮНЕСКО⁴². Проект носит название “Moti i Madh” (арбр. ‘Великое время’) и призван объединить такие особенности арбрешской культуры как язык, костюмы, танец *вальет*, свадебный и погребальный обряды, народные и религиозные песни, фольклор, блюда традиционной кухни. Подготовку номинации объекта для внесения в Список всемирного наследия осуществляли специалисты в области албанологии, антропологии, этномузыкологии, истории культуры в университетах Милана, Венеции, Саленто, Палермо и Калабрии. Министерство культуры Албании в лице министра Эльвы Маргарити и замминистра Мери Кумбэ также оказало поддержку этому проекту. Данное событие стало историческим для арбрешей и получило широкую огласку не только в итальянских и местных арбрешских, но и албанских СМИ (Moti i madh, 2020. URL: <http://www.fondazioneuniversitariasolano.it/notizie-ed-eventi/moti-i-madh-il-tempo-grande-i-riti-arbereshe-della-primavera-proposta-di-candidatura-unesco/>).

Начавшееся после Второй Мировой войны сближение арбрешской и албанской культур продолжает усиливаться. Албанские мигранты нового поколения успешно интегрируются в арбрешское сообщество. Негативные стереотипы об албанцах стали забываться и больше не оказывают негативного влияния на их взаимодействие с итальянцами и самоопределение. Сегодня у молодого поколения арбрешей все больше желания заново открыть для себя свое происхождение. Арбрешей стали использовать для своих мероприятий албанскую традиционную музыку регионов Чамерия, Ляберия и Корча. В последние годы творческие коллективы арбрешей из Апулии и Калабрии все чаще принимают

---

⁴² О нематериальном культурном наследии и его роли в формировании идентичности см. работы П. Говард, Э.А. Орловой и др. (Howard 2003, Орлова 2009).

участие в различных фольклорных фестивалях и телевизионных концертах в Албании, например, в ежегодном фестивале Гирокастры⁴³.

Кроме того, на протяжении более пяти столетий после своего приезда в Италию каждый год арбреши отмечают победу албанской армии Скандербега над османским войском в битве, состоявшейся 23 апреля 1467 года при Круе⁴⁴. Ежегодно 24 апреля члены общин, одетые в традиционные костюмы, исполняют древний танец *валье э фиторэс* (арбр. *valje e fitorës*), что переводится как ‘танец победы’⁴⁵. В 2022 году в Круе проходило празднование 555-й годовщины победы. По этому случаю из муниципалитетов Фрашинето и Чивита прибыла делегация из пятидесяти человек. Данное событие стало историческим для арбрешей и широко освещалось в албанских СМИ (*Arbëreshët rikthehen në Krujë*, 2022. URL: <https://www.oranews.tv/vendi/arbereshet-rikthehen-ne-kruje-kujtohet-555-vjetori-i-clirimit-te-qytetit-i1039385>).

Правительство Албании обращает все больше внимания на актуальную социокультурную ситуацию в общинах арбрешей Италии и арванитов Греции. В мае 2023 года в рамках официального визита в Италию президент Албании

---

⁴³ Фольклорный фестиваль Гирокастры – многодневный фестиваль, который проводится каждые пять лет в г. Гирокастра. Был учрежден социалистическим правительством Албании в первые годы после Второй мировой войны с целью продемонстрировать достижения в сохранении музыкального и танцевального наследия албанцев. Сегодня в нем принимают участие не только албанцы, но и представители этнических меньшинств, в том числе арбреши (Novik 2020: 160).

⁴⁴ В 1467 году после годичной осады албанской крепости Круя в результате кровопролитного сражения и больших потерь с обеих сторон Скандербег одержал победу над османским войском (Арш 1992: 204).

⁴⁵ Несмотря на влияние итальянской культуры *валье* считается исконно арбрешской традицией. На Сицилии танец исполняли до 50-х годов прошлого века, а затем перестали, но сохранились поэзия и песни, воспевающие жизнь и подвиги национального героя (Bellusci, Radovicka 2020). В Калабрии и Базиликате эта традиция сохраняется до сих пор. В Козенце 24 апреля проходят народные гуляния, сопровождающиеся костюмированными шествиями и исполнением *валье* под народную музыку. Женщины, принимающие участие в танце, надевают традиционную одежду общины, при этом мужчины носят либо традиционный албанский костюм, либо реконструированные версии традиционных региональных костюмов Италии (ПМА 7).

Байрам Бегай посетил муниципалитет Рошано, находящийся в регионе Абруццо, и встретился с представителями молодой албанской диаспоры проживающей там последние три десятилетия. В своей речи президент отметил, что Албания и Италия должны приложить совместные усилия, чтобы арбрешский язык и уникальные религиозные традиции были сохранены и переданы по наследству будущим поколениям (Presidenti Begaj, 2023. URL: <https://abcnews.al/begaj-vizite-zyrtare-neser-ne-itali-pritet-te-takohet-me-mattarellen-dhe-komunitetin-arberesh/>). В июне 2023 года премьер-министр Албании Эди Рама побывал с визитом в епархии Лунгро и выразил надежду на дальнейшее сотрудничество двух государств, направленное на создание инициатив и организаций, открытии школ для албаноязычного меньшинства Италии (Edi Rama, 2023. URL: <https://www.corrieredellacalabria.it/2023/06/03/edi-rama-alla-comunita-arbereshe-di-lungro-aiutiamoci-gli-uni-con-gli-altri-video/>). Таким образом, сегодня все чаще поднимается вопрос о том, как обеспечить эффективную защиту и поддержку языковых меньшинств не только на уровне культурных и языковых инициатив, но и через участие властных структур и принятие политических решений (Baldi, Savoia 2017: 287).

Мэр Пьяна-дельи-Альбанези Розарио Петта, который также является членом Координационного совета диаспоры, организации, объединяющей 15 представителей албанских диаспоральных групп со всего мира, принимает активное участие в укреплении связей между своей общиной и исторической родиной предков. В 2024 году празднование Пасхи было отмечено присутствием таких высокопоставленных лиц как вице-премьер и министр иностранных дел и диаспоры Республики Косово Доника Гервала-Шварц, её заместитель Лиза Гаши, а также посол Косово в Риме Линдита Хаджитасим (La Pasqua Arbëreshe di Piana-degli-Albanesi, 2024. URL: <https://www.giornalelora.it/la-pasqua-arbereshe-di-piana-degli-albanesi-edizione-2024-con-ospiti-internazionali/>). Кроме того, госпожа Гервала-Шварц побывала в Козенце с официальным визитом, целью

которого стало укрепление культурных, туристических, а также экономических и коммерческих связей между провинцией Козенца и Республикой Косово (Donika Gërvalla Schwarz a Cozenza, 2024. URL: <https://www.provincia.cs.it/portale/portaltemplates/newpro/view/view.cfm?10009>).

Рост и развитие коммуникации, усовершенствование средств массовой информации также воздействуют на современную культуру арбрешских диаспоральных групп. Процессы модернизации способствуют распространению информации и повышению осведомленности языковых меньшинств, формируя таким образом представление об их этнической принадлежности. Епархии Пьяна-дельи-Альбанези и Лунгро имеют собственные сайты и ведут страницы в социальных сетях, где размещают актуальную информацию, касающуюся социокультурной жизни Итало-албанской церкви (Eparchia di Pana-degli-Albanesi, 2022. URL: <https://www.eparchiapiana.org>; Eparchia di Lungro, 2022. URL: <http://www.eparchialungro.it>). Священнослужители византийского обряда активно ведут собственные страницы в Facebook и пользуются большим авторитетом среди прихожан (ПМА 4). Религиозные сообщества создают новостные каналы на YouTube, благодаря которым пользователи имеют возможность посмотреть записи церковных служб, узнать, как совершаются религиозные обряды, и получить представление об особенностях итало-албанской церкви (Arbereshe di Pana-degli-Albanesi, 2022. URL: <https://youtube.com/@sdm2509?si=bADjbEEpzb69vP4r>).

Таким образом, Итало-албанская церковь с активной позицией духовенства, как и в прошлом, выполняет роль одного из самых сложных и значимых социальных и культурных институтов. На протяжении веков его представители организовывали и проводили мероприятия, направленные на культивирование этнической специфики арбрешей и поддержание их идентичности. Однако из-за того, что Римская католическая церковь вмешивается в вопросы назначения на должности и введения в сан, во главе приходов встают итальянцы, которые никак

не связаны с арбрешской культурой. Продолжающиеся церковные реформы и преобразования ставят под угрозу сохранение византийского обряда, а вместе с ним и языка арбрешей, поскольку эти два элемента культуры находятся в тесной взаимосвязи (ПМА 6). Несмотря на это Итало-албанская церковь высоко ценится своими прихожанами, и все больше воспринимается как религиозный, социальный и культурный институт, ответственный за сохранение ценностей религиозной культуры, тесно связанной с социальной средой в целом.

Выводы по главе 2

Длительное проживание в изоляции от источника традиции и деятельность местных интеллектуалов, выступавшей за развитие образования и сохранение этнического самосознания, способствовало тому, что арбрешские общины на протяжении более пяти веков сохраняли свою идентичность, демонстрируя жизнеспособность своей традиционной культуры. Однако экономическое развитие и глобализация направляют людей на переосмысление своей идентичности в личностном и общественном плане. Разнообразные социокультурные процессы находят свое отражение в соответствующих изменениях в сфере декларирования этнической принадлежности. Быстрое развитие коммуникации, растущая мобильность людей влияют на традиционные модели поведения, наблюдается ослабление социальных связей и размывание этнических границ.

Арбрешши переосмыслили и адаптировали под новые жизненные реалии свои традиционные ценности, что дало возможность сохранить и передать будущим поколениям такие элементы культуры как язык, женский костюм и византийский обряд. Сегодня арбрешши используют эти культурные символы как инструмент выживания и поддержания своей идентичности в контексте глобализации. По словам информантов, быть арбрешем означает, с одной стороны, «являться носителем древних традиций многовековой истории», а с другой стороны, нести ответственность за их сохранение в новых реалиях. И в

этом им активно помогают политические движения, церковные, социальные и культурные организации.

Осмысление арбрешами своего этнического «я» все чаще происходит во время важных религиозных и исторических праздников, а также семейных мероприятий, когда представители того или иного этноса либо его диаспоральной группы начинают позиционировать свои исторические корни и значительное языковое, религиозное и традиционное наследие, которые на протяжении веков они сохраняли. В этом смысле византийский обряд венчания становится ключевым маркером арбрешской идентичности, так как объединяет в себе три главные составляющие: язык, ритуал и костюм. Это целостное этнокультурное явление, продолжающее жить в современном социокультурном пространстве и выполняющее важную этнодифференцирующую функцию для арбрешей.

Итало-албанская церковь представляет значительный институт, который движется к новым формам организации или изменяет роль существующих, чтобы реагировать на вызовы современного общества. Местное духовенство отвечает за сохранность религиозной культуры, которая тесно интегрирована в социальную среду, а также направляет свою деятельность на культивирование и сохранение арбрешской идентичности.

ГЛАВА 3. СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Одним из наиболее репрезентативных примеров всестороннего проявления этнического самосознания арбрешей является свадебный обряд. Свадьба объединяет такие ключевые маркеры арбрешской идентичности как византийский обряд, язык, традиционные костюмы и гастрономию в одном пространственно-временном континууме и в этом смысле становится уникальным событием в жизни любого арбреша.

В новых жизненных реалиях современные арбреша часто сталкиваются с проблемой определения этнической принадлежности, поскольку в процессе адаптации к новым условиям и взаимодействия с итальянцами начался процесс формирования смешанной идентичности, сочетающей в себе как черты представителей доминантной общности, так и собственные этнокультурные особенности (Giacomarra 2003: 204). В настоящее время среди арбрешской молодежи наблюдается тенденция трансформации этнического «я», которая зародилась в конце XX века после закрытия ряда церковных учреждений, занимавшихся не только образованием, но и приобщением молодого поколения к культурным ценностям диаспоральной группы (ПМА 5).

В этих условиях в последнее время всё большую значимость стали приобретать такие элементы традиционной культуры как привязанность к византийскому обряду и этническая одежда. Обряд венчания и весь свадебный цикл играет немаловажную роль в сохранении не только семейных, но в первую очередь культурных ценностей, составляющих этническую специфику арбрешей и формирующих их самосознание. Свадебный обряд дает возможность членам диаспоральной группы объединяться в религиозном плане, поддерживать и укреплять социальные связи, а также транслировать свою этническую и культурную принадлежность (ПМА 3). Например, в арбрешской семье Паррино, проживающей в Пьяна-дельи-Альбанези, уже несколько поколений венчаются

по византийскому обряду и чтят традиции диаспоры. Младший сын Габриэле принимает активное участие в жизни своей общины и является одним из наших ключевых информантов. Приведем отрывок из его нарратива, касающегося свадебного обряда:

«Свадьба становится уникальным событием, поскольку в этот момент арбрешская идентичность достигает своего триединства, заключенного в языке богослужения, самом обряде и традиционной одежде» (ПМА 4: Паррино Г., арбреш, 1990 г.р., проживает в Палермо, родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

Несмотря на то, что за последние тридцать лет увеличилось число смешанных браков⁴⁶, в целом традиции продолжают свое существование. Большинство арбрешей венчаются по византийскому обряду, при этом женщины предпочитают выходить замуж именно в традиционной одежде. По мнению информантов, все зависит от личной ответственности в вопросах культуры и идентичности, а также семейного воспитания. Приведем отрывок из нарратива другого жителя Пьяна-дельи-Альбанези:

«Моя знакомая, которая родилась и выросла в Палермо, но в семье арбрешей из нашего поселения, всегда мечтала выйти замуж в традиционном наряде. Ее жених итальянец не был против, и они обвенчались в Палермо в церкви византийского обряда, и невеста была в традиционном костюме. Смешанный брак не является проблемой, все дело в личном отношении арбрешей к собственной культуре. Чувство идентичности должно изначально формироваться внутри семьи» (ПМА 6: Бертини К., арбреш, 1991 г.р., родился и проживает в Пьяна-дельи-Альбанези).

---

⁴⁶ В 1950-е и 60-е годы брак внутри этнической группы был более предпочтительным, для чего устраивались семейные праздники и поощрялись знакомства арбрешской молодежи из соседних сообществ. Смешанные браки были редким явлением, при этом неарбрешки самостоятельно учили язык сообщества и успешно в него интегрировались (Giacomarra 2003: 85).

Таким образом, свадебный обряд является одним из способов проявления этнического самосознания арбрешей. Он помогает сохранить и передать культурные ценности, формируя идентичность и поддерживая связь между поколениями, несмотря на процессы глобализации и интеграции.

3.1. Предсвадебный период

Традиционная свадьба арбрешей является результатом многовекового смешения собственных обычаев, имеющих албанское происхождение⁴⁷ с региональными итальянскими. При этом в каждой области можно выделить свою специфику, характерную только для конкретных поселений. Так, на Сицилии местная культура повлияла на формирование многих свадебных традиций Пьяна-дельи-Альбанези, Санта-Кристина-Джела, Палаццо-Адриано и др. Еще в давние времена сицилийцы не заключали брак в мае или августе, потому что в эти месяцы принято поминать усопших. Предпочтение отдавалось апрелю, сентябрю, октябрю, ноябрю и декабрю. Большое число свадеб приходилось на 24 июня – День Иоанна Крестителя, поскольку считалось, что эта дата особенно благоприятна (Manali 2000: 15). Данная традиция, которой придерживаются и арбреши, сохраняется по сей день. Из дней недели самыми удачными считаются воскресенье и понедельник (ПМА 4).

В прошлом браки заключались по причинам, не связанным с сентиментальными отношениями. Фактически учитывались лишь социальная и экономическая выгода. Даже в крупных городах, таких как Палермо и Катания, были свахи, которые за определенную плату устраивали подобные соглашения между семьями (Siragusa 2009: 34-35). Мечтая о лучшей партии для себя и

---

⁴⁷ Албанские свадебные обряды были описаны в статьях, посвященных различным этнографическим регионам страны и включенных в научные издания (Десницкая 1973, Иванова 1988, Zojzi 1958, Naхhihasani 1959, Хаҗка 1959, Fico 1961, Prifti 2010, Коҗо 2013). О свадебных обрядах других историко-географических областей см. (Узенёва 2010, Новик 2013; 2016).

пытаясь заранее предугадать социальное и экономическое положение будущих женихов, девушки придумывали различные гадания. Например, считалось, что, с вечера нужно положить под подушку три бобовых стручка, один из которых полон, другой пуст, а в третьем есть только половина зерен. Утром необходимо было вытащить один из стручков и по его наполненности можно было судить о достатке будущего супруга (Russo 1975: 15). Также накануне праздника Св. Иоанна по всей Сицилии девушки совершали следующий обряд: нужно было опалить венчик любого цветка, который затем оставляли на подоконнике на свежем воздухе. Если на следующее утро венчик оживал, то это воспринималось как хороший знак, означавший, что будущий муж будет красив и трудолюбив (Manali 2000: 16). Среди арбрешей также были распространены различные виды гаданий, например, в день Св. Петра необходимо было расплавить свинец, вылить его в холодную воду и в получившемся рисунке попытаться расшифровать послание. Также считалось, что, если взять обручальное кольцо в рот и ждать у окна, то первый мужчина, проходящий мимо, станет женихом девушки. Иногда случайная фраза из чужого разговора могла быть воспринята в качестве тайного послания. Или же девушка обращалась к своему святому покровителю и затем ожидала ответа в виде какого-либо знака или звука (Russo 1975: 17).

Как правило, при выборе будущего супруга или супруги не учитывались пожелания молодых. Невесте полагалось быть честной и иметь хорошее приданое, а также происходить из той же общины, что и жених. Просить руки избранницы следовало у её отца, а не у обоих родителей, поскольку голос матери имел меньший вес, для этого близкий родственник жениха отправлялся в качестве посланника, *мбасбатури* / *mbasbaturì* /, к родителям девушки. После предложения мог последовать отказ. Обычно это происходило потому, что молодой человек, по мнению противоположной стороны, не обладал необходимыми моральными качествами или материальным достатком (ПМА 5).

В некоторых случаях помолвке противилась будущая невеста, влюбленная в другого. Молодые люди, которые не могли быть вместе из-за несогласия их семей, вступали в брак тайно. Договорившись о дате, времени и условиях, влюбленные сбегали из дома и сообщали родным о своем решении уже после состоявшейся свадьбы. Такой способ заключения брака, когда семьи были вынуждены с ним смириться, назывался *фуйтина / fujtina /*. Существовало негласное правило: беглецы должны были пробыть вместе три дня, чтобы брак вступил в силу, после чего проводилась церемония венчания. Часто бедные семьи прибегали к фуйтине, чтобы избежать расходов на пышное празднество. В таких случаях одна из матерей знала о планах молодых и даже помогала им в их осуществлении (Siragusa 2009: 34).

Важную роль в формировании отношений между будущими супругами играли ухаживания, *кортеджаменто / corteggiamento /*. Во многих случаях молодой человек, заинтересованный в женитьбе, устанавливал связь с окружением девушки, чтобы потом её друзья могли выступить посредниками между ним и невестой. По сицилийской традиции, которую заимствовали арбреша, жениху полагалось исполнить серенады в компании друзей или опытных певцов перед домом невесты. Если семья девушки была согласна с предложением руки и сердца, то по окончании последнего куплета ее отец распахивал окно и приглашал молодого человека и его друзей войти внутрь, где им предлагалось угощение. Следующий шаг заключался в официальном визите жениха в сопровождении своих родителей (Guagliardi 2004: 45).

В начале XX века арбрешская традиция назначать на роль посредника кого-то из близких друзей или родственников еще сохранялась, но все чаще просить руки возлюбленной отправлялся сам жених. Отец невесты прежде всего интересовался экономическим и рабочим положением жениха и, если его устраивал социальный статус молодого человека, то назначалась официальная

встреча, на которой уже оба отца обговаривали детали предстоящей помолвки, а также размер приданого, включавшего определенную денежную сумму и набор материальных атрибутов. В некоторых случаях с помощью юриста составлялся особый документ, *минута* / *minuta* / или контрактто / *contratto* /, в котором указывалось все, что девушка получала в приданое (Siragusa 2009: 28). Случаи покупки невесты, характерные для прошлого Албании и зафиксированные в Кануне, не были отмечены у арбрешей (ПМА 4).

Как только между семьями было достигнуто соглашение, назначалась дата помолвки – *нусери* / *nuseri*, -ja / (ит. *фиданцаменто* / *fidanzamento* /). В присутствии друзей и родственников официально объявлялось о счастливом событии, происходил обмен кольцами, после чего будущие супруги принимали поздравления от гостей (ПМА 4). Также во время помолвки жених дарил невесте *брез* – серебряный пояс, который она должна была впервые надеть. Если молодой человек не мог себе позволить купить брез, всегда стоивший очень дорого, его мать могла одолжить невесте свой. По окончании помолвки женщины, одетые в традиционную одежду, отправлялись на службу в церковь, чтобы отпраздновать это событие (Guagliardi 2004: 47).

Часто во время знакомства будущая свекровь расчесывала невестке волосы, заплетала их в косу и завязывала особой лентой, с которой девушка ходила до дня свадьбы, дав таким образом обещание верности своему жениху. В настоящее время ритуал с лентой не совершается, но орнамент, который был на ней вышит, присутствует в свадебном наряде арбрешских невест (ПМА 3). Данный обычай восходит к сицилийской свадебной традиции – *нгаджаменто* / *ngaggiamento* / (ит. ‘связь’), когда в день знакомства двух семей будущих жениха с невестой связывали веревкой, что символизировало единение душ молодых, а также принадлежность девушки тому, за кого она собиралась выйти замуж (Russo 1975: 28).

Сегодня предложение руки и сердца молодой человек делает не в присутствии родителей девушки, а в более интимной обстановке. Но традиция знакомства двух семей и обмена подарками, сохраняется. Как правило, родители жениха и невесты собираются за ужином и обсуждают, какие расходы по свадьбе возьмет на себя каждая сторона. Сейчас принято, чтобы родители невесты оплачивали покупку свадебного наряда и приданого, расходы на венчание, видео- и фотосъемку, обстановку спальни, а родители жениха покупали жилье для будущих супругов, мебель и другие предметы интерьера, а также кольца (ПМА 5).

С момента помолвки должно было пройти не меньше года, чтобы будущие супруги могли лучше узнать друг друга. В течение всего периода молодые люди посещали исключительно дом невесты в присутствии кого-либо из её родственников. Невесте полагалось вести очень замкнутый образ жизни и заниматься изготовлением приданого. Во время больших религиозных празднеств, таких как Рождество и Пасха, семьи помолвленной пары обменивались подарками. Если за этот период не были выявлены недостатки физического или морального характера, то назначалась дата свадьбы (Siragusa 2009: 32-33). В настоящее время после помолвки принято сначала заключать гражданский брак (ит. *matrimonio civile*), то есть официально регистрировать его в ЗАГСе, после чего обычно проводят обряд венчания в церкви, часто на следующий день после росписи (ПМА 5).

3.2. Обряды свадебной недели

В большинстве случаев день свадьбы назначают на воскресенье. Раньше считалось, что все приготовления к торжеству и ритуальные действия необходимо провести во время недели, предшествовавшей свадьбе и носившей название «неделя невесты» (арбр. *java e nusës*) (Siragusa 2009: 33). Однако сейчас готовиться к свадьбе начинают за месяц или два до назначенной даты (ПМА 5).

Согласно итальянскому обычаю, в начале недели в доме невесты проводилась предварительная оценка стоимости приданого – *стиматура* (ит. *stimatura* ‘разглаживание, растягивание’). Женщина, специально для этого приглашенная, рассматривала вещи и называла их цену. Результат должен был совпасть с суммой, указанной в соглашении (Russo 1975: 31). Затем приданое невесты помещали в большие плетеные корзины, накрывали белой тканью и в сопровождении музыкантов перевозили на украшенных ослах в будущий дом молодоженов. Там вещи раскладывались на большой кровати, заранее подготовленной для молодых. Родственники и друзья могли оставить на постели небольшие суммы денег, рассыпать конфеты, крупы и бобовые как пожелание процветания (Siragusa 2009: 33). У арбрешей бытовала схожая традиция, связанная с приданным невесты. За три дня до свадьбы, обыкновенно после полудня родственники невесты отправлялись в дом будущих супругов, где несколькими днями ранее была застелена постель. Приданое предварительно осматривала свекровь, затем его раскладывали на кровати, чтобы им могли полюбоваться приглашенные друзья и родственники. Каждый мог рассыпать на кровати несколько купюр или горсть засахаренного миндаля. Невеста не присутствовала на данном мероприятии, потому что это считалось дурной приметой (Guagliardi 2004: 49).

Традиция, связанная с ритуальным приготовлением новобрачного ложа, была отмечена в арбрешских общинах, расположенных не только на Сицилии, но и в Калабрии. За несколько дней до свадьбы две или четыре незамужних девушки собирались в доме будущих супругов и стелили белье. Простыни в соответствии с обычаем должны были быть чисто-белыми, а орнамент на наволочках и покрывале – вышит вручную. Закончив ритуал подготовки постели, все присутствующие, начиная с родственников жениха, оставляли на кровати деньги и конфеты в знак поздравления и пожелания экономического процветания (Russo 1975: 35). Также считалось хорошей приметой, если на

постели посидит маленький мальчик, чтобы у пары родился первенец мужского пола. В течение трех дней каждый, кто хотел посетить будущее место проживания супругов, мог оставить на кровати деньги и конфеты, которые разбирались молодыми после празднования (ПМА 3). Сегодня кровать молодых также играет важное место в свадебном обряде. У арбрешей принято заранее отправлять свадебные подарки в дом молодоженов, где их, согласно семейным традициям, выставляют либо на брачном ложе, либо на столе в гостиной. Сохраняется и обычай рассыпать на постели деньги и рис (ПМА 5).

Поскольку традиционно свадьба считалась праздником не только для двух семей, но и для всех жителей поселения, то приглашения начинали раздавать за несколько дней до праздника. Обычно небольшая группа мужчин обходила все дома в городе, чтобы пригласить родственников, друзей, знакомых и соседей (Siragusa 2009: 35). В настоящее время пользуются бумажными или электронными приглашениями, однако в Пьяна-дельи-Альбанези среди молодежи была зафиксирована традиция устных приглашений. Приведем слова информанта:

«У нас есть шуточная традиция, когда невеста в сопровождении матери, сестер или близких подруг, отправляется к своим знакомым с визитом. Она стучит в дверь дома, а затем говорит: «Я невеста, выхожу замуж за такого-то (называет имя).» В ответ ей произносят поздравления и дают небольшое угощение» (ПМА 4: Паче Ф., арбреш, 1985 г.р., проживает в Палермо, родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

Ряд обрядов предсвадебного цикла связан с выпеканием хлеба. В каждой арбрешской общине готовят типичные для данной местности изделия из теста. Например, в Калабрии накануне свадьбы в четверг обе семьи собираются в доме жениха, причем каждая сторона приносит свою муку, из которой невеста вместе с родственницами и подругами замешивает тесто. Затем его разделяют между

семьями и готовят различные свадебные угощения. Процесс сопровождается особой песней, которая называется *кэнга э брумит* (арбр. *kënga e brumit* ‘песня теста’). В арбрешском поселении Вилла-Бадесса (Абруццо), согласно местной традиции, в четверг родственницы жениха собираются в его доме и выпекают большую пшеничную лепешку – *фокаччу* (ит. *focaccia*), в которую прячут золотое кольцо. Затем выбирают двух детей – мальчика и девочку, и просят найти кольцо. Если первым найдет мальчик, то в семье будущих супругов первенец будет мужского пола, и наоборот (De Micheli 2011: 47).

В Сан-Паоло-Альбанезе, Сан-Константино-Альбанезе и других поселениях области Базиликата накануне свадьбы семья невесты готовит *таралет / тарэлэт / таралуцэт* (арбр. *taralet, tarelet, taralucet*), или «таралло невесты» (ит. *tarallo della sposa*) – хлебное изделие, которое затем используют в церемонии венчания. Тесто, замешанное из муки, молока, сахара, яиц, оливкового масла, белого или красного вина, оставляют на 4 часа, затем из него формируют длинные тонкие полосы и опускают в кипящую воду на несколько секунд, после чего их выкладывают на противень и запекают (Tarallo della sposa, 2020. URL: https://www.alsia.it/opencms/opencms/agrifoglio/agrifoglio_online/dettaglio/articolo/II-Tarallo-della-sposa-di-San-Paolo-Albanese-tra-tradizione-e-ritualita/).

Таралет могут быть как сладкими, так и солеными. Самыми распространенными формами являются римская цифра три, арабская восьмерка и змеиный хребет (Приложение 7, фото 3.2.1.). В традиционной кухне Сицилии также распространены таралли, которые являются полным аналогом сефардских свадебных сладостей *таралес* (*tarales*) (Фаис-Леутская 2020: 32). Считается, что приготовление *таралет* знаменует собой начало свадьбы, а их употребление в пищу непременно сопровождается бокалом вина. Среди арбрешей широко распространено следующее выражение: *Nuk ka të kremte pa taralle e ver, nuk ka dasmë pa taralle e ver, nuk quhet kantinë shtëpiake po nuk pati taralle e ver*, что

означает 'Не бывает праздника без *таралет* и вина, не бывает свадьбы без *таралет* и вина, кантина не может называться домашней, если в ней нет *таралет* и вина' (Shundi 2016: 145).

Одно из популярных хлебных изделий, которое готовят в предсвадебную неделю в Сан-Николо-дель-Альто (Калабрия), это *гэрвиштлие* (арбр. *gervishtlje*) – пончики круглой формы, обжаренные в масле. Название происходит от албанского глагола *gërvisht*, что означает 'царапать'. Невеста делает на тесте небольшие крестообразные надрезы, число которых должно быть нечетным, как правило, семь. Это знак того, что отныне судьбы молодых, как и судьбы их семей неразрывно связаны друг с другом. В Спеццано-Альбанезе и Сан-Бенедетто-Улано в домах обеих семей выпекают *нджинэтам / дульчет э нусэс* (арбр. *nxhinetat / dhulçet e nuses*). Из муки, сахара, яиц, масла, сока одного лимона замешивают тесто, из которого вырезают печенье круглой формы толщиной около трех сантиметров, сверху распределяют белковый крем и запекают в духовке. Готовые *нджинэтам* отправляют гостям за 7-10 дней до свадьбы в качестве пригласительных (Shundi 2016: 167). В Караффа-ди-Катандзаро (Калабрия) также существовала традиция, когда родители жениха и невесты угощали соседей и родственников сладостями и выпечкой домашнего приготовления, тем самым приглашая их на свадьбу, а в ответ получали кофе, сахар, другие продукты или текстиль, расшитый вручную (Frego 2002: 65).

3.3. День свадьбы

В день свадьбы в доме невесты начинаются сборы девушки. Если она выходит замуж в традиционной одежде, то необходимо соблюсти все правила его ношения. Обычно в этом ей помогают подруги или мать (ПМА 5). В некоторых регионах, например, в Абруццо, данная роль отводилась пожилой женщине (De Micheli 2011: 38). Процесс одевания мог сопровождаться песнями, после чего невеста в компании подруг и ближайших родственников должна была

удалиться в отдельную комнату и ждать жениха. Согласно прежней традиции, свадебное платье покупала свекровь, взамен девушка дарила ей ночную рубашку, носки и рубаху для свёкра и галстук для жениха (Siragusa 2009: 37). Сейчас свадебный наряд приобретается семьей невесты. По словам информантов, поскольку традиционная одежда стоит дорого, существует практика его одалживания у знакомых, а также покупки в рассрочку. Многие невесты приобретают два платья: традиционное и «европейское», то есть белое. Первое предназначается для венчания в церкви, а второе для ресторана (ПМА 5).

Согласно сицилийскому обычаю, жениху, прибывшему в составе свадебной процессии к дому невесты, следовало побороться за девушку. Поэтому было принято разыгрывать сцену нападения со взломом входной двери, которая оказывалась заперта. Между молодым человеком и тестем происходил символический обмен шутками. Когда противостояние заканчивалось, отец невесты, обняв зятя и приветствуя его как сына, приглашал войти в дом (Siragusa 2009: 40). В Калабрии до сих пор существует аналогичная традиция. Приведем отрывок из нарратива:

«Когда прибывает процессия жениха, на порог дома выходит отец невесты с платком в руках и спрашивает: «Ti skamandilin do o nusën? – Ты хочешь невесту или платок?». А жених отвечает: «U dua nusën. – Я хочу невесту.» Дверь открывается в сопровождении выстрела из винтовки, первыми входят жених и два свидетеля» (ПМА 7: Мартино Э., арбрешка, 1963 г.р., родилась и проживает в Лунгро).

Вариантов прибытия свадебных процессий в церковь может быть несколько. В первом случае невеста вместе со своими родственниками и приглашенными ждет жениха и его друзей у своего дома, после чего обе процессии объединяются и движутся к церкви. Во втором случае каждая сторона

прибывает на церемонию венчания по отдельности. Часто в день свадьбы сначала проводят фотосессию невесты со свадебным букетом, который ей дарят родители, после чего она в сопровождении отца и подруг отправляется в церковь, где ее ждет жених и остальные гости (Приложение 7, фото 3.3.2.). Если свадьба проводится в традиционном стиле, то в качестве транспорта выбирают повозку, в которую запрягают одну или две лошади, при этом кучер также надевает традиционную албанскую одежду (ПМА 5).

На Сицилии, а именно в Пьяна-дельи-Альбанези, где к византийскому обряду принадлежит большинство жителей деревни, как правило, у будущих супругов не возникает разногласий в вопросе выбора церкви для проведения церемонии венчания. Не только в прошлом, но и сейчас греко-католические церкви продолжают представлять большую ценность для их прихожан и считаются более престижными (ПМА 4). Однако в случае смешанных браков выбор полностью зависит от личных предпочтений пары. Например, в Палаццо-Адриано заключение смешанных браков происходило по следующим правилам: если и жених, и невеста придерживались византийского обряда, венчание совершалось в греческой церкви, если оба будущих супруга были латино-католиками, церемония бракосочетания проходила в церкви римского обряда. Если же они принадлежали к разным обрядам, то венчались в церкви жениха за исключением тех случаев, когда невеста не была родом из Палаццо-Адриано, тогда же церемония совершалась в ее родном селе. Так же, если жених происходил из другой арбрешской общины, свадьба праздновалась в соответствии с обрядом, к которому принадлежала невеста. Независимо от ритуального происхождения супругов их дети до сих пор крестятся по обряду отца. В настоящее время в силу утраты жителями Палаццо-Адриано местного диалекта албанского языка, а вместе с ним и традиционной одежды, религиозный

обряд является единственным элементом арбрешской культуры, маркирующим этническую принадлежность её носителей (Parrino 2006: 7).

Несмотря на устоявшуюся в Пьяна-дельи-Альбанези традицию венчаться по обряду будущего супруга, в настоящее время эти правила не всегда соблюдаются. Если жених является латино-католиком, но для невесты важны ее исторические корни, и она глубоко чтит культурные традиции своей общины, она может настоять на проведении свадебной церемонии по византийскому обряду. Иногда оба супруга отдают предпочтение церкви Св. Вита в силу ее близкого расположения и современности богослужений. Тем не менее для венчания женщины выбирают именно традиционную одежду, являющуюся для них предметом гордости (ПМА 5).

3.4. Современное чинопоследование обручения и венчания в Итало-албанской церкви

Особую роль в сохранении не только семейных, но в первую очередь культурных ценностей, составляющих этническую специфику арбрешей и формирующих их идентичность, играет обряд венчания. Итало-албанская церковь, а также различные культурные ассоциации заинтересованы в распространении информации, касающейся византийского обряда, поэтому в последнее время особенно актуальными стали небольшие документальные фильмы, посвященные церемонии венчания в разных арбрешских поселениях, в которых можно не только увидеть основные обрядовые действия, но и услышать подробные комментарии местных священников. Арбрешская свадьба представляет интерес не только для самой диаспоры, но и итальянцев, которые снимают об этом передачи и новостные хроники (ПМА 6).

Чинопоследование проводится в соответствии с византийской традицией и сохраняет относительную устойчивость структуры. В основе богослужения

лежит дохристианская схема «помолвка – свадьба», которую заимствовала Византия, а затем полностью христианизировала содержание обеих частей. Первая часть, называемая обручением (ит. fidanzamento / celebrazione degli sponsali), завершается обменом кольцами и соединением рук брачующихся. Обручение является самостоятельным чином и может быть отделено от второй части – венчания (ит. incoronazione / matrimonio). Прежде обручение являлось гражданским актом и совершалось вне церкви (Parrino 2006: 9). Приведем слова священника византийского обряда Контесса-Энтеллины, Никола Куччия:

«В древние времена обручение и венчание происходили в разное время и в разных местах. Помолвка обыкновенно проводилась в доме одного из супругов. Считалось, что обмен кольцами – это обязательство, которое взаимно берут на себя жених и невеста, поэтому первый обряд бракосочетания необходимо было продолжить церемонией венчания, поскольку она является ключевым моментом, когда супруги говорят окончательное «да»» (ПМА 5: Куччия Н., арбреш, 1958 г.р., родился и проживает в Контесса-Энтеллине (Сицилия)).

В евхологиях разного времени описывается совершение обручения в притворе или у его порога, а венчания – в самом храме в знак того, что брачующиеся пока не стали мужем и женой. «Этим указывается на то, что место для обручения собственно не храм, а дом, и оно есть дело семейное или частное... Но так как христиане имели благочестивый обычай всякое важное дело своей жизни начинать с благословения Божия, то и здесь Церковь преподает им благословение на обручение как одно из важнейших жизненных дел, но благословляет его не в самом храме (входя в который, предлагается «отложить всякое житейское попечение»), а только в преддверии храма» (Шиманский 2004: 58). Однако с течением времени оба чина перестали разделять не только по времени, но и пространственно, поэтому сегодня они совершаются одновременно.

По традиции обручение начинается у входа в церковь, где новобрачных приветствует священник и сопровождает к иконостасу, далее он выносит из алтаря святой крест и Евангелие и совершает крестное знамение над головами жениха и невесты, которые по очереди целуют Евангелие. Это символизирует покорное принятие учений Христа и желание следовать христианским заповедям. Жених останавливается на несколько минут перед иконой Христа, а невеста перед иконой Богородицы, чтобы задуматься над решением, которое они собираются принять, утвердиться в своих намерениях и обратиться в личной молитве к Богу. Затем пара возвращается к священнику, невеста становится справа от него, жених – слева. Священник вручает брачующимся и свидетелям венчальные свечи, которые они затем зажигают. Свечи символизируют Божественную благодать, пребывающую в браке, и любовь, которой должны гореть сердца супругов. Произносится Мирная ектения (ПМА 4).

Далее следуют две молитвы на обручение, в которых священник просит у Господа благословение на обручение, мир и любовь в сердцах брачующихся. При этом вспоминается брак Исаака и Ревекки, как образец чистоты и непорочности. В это время выносят кольца, которые перед обручением кладут в алтаре на правую сторону святого престола. В ранних евхологиях сообщается, что материалом обручальных колец служило: золото для кольца невесты, серебро или железо для кольца жениха, что выражало различные роли супругов в браке (Хулап 2019: 15). Священник сперва должен был дать мужу золотое кольцо, а жене – железное или серебряное, после чего он соединял руки молодых, брачующиеся обменивались кольцами, и в результате обмена у жениха оказывалось серебряное (или железное) кольцо, а у невесты золотое. В настоящее время арбрешы не всегда следуют этой традиции и в большинстве случаев покупают два золотых кольца (ПМА 4).

Взяв обручальное кольцо, священник сперва дает его поцеловать невесте, потом жениху, совершает крестное знамение над его головой, затем надевает кольцо на указательный палец левой руки брачующегося. То же самое происходит с кольцом невесты. Затем священник, скрестив руки, трижды меняет кольца местами, данное действие повторяет свидетель (ПМА 4). В Контесса-Энтеллине и Палаццо-Адриано существует и другой способ надевания колец: пальцы левой руки жениха переплетаются с пальцами правой руки невесты так, чтобы большие пальцы оказались свободны, затем священник, держа кольца в руках, трижды меняет их местами, после чего их одновременно надевают на большие пальцы молодых: жениху на левый, а невесте на правый (Parrino 2006: 10). В ранних евхологиях упоминается о том, что обмен кольцами совершают сами молодые. Священник не участвует в этом процессе, а лишь передает им кольца с престола. С течением времени данная традиция развилась и стала предполагать участие в этом сначала свидетелей, а затем и священника (Хулап 2019: 15).

Троекратная перемена перстней представителем Церкви указывает на взаимное согласие, которое должно быть всегда между супругами, а совершение ее свидетелем, выступающим в качестве представителя общины, подтверждает взаимное согласие родственников брачующихся (Шиманский 2004: 111). Обмен кольцами также является символом верности, неразрывного вечного союза между супругами, взаимной любви и уважения, а число три, неизменно присутствующее в каждой церемонии обручения и повторяющееся много раз, символизирует Пресвятую Троицу (Parrino 2006: 9). Возложив кольца, священник читает молитву, в которой просит Господа благословить и утвердить брак подобно тому, как Он утвердил обручение Исаака и Ревекки. В молитве выражена мысль о том, что устроителем брака является сам Бог, а брачный союз – Его даром. Приведем слова Никола Куччия:

«В основе византийского обряда лежит идея о духовности принятия дара. Господь является источником всего добра. Поэтому жениха приглашают принять невесту как дар от Бога и наоборот. Трехкратный обмен предметами обозначает уверенность в совершаемых действиях и укрепляет божественность дара» (ПМА 5: Куччия Н., арбреш, 1958 г.р., родился и проживает в Контецца-Энтеллине (Сицилия)).

Будучи переосмысленным в христианской перспективе, кольцо стало символическим центром чина обручения. Акт обмена кольцами преобразуется византийской литургией в звено единой цепи любви и верности, соединяющей новую пару и формирующей ее вовлеченность в модели отношений «Христос – Церковь» и «муж – жена». Эти отношения непреложны и заключаются в верности Господу с одной стороны, и в верности Господа своим обещаниям людям – с другой (Tramuto, Ciofalo 1971). В заключающей молитве священник испрашивает благословение Бога на обручающихся, далее произносится малая ектения. Этим оканчивается обручение, и начинается вторая часть – венчание (Алфеев 2016).

Предисловием к данному обряду является псалом, в котором брачующимся напоминает о том, в чем заключается таинство брака и как жить в супружестве честно, это своеобразное слово поучения. Далее произносится мирная ектения, в которой прилагаются прошения о сочетающихся браком. После чего священник читает три молитвы о венчающихся, «в которых молит Господа благословить настоящий брак подобно тому, как Он благословил браки ветхозаветных праведников» (Шиманский 2004: 117). Затем священник простирает над головами будущих супругов особый покров – мафорий, который символизирует Божественное покровительство и семейный кров, под которым молодые будут жить в мире и гармонии друг с другом, отказавшись от своего эгоизма (Parrino 2006: 11). В Пьяна-дельи-Альбанези и Контецца-Энтеллине в качестве мафория

используется прозрачная ткань алого цвета, однако покров приобрел этот оттенок всего несколько лет назад. Согласно сведениям, полученным от информантов, один из священнослужителей из Пьяна-дельи-Альбанези проводил исследование в церковных архивах и обнаружил запись о браке, датированную 1700-м годом. В ней сообщалось, что цвет мафория должен быть красным, поскольку в иконописи этот цвет символизирует Святой Дух (ПМА 5).

Ритуал покрыва в византийском обряде Сицилии используется только арбрешской диаспорой, в то время как на всем христианском Востоке он полностью исчез (Guagliardi 2004: 46). Далее священник возлагает на головы жениха и невесты венцы (Приложение 7, фото 3.4.3.-3.4.4.). В Контесса-Энтеллине и Палаццо-Адриано они обыкновенно сплетены из листьев лаврового и апельсинового деревьев и украшенные белыми атласными лентами. Лавровый лист является символом славы, в то время как цветы апельсина означают начало, которое принесет большие плоды (Parrino 2006: 12). В Пьяна-дельи-Альбанези, а также некоторых поселениях Калабрии могут быть использованы венчальные короны, изготовленные из посеребренной меди или олова. Сначала священник, скрестив руки, трижды меняет местами венцы брачующихся, затем то же самое повторяют свидетели. Смысл заключается в том, что власть обоих супругов является равнозначной и никто не преобладает в браке. В некоторых случаях венцы не надеваются на головы брачующихся, а даются в руки свидетелям, которые держат их над головами жениха и невесты во время всей церемонии (ПМА 4).

Существуют различные толкования в отношении символического значения венцов и мафория, но все они сводятся к мнению, что венцы являются символом венцов царских, а их возложение на брачующихся знаменует награду сохраненной ими чистоты и целомудрия до брака, а также означает брачное соединение и власть над будущим потомством (Шиманский 2004: 117). При этом

покров символизирует единое государство – их семью, внутри которого у пары есть право принятия решений, свобода выбора и действий, но вместе с тем супруги включены в сообщество, в котором живут (Parrino 2006: 13). Каждый из них является предметом гордости для другого. Поэтому в знак признания совершенства друг в друге над их головами трижды происходит обмен венцами (Tramuto, Ciofalo 1971). Возложение венцов и сопутствующие ей молитвы составляют главный момент совершения Таинства Брака.

Перед чтением Священного Писания поется прокимен, затем традиционно читается послание Апостола Павла к ефесянам (Еф. 5: 20-33), в котором говорится о существе брака как о зримом образе союза Христа и Церкви; об обязанностях мужа и жены, о чувствах, которые должны сопутствовать их браку, о равенстве супругов. Союз мужчины и женщины понимается как взаимная любовь, сосуществование и продолжение рода. Эта связь, желаемая Богом и благословляемая Им, рассматривается как союз Христа и Церкви. Жена подчиняется мужу, как Господу; фактически муж – глава своей жены, точно так же, как Христос является главой церкви. Как Церковь подчиняется Христу, так и жены подчиняются своим мужьям во всем (Sirchia 2002: 134-135). Другой отрывок из Евангелия от Иоанна (Ин. 2: 1-11) повествует о посещении Христом свадьбы в Кане Галилейской и о претворении там воды в вино, показывает присутствие в браке благословения и Божией благодати. После прочтения Евангелия произносятся ектения, а затем молитва о брачующихся, являющаяся одной из древнейших в чине венчания. В ней испрашивается у Господа мир и единодушие, достижение старости и соблюдение заповедей (Шиманский 2004: 118).

Затем священник приносит «общую чашу» с вином в память о том, как Господь благословил вино на свадьбе в Кане Галилейской, и дает жениху и невесте по очереди трижды из нее испить, после чего каждый откусывает от

одного куска хлеба (Там же). В некоторых общинах, например, в Сан-Паоло-Альбанезе, Сан-Константино-Альбанезе, Спеццано-Альбанезе, сохранился обычай использования в ритуале *куляча* (арбр. *kulaçi*) – хлеба из дрожжевого теста⁴⁸. Свадебный *куляч* чаще всего выпекается в виде плоского пирога круглой или четырехугольной формы. Согласно традиции, он должен быть приготовлен матерью или родственницами жениха в четверг вечером накануне свадьбы. Тесто замешивают из простых ингредиентов: пшеничной муки, манной крупы, масла, натуральных дрожжей, по желанию добавляют фенхель. Из готовой массы формируют четыре длинные полосы и придают им форму рук, после чего переплетают их друг с другом, оставляя пустое место в центре. Так получается основа кулича в виде своеобразного венка, который затем украшают фигурами из теста. В центр помещают гнездо, символизирующее новую семью и ее дом, в гнезде находятся яйца, их число должно быть нечетным, так как это знак удачи и плодородия (Shundi 2016: 245). Рядом с гнездом сажают двух птиц, олицетворяющих жениха и невесту, а также двух змей, которые символизируют мужское и женское начало. Еще одним украшением может быть слепленная из теста виноградная гроздь (Приложение 7, фото 3.4.5.). Сложное декоративное оформление свадебного *куляча* стало причиной того, что на длительный период арбреши отказались от его использования в брачных церемониях. Лишь в последнее время, благодаря возросшему интересу арбрешей к собственной культуре, в отдельных коммунах начинает возрождаться традиция его выпекания (ПМА 5). Например, в Сан-Константино-Альбанезе старинный рецепт *куляччо молодых* (ит. *il sugliaccio degli sposi*) дошел до наших дней благодаря арбрешке Нунции Лярокка, которая восстановила технологию его приготовления по

---

⁴⁸ *Куляч* исторически считается десертным блюдом сельской местности, при этом он не обязательно должен быть сладким. Довольно плотная и пористая текстура теста позволяет употреблять *куляч* вместо обычного хлеба. Традиция его приготовления восходит к XVI в. и неразрывно связана со свадьбой и пасхальными праздниками, поэтому этот вид хлеба наделен особым религиозным символизмом (Shundi 2016: 245).

воспоминаниям местных женщин и открыла собственное производство (Pucigliaccio degli sposi, 2016. URL: <https://foodfilebasilicata.blogspot.com/2016/09/il-matrimonio-arberesh-e-il-cugliaccio.html>).

По традиции выпекают два *куляча*: один простой, а второй с фигурками животных. Во время церемонии венчания их кладут один под другой (Furferi 2011: 45). В Сан-Константино-Альбанезе отрезают три куска свадебного хлеба и помещают в бокал с вином, после чего от них по очереди откусывают брачующиеся, а в поселении Вилла-Бадесса, расположенном в области Абруццо, хлеб нарезают в форме креста (Giuseppe 2011: 49). Остаток *куляча* передают священнику церкви (ПМА 3).

Куляч является не просто кулинарным рецептом, а репрезентацией арбрешской идентичности. Обряд деления хлеба между брачующимися символизирует единение и изменение в жизни обоих супругов, метафорически представленных в *куляче* в виде птиц. Круглая форма хлеба отражает концепцию закрытого пространства арбрешского поселения, а также особый тип консолидированного социального сотрудничества – *гитонию* (арбр. *gjitonjia*), т. е. «соседство». В прошлом брак, заключенный по греко-византийскому обряду, санкционировал этноконфессиональную замкнутость по отношению к латино-католикам, утверждал независимость и обособленность арбрешей (Shundi 2016: 246).

Хлеб и чаша подаются брачующимся в знак того, что отныне они должны жить в неразрывном союзе, делить между собой радости и невзгоды, быть едиными во всем и равными перед Богом (Tramuto, Ciofalo 1971). Считается, что невесте необходимо допить содержимое бокала до дна, однако в современной практике остатки вина выливают (ПМА 4). Затем священник выносит бокал в притвор и там его разбивает, чтобы никто больше не мог его использовать и

таким образом вмешаться в этот священный союз. По словам отца Николы Куччия, нерасторжимость брака может засвидетельствовать лишь священник, разбив тот предмет, который служил символом объединения супружеской пары (ПМА 5). Если стекло не разбивается с первого раза, то, согласно народным поверьям, это является дурным предзнаменованием для брачующихся, если же стекло разбивается мгновенно, это свидетельствует о прочном союзе мужчины и женщины (Parrino 2006: 13).

Далее священник соединяет руки новобрачных и в сопровождении свидетелей трижды (во славу Святой Троицы) обводит их вокруг аналоя, на котором лежат крест и Евангелие. Каждый участник процессии держит в руке по горящей свече – символ любви, которая всегда должна гореть в сердцах супругов (Parrino 2006: 14). Отец Никола Куччия комментирует этот обряд следующим образом:

«В византийской церкви центральный купол символизирует рай, а пространство под ним – земной мир. Именно в этом месте совершаются все ритуальные действия: крещение, таинство брака, похороны, причащение, поскольку здесь происходит интимное общение между человеком и Богом. Обходя трижды вокруг аналоя с горящими свечами в руках, супруги тем самым освещают мир и будущую совместную жизнь в нем» (ПМА 5: Куччия Н., арбреш, 1958 г.р., родился и проживает в Контецца-Энтеллине (Сицилия)).

Во время обхождения хор поет венчальные тропари («Исайя, ликуй»). Данный ритуал означает «духовную радость и торжество брачующихся (и Церкви) о свершающемся таинстве» (Шиманский 2004: 120). После троекратного обхождения священник снимает венцы и поздравляет новобрачных. Произносится молитва на разрешение венцов и отпуст – благословение молящихся на выход из храма, которым завершается

богослужение (Guagliardi 2004). Венцы, использовавшиеся во время венчания, передают члену семьи, который отвозит их в дом молодых, чтобы разместить в особом месте, где они будут находиться, являясь знаком их любви и верности. По окончании литургии молодые появляются на пороге церкви, гости встречают их аплодисментами и щедро осыпают рисом, который символизирует удачу и богатство (ПМА 4).

Раньше основное празднество переносилось в дом жениха и невесты, где их ждала свекровь. В Пьяна-дельи-Альбанези существовал обычай, согласно которому мать жениха, стоя на пороге дома, предлагала невесте ложку меда, сахар или конфеты, что являлось пожеланием благополучия и счастья (ПМА 3). В Вилла-Бадесса (Абруццо) свекровь вручала невестке ключи от дома (Di Marco 2009: 5). В Калабрии свадебная процессия направлялась сначала к родителям девушки, так как отец должен был официально «передать» жениху свою дочь вместе с особой палкой – символом супружеской власти. После чего новобрачные и гости могли проследовать внутрь. Традиционный свадебный обед готовили сами или заказывали у профессионального повара. После трапезы комнату освобождали от столов, чтобы продолжить празднование песнями и танцами в сопровождении музыкальных инструментов (ПМА 5).

В настоящее время после церемонии венчания молодые отправляются на фотосессию, а гости – сразу на банкет. Свадьбу редко справляют дома, как правило, заказывают ресторан за пределами поселения. В последнее время всё большую популярность приобретают *массерии* (ит. *masseria*) – средневековые виллы с собственными угодьями, которые были переделаны в рестораны и отели. В такой массерии удобно проводить церемонии официальной регистрации брака, а также праздничные банкеты (ПМА 5). Например, жители Пьяна-дельи-Альбанези часто справляют свадьбы в массерии Rossella, это фазенда XIX века, расположенная в 14 км от озера Пьяна-дельи-Альбанези. На территории есть не

только гостевые комнаты, обставленные в традиционном стиле, но также ресторан и бассейн (Masseria Rossella, 2023. URL: <https://www.masseria-rossella.com/en/>).

3.5. Свадебное застолье и традиционная кухня арбрешей

Традиционная кухня арбрешей смогла противостоять итальянскому влиянию и дойти, хотя и в несколько модифицированном виде, до наших дней. Ее история тесно связана с историей переселения албанцев и с климатическими условиями регионов, в которых они обосновались. Относительно обширная территория Южной Италии с морскими и горными ландшафтами обусловила системы земледелия и животноводства, а также виды и способы приготовления пищи. Виноградарство и виноделие – два древнейших промысла, которые привезли с собой беженцы из албанских земель в середине XV в. Хлеб также является основным традиционным продуктом питания, особенно для народов Средиземноморья, и имеет большое значение как в религиозных обрядах, так и в светской культуре. Поэтому жизненно важный дуэт хлеба и вина составил основу пищевой культуры арбрешей (Scaldaferri 1997: 18-20). Мигранты получили разрешение разбить виноградники и засеять поля пшеницей, при этом десятую часть урожая следовало отдавать церкви. Так, согласно Государственному архиву Неаполя, первые албанские виноградники были заложены в Калабрии уже в 1472 г., а на Сицилии в 1520 г. К началу XX в. почти каждая семья имела собственный виноградник (Shkurti 2002: 35).

Со временем арбрешская кухня не только приобрела типично итальянские черты, но и сама повлияла на культуру питания соседей. Например, в Калабрии, где находятся 30 арбрешских поселений, об этом свидетельствует широкое употребление манной крупы, разнообразие мучных блюд, использование муки из твердых сортов пшеницы для приготовления макаронных изделий, а также консервирование овощей, фруктов, оливок, сыров, мяса путем их сушки и/или

засолки в емкости с маслом или уксусом (Furferi 2011: 87). Некоторые блюда, которые в действительности имеют калабрийское или сицилийское происхождение, были модифицированы путем смешения рецептов албанского происхождения с рецептами итальянских территорий, где теперь проживают арбреши (ПМА 3).

Арбрешская кухня тесно связана с сезонными праздниками и характеризуется простотой и относительно небольшим количеством ингредиентов. В ее основе лежит сельская культура, предполагающая домашнее производство необходимых продуктов и экологичность. Отличительной особенностью является большое разнообразие традиционных блюд в пределах одного поселения⁴⁹. В контексте праздников и обрядов календарного цикла арбрешей приготовление и употребление пищи происходит по определенным правилам и включает действия, которые часто приобретают ритуальное значение. Отдельные ингредиенты некоторых категорий блюд также могут иметь символический смысл, неразрывно связанный с теми или иными обстоятельствами жизни человека или определенными праздниками. Например, пасхальные блюда готовят по средам и пятницам Страстной недели. Используемые продукты символизируют циклическое обновление жизни, поэтому в пищу их начинают употреблять с полудня субботы и в пасхальное воскресенье (Scaldaferrì 1997: 23).

За пять веков своего существования арбрешская гастрономическая культура стала в значительной степени интегрированной с итальянской, особенно это заметно в области Калабрия, где албанские блюда, за исключением своего названия, идентичны калабрийским. Тем не менее, в современных реалиях

---

⁴⁹ Так, студентам факультета лингвистики и литературы Университета Калабрии удалось зафиксировать 34 оригинальных рецепта в городе Фирмо, 36 в Чивита и более 25 в Маскито (Scaldaferrì 1997: 21).

традиционная кухня арбрешей приобретает все более широкие масштабы. Приготовление пищи уже не ограничивается семейным кругом или одним сообществом, а выходит на межрегиональный и международный уровни в результате развития ресторанного бизнеса. Не только в арбрешских, но и некоторых итальянских заведениях работают шеф-повара албанского происхождения. Благодаря их выступлениям на каналах национального телевидения, а также участию в кулинарных шоу и конкурсах, происходит приобщение все более широкой аудитории к арбрешской традиционной кухне (ПМА 6).

Многие блюда арбрешской кухни, которые подают на свадьбе, являются универсальными и могут быть приготовлены в честь любого другого праздника. Это закуски из морепродуктов, сыры и различные виды пасты. Например, в Калабрии подают *дромсат* (арбр. *dromësat*), или «пасту бедняков». Это разновидность макаронных изделий, которая готовится по особой технологии: сначала муку перетирают с водой таким образом, чтобы образовались небольшие комочки теста, затем их помещают в сито, чтобы стряхнуть лишнюю муку. Готовые *дромсат* отваривают в мясном соусе. *Паста зита* (арбр. *pasta zita*) – это еще одна разновидность макаронных изделий, которые готовят в Катандзаро специально по случаю свадьбы. Название блюда буквально переводится как «паста невесты». Подается вместе с жареной бараниной и острым томатным соусом (Shundi 2016: 89-90). Другой вид традиционной арбрешской пасты – это *тумаца* (арбр. *tumasa*), напоминающая по форме итальянские *тальятелле*. Обычно заправляется панировочными сухарями и острым томатным соусом. В Караффа-ди-Катандзаро готовится с мясным фаршем и шариками из картофельного пюре. Исторически *тумаца* связана с такими праздниками как Рождество, Пасха и свадьба. Несмотря на своё албанское происхождение, это блюдо со временем стало частью итальянской кухни (Frego 2002: 72).

Основные блюда обязательно включают в себя мясо ягненка или козленка, которое запекают с картофелем или, нарезав тонкими ломтиками, отваривают, а затем слегка обжаривают и подают с салатом из свежих овощей в качестве гарнира. На столе присутствуют фрукты, например, инжир, цитрусовые, виноград, а также домашнее вино, заготовленное специально по случаю свадьбы (ПМА 4).

Десерты образуют самую многочисленную группу праздничных блюд, при этом имеют незначительные отличия в способах приготовления. Арбрешши отдают предпочтение мучным изделиям, обжаренным в масле, а не запеченным в духовке, поскольку, по их мнению, пища, приготовленная таким образом, обладает более выраженным вкусом (ПМА 6). Ингредиентом многих арбрешских десертных блюд является *мэрикота* (арбр. *merikota*), аналог итальянского *mosto cotto* (ит. *mosto cotto*). Это виноградный сок, уваренный в три раза до состояния густого сиропа. Его используют вместо сахара в качестве основного подсластителя кремов, соусов и даже мяса, которым начиняют колбасы, им пропитывают мучные изделия. Также мэрикоту разбавляют водой и подают на стол порционно. Во многих арбрешских поселениях вино, подслащенное медом или *мэрикотой*, используют как народное средство для лечения различных болезней. *Мэрикота* готовится следующим образом: виноградное сусло кипятят 3-4 часа на слабом огне, чтобы оно загустело и стало более концентрированным и сладким для длительного хранения. Иногда добавляют несколько палочек корицы, сушеную гвоздику, лавровый лист, сушеную кору и различные фрукты, например, груши или апельсины. Готовый сироп процеживают и оставляют остывать, после чего переливают в емкость из темного стекла. Полученный продукт может храниться до двух лет (Shundi 2016: 137).

Типичный арбрешский десерт, который готовят в Калабрии по случаю свадьбы, Нового года и Рождества – это *накатоле* / *накатэле* / *накатула* (арбр. *nakatole* / *nakatele* / *nakatulla*). Для его приготовления замешивают относительно густое тесто из муки, воды (иногда с добавлением вина, апельсинового сока или молока), яиц и оливкового масла, оставляют его для подъема примерно на 30 минут, затем придают ему круглую форму или заплетают в виде косы и обжаривают с двух сторон в большом количестве хорошо разогретого оливкового масла. К этому десерту обычно подают бокал вина, чтобы в нем можно было немного размягчить довольно плотное тесто (Frego 2002: 85).

Другой разновидностью того же блюда являются *канарикула* (арбр. *kanarikulla*). Они готовятся следующим образом: тесто скатывают в длинные полоски, которые затем нарезают на небольшие кусочки. Далее из них формируют шарики и обжаривают, после чего кладут на бумажные полотенца, чтобы удалить излишки масла. Готовые *канарикула* пропитывают медом или *мэрикотой*, украшают кондитерской посыпкой или сахарной пудрой. В области Молизе зафиксировано похожее блюдо под названием *канаюлат* (арбр. *kanajullat*), однако в тесто здесь добавляют корицу, тертую цедру лимона или мандарина и придают ему форму небольших корзиночек (Shundi 2016: 186).

Типичное блюдо не только арбрешей, но и албанцев, которое готовят повсеместно по случаю семейных торжеств и, в частности, свадьбы, это *пэтула* (арбр. *petulla*) – пышки из дрожжевого теста круглой или продолговатой формы, обжаренные в оливковом масле. Подаются с сахаром, медом или вареньем. В общинах Караффа-ди-Катандзаро и Вена-ди-Майда в *пэтула* добавляют картофельное пюре (Frego 2002: 98). Известны и другие названия этого блюда: *бэтула* (арбр. *betulla*), *криспэле* (арбр. *krispele*), *викярэле* (арбр. *viqarele*).

Помимо изделий из теста, обжаренных в масле, по случаю свадьбы или Рождества принято выпекать различные виды печенья. Например, в Лунгро готовят *букунотет* (арбр. *bukunotet*). Сначала замешивают рассыпчатое тесто из пшеничной муки, яиц, воды и *мэрикомы*, затем из него скатывают небольшие рулетики с начинкой из варенья или несоленого творога и запекают в духовке. Готовые *букунотет* посыпают сахарной пудрой. Также в Калабрии и Базиликате популярен пирог *пэзуютэ* (арбр. *pezujate*), который готовят следующим образом: на тесто из пшеничной муки, молотых грецких орехов или миндаля, меда, выкладывают тонкие ломтики яблока, а затем отправляют в духовку (Frego 2002: 105). В арбрешских общинах Калабрии распространен другой необычный десерт в виде лица невесты – *нуцья* / *нусэси* (арбр. *nucia* / *nusesi*). Для его приготовления замешивают рассыпчатое тесто, толстые полосы которого сворачивают в форме круга и начиняют смесью из перетертых орехов и фиников, в центр помещают вареное яйцо, которое символизирует лицо невесты, и запекают. К свадьбе делают две *нуцьи*, одну для жениха, другую для невесты. Сверху их украшают белковым кремом или сахарной пудрой, т. е. чем-то белым, чтобы десерт еще больше напоминал свадебный наряд (Shundi 2016: 247).

Неизменным атрибутом любого семейного торжества, народных и религиозных праздников, ярмарок и других мероприятий является типичный сицилийский десерт *мустаццолли* (сиц. *mustazzoli*), сходный по названию с *мустачудос* (*mustachudos*), распространенным среди сефардов Родоса (Фаис-Леутская 2020: 33). Перекочевав за пределы Сицилии, это блюдо появилось также в Калабрии и известно под названием *мустаколэ* (калабр. *mustacòlé*) или *мостаччоло* (калабр. *mostacciolo*). В классическом итальянском варианте это медовое печенье, которое может иметь различную форму и декор в зависимости от провинции или события, по случаю которого оно готовится (Shundi 2016: 305).

Арбреши Сан-Джорджо-Альбанезе и других общин Калабрии также переняли этот рецепт, поэтому многие невесты накануне свадьбы сами выпекают и украшают *арбрешский мустацуал* (арбр. *mustacuall arbëresh*), а затем передают его жениху в качестве небольшого подарка. Кроме того, этим печеньем угощают друзей жениха перед тем, как они в составе свадебной процессии отправятся за невестой, или раздают гостям в конце праздничного ужина. *Мустацуал* готовится следующим образом: хорошо просеянную пшеничную муку смешивают с медом или *мэрикотой*, которые не только подслащивают, но и смягчают тесто, затем добавляют оливковое масло, яйца, по желанию молотый миндаль и изюм. Замешивают достаточно плотное бездрожжевое тесто и оставляют на ночь. На следующий день его раскатывают до толщины в 1 сантиметр, нарезают на части, из которых лепят домашних животных, цветы, звезды и другие фигуры, а затем выпекают в духовке. После того, как тесто остыло, его украшают глазурью, кондитерской посыпкой, орехами или сухофруктами (Shundi 2016: 306).

Современный арбрешский вариант *мостаччоло* или *мустацуал невесты* (арбр. *mustacuall i nuses*) представляет собой богато украшенный торт четырехугольной формы. Это настоящая скульптура из теста, пропитанного медом и вином, которая лепится вручную и демонстрирует умение, воображение и оригинальность кондитера. Например, *мостаччоло*, который готовят в Спеццано-Альбанезе (Калабрия), является достоянием всей коммуны благодаря своим внушительным размерам и детально проработанным украшениям из теста и крема (Il mostacciolo di Spezzano Albanese, 2022. URL: <https://www.ocnal.com/2022/06/mostacciolo-typical-arberesh-wedding.html>).

В настоящее время можно заказать любую форму, дизайн и начинку в зависимости от предпочтений. Помимо крема и сахарной пудры торт украшают фигурками из теста (Приложение 7, фото 3.5.6.). В свадебном варианте голуби,

сердца, рога изобилия символизируют гармонию, любовь и процветание. По случаю других праздников лепят различных животных, например, коз, домашних птиц, лошадей, рыб, которые олицетворяют деревенскую жизнь и крепкую связь человека с природой (ПМА 6).

В Спеццано-Альбанезе до сих пор существует древняя традиция преломления *мостаччолы*, которая определяет, кто из супругов будет иметь превосходство в управлении новой семьей. Обряд, как правило, проводится в конце праздника. Все гости делятся на две команды, одну из них возглавляет жених, а противоположную – невеста. Суть соревнования заключается в том, чтобы по команде потянуть *мостаччолу* в свою сторону и отломить от нее как можно большую часть. Жених может задействовать только одну руку, а невеста обе, поэтому обыкновенно игра заканчивается победой девушки, что символизирует ее главенство в семейном доме. Популярность этого традиционного арбрешского десерта поддерживается благодаря многочисленным рекламным кампаниям, которые проводятся местной администрацией (ПМА 3).

Сегодня в конце свадебного застолья принято выносить свадебный торт, который молодые должны вместе разрезать, однако данный обычай является относительно новым. Согласно итальянской традиции, уходящим гостям вручают небольшие памятные подарки в виде мешочка с орешками в глазури (ит. *confetti con mandorla*). Что касается подарков молодым, то это могут быть деньги, отправленные на банковский счет пары, либо предметы из заранее составленного «свадебного списка» (ПМА 5).

В прошлом по окончании праздника новобрачные отправлялись в свой дом в сопровождении друзей и родственников, которые продолжали петь и шутить. Молодых доводили до дверей их дома, прощались с ними и уходили. На

следующее утро к новобрачным приходила с визитом одна из матерей, чтобы установить «честность» невесты. По одной из традиций послесвадебного цикла, невеста не должна была выходить из дома в течение недели, существовало выражение «освобождена через восемь дней», все это время в доме молодоженов устраивались встречи с обедами и танцами. Однако так происходило далеко не всегда. В некоторых поселениях в течение первых восьми дней после свадьбы супруги могли навещать друзей и родственников, а также ходить на церковные службы (Manali 2011: 47). Как правило, медового месяца или свадебного путешествия у молодых не было, но организовывался «день выхода», когда они посещали святые места, либо присутствовали на празднике в честь какого-либо святого (Russo 1975: 93). В настоящее время пара чаще всего отправляется в свадебное путешествие, которое оплачивает семья жениха (ПМА 5).

Таким образом, несмотря на многочисленные инновации и заимствования, которые прослеживаются в тексте свадьбы, арбреши пытаются ревитализировать уходящие традиции, воплощая их в новой форме. Хотя в последнее время глобализация все больше влияет на привычный уклад жизни арбрешей, они по-прежнему сохраняют верность традициям, продолжая венчаться по византийскому обряду, носить традиционную одежду, готовить блюда национальной арбрешской и албанской кухни, использовать на свадьбах традиционную и современную албанскую музыку, тем самым маркируя свою социальную, религиозную и этническую идентичности.

Выводы по главе 3

Одним из наиболее эффективных механизмов сохранения этнической идентичности арбрешей является активное участие членов диаспоральной группы в этнически маркированных обрядах и ритуалах, которые отражают историческую память арбрешей. Из всех обрядов жизненного цикла арбрешская свадьба содержит наибольшее количество традиционных элементов и

этнических символов. Сюда входят ритуальные действия магического и игрового характера, элементы материальной и духовной культуры, словесный и музыкальный фольклор, поэтому во время свадебного обряда проявляется в том числе общеалбанская идентичность арбрешей.

Свадебный обряд дает возможность членам этой диаспоральной группы объединяться в религиозном плане, поддерживать и укреплять социальные связи, а также транслировать свою этническую и культурную принадлежность как внутри, так и во вне сообщества. Несмотря на многочисленные изменения в сценарии свадебной обрядности, связанные с влиянием как итальянской, так и европейской культуры в целом, её структура по-прежнему остается неизменной. Особое значение приобретают изготовление ритуальных предметов, совместные трапезы, обмен подарками, а также разнообразные действия, совершаемые над невестой и женихом, призванные защитить их от злой магии и сглаза, а также обеспечить долгую и счастливую жизнь и здоровое потомство.

Ключевым моментом свадьбы является обряд венчания, поскольку он подчеркивает значимость брачного союза в смысле социального перехода и смены статуса пары. Чинопоследование проводится в соответствии с византийской традицией и глубоко почитается большинством членов изучаемой диаспоральной группы. Обряд играет немаловажную роль в сохранении не только культурных, но и семейных традиций арбрешей. Ношение традиционного и праздничного комплексов одежды по случаю свадьбы позволяет членам сообщества визуализировать свою этническую идентичность.

Таким образом, свадьба является не только одним из ключевых семейных праздников для арбрешей, но и поводом вспомнить о многовековых традициях, которые чтут все представители диаспоры. Свадебная обрядность арбрешей Италии соединяет в себе ключевые элементы, формирующие их культурную и

этническую специфику, тем самым обеспечивая сохранность и передачу культурного кода представителей диаспоральной группы из поколения в поколение, несмотря на сильное влияние европейской культуры.

ГЛАВА 4. ТРАДИЦИОННАЯ ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

В традиционной культуре любого этноса одежда занимает особое место, так как в ней закодирована информация о восприятии окружающего мира. Конструирование традиционной одежды является сложным многоэтапным процессом. Особую роль в нем играют эстетическое восприятие, выраженное в формах и дизайне в целом, а также символическое значение, которым наделяются отдельные элементы. Одежда не только связывает её обладателя с другими культурами, но также участвует в процессе трансляции собственных традиций, стереотипов поведения и является важным фактором самоидентификации. В условиях социально-экономических и пространственно-временных трансформаций традиционный костюм перестаёт выполнять свою первостепенную функцию, его роль переосмысливается, он становится символическим капиталом для этноса, который переживает изменения во всех областях жизни⁵⁰.

Традиционную арбрешскую одежду можно считать одним из наиболее характерных маркеров итало-албанской идентичности наряду с религиозными ритуалами, прежде всего, церемонией венчания, проводимой в соответствии с греко-византийским обрядом, и местным диалектом албанского языка. Традиционные костюмы арбрешей являются живым свидетельством их историческое прошлого, напоминанием о традициях предков. Женские костюмы отражают не только обычаи и верования диаспоры, но и помогают сохранять и передавать культурное наследие из поколения в поколение. Несмотря на то что их ношение в основном носит ритуальный характер и ограничено во времени и пространстве, в современном контексте их использование приобретает новый

---

⁵⁰ Различным аспектам теории народного костюма посвящены работы Г.С. Масловой, И.В. Богословской, Н.М. Калашниковой, В.М. Липской и др. (Маслова 1984; Богословская 1993; Калашникова 2002; Липская 2016).

смысл. В эпоху визуализации арбрешские костюмы являются не только объектом культурного наследия, но и способом самовыражения и эстетического воздействия.

4.1. Костюмы Калабрии

Костюмы арбрешей Калабрии и Сицилии являются своеобразным «паспортом», в котором содержится информация об этнической принадлежности носителя, его семейном и социальном положении, материальных возможностях и представлениях о красоте. Несмотря на явное стилистическое сходство, в их одежде прослеживаются региональные различия, выражающиеся в форме, цветовой палитре, материалах и аксессуарах. Это свидетельствует о том, что на формирование данного объекта культуры повлияли различные исторические контакты, происходившие в едином географическом и социокультурном пространстве (Elmo 1995: 10).

Традиционная женская одежда Калабрии, южного региона Италии, является одним из наиболее характерных элементов местной культуры. Ее облик менялся на протяжении нескольких веков, формируясь под влиянием не только европейской, но и ориентальной моды. Сегодня еще можно найти уникальные подлинные наряды XVII–XIX вв., которые удалось сберечь и передать последующим поколениям как семейную реликвию. Несмотря на то что костюмы не предназначены для повседневного использования, с годами они становятся все большей редкостью, а их ценность растет. Женщины с гордостью продолжают носить современные аналоги во время крупных религиозных праздников, карнавалов и свадебных церемоний (ПМА 6).

Административный регион Калабрия разделен на пять провинций: Реджо-ди-Калабрия, Козенца, Катандзаро, Кротоне и Вибо-Валентия. Первые три являются историческими, а две последние образовались в 1996 г. в результате отделения от Катандзаро. Благодаря своему удачному расположению на самой

южной части Апеннинского полуострова Калабрия на протяжении истории представляла особый геополитический интерес для многих народов: греков, римлян, византийцев, норманнов, сарацинов, лангобардов, провансальцев, албанцев и др. В результате многочисленных нашествий, войн и оккупаций регион менялся не только с точки зрения своего этнического состава, но также культурного развития. Происходило смешение традиций, обычаев, верований, которые затем находили свое отражение в фольклоре и декоративно-прикладном искусстве (Caridi 2001: 10). В каждой провинции существует свой тип одежды, отличающийся по цветовой палитре, составным элементам, украшениям. Традиционные костюмы не только коренного населения, но и представителей различных языковых меньшинств, имеют определенные ареалы распространения внутри региона. Крупнейшая в Южной Италии диаспора арбрешей также сохраняет свою историческую одежду, привезенную с Балкан еще в XV в. и изменившуюся под влиянием калабрийской культуры (Silvestrini 1986: 6).

Сегодня калабрийское ремесленное производство по-прежнему остается важным сектором региональной экономики. Одним из наиболее значимых является текстильное искусство. Давняя традиция изготовления на ткацком станке изделий с характерным для данного региона орнаментом сохранилась до наших дней и известна не только в Италии, но и за рубежом. Так, например, в Лонгобукко на ручных ткацких станках производятся гобелены, одеяла, ковры из шерсти, шелка и хлопка, а в Сан-Джованни-ин-Фьоре – ткани с арабесковым узором. Древнее искусство вышивки бытуют в Маджизано и Маропати. Своими народными ремеслами известны и арбрешские поселения: Сан-Марко-Арджентано, Фирмо, Лунгро, Спедзано-Альбанезе, Сан-Бенедетто-Ульяно и Фагнано-Кастелло (Alberti 2007: 23).

Традиционная женская калабрийская одежда испытала на себе влияние как Византии, так и центров исламского мира. Венецианская республика на протяжении длительного времени имела тесные торговые связи с Византией, продолжившиеся после османского завоевания, но уже с турецким Константинополем. В Венецию поступали дорогие восточные ткани, меха и украшения, а также под влиянием ориентальной моды шло собственное производство, все это затем отправлялось в другие провинции Италии (Новик 2011: 142). Юг страны, в частности Калабрия, также был связан с Византией и Османской империей, что напрямую отразилось на манере одеваться. Так, в XVII в. в моду вошли широкие юбки с многочисленными складками, собранными на талии. В XVIII в. на юбке появляются полосы кружева, плетеного на коклюшках. О сильном влиянии испанской моды свидетельствует крой некоторых элементов женского костюма, таких как нижняя рубашка и жакет, надевавшийся сверху (La Barbera 2007: 115-117).

Калабрийский мужской костюм впервые был представлен на выставке народного искусства, проходившей в Козенце в 1937 г., и состоял из таких элементов, как короткая бархатная куртка, обтягивающие до колена, заправленные в гетры бархатные брюки, кожаные туфли со шнурками, завязанными под коленом, а также головной убор – шляпа с высокой конусообразной тульей, отделанная бархатом и украшенная разноцветными лентами, которую необходимо было фиксировать под подбородком при помощи шнурка (Приложение 7, фото 4.1.7.) (Elmo 1995: 10).

История этой шляпы восходит к XVIII в., когда в 1848 г. на всей территории Италии начались волнения, а затем прошло первое народное восстание против Бурбонов. Постепенно в регионах стали отказываться от господствовавшей долгое время французской моды. Революционеры региона Ломбардия, который формально находился под властью Австрии, отдавали предпочтение черным

бархатным костюмам или цветам итальянского триколора. Символом сопротивления также стала фетровая шляпа в форме цилиндра с приподнятыми полями и длинным пером, поскольку именно такой головной убор носили в Калабрии, где также прошли патриотические восстания. Кроме того, это был ключевой элемент костюма разбойника Эрнани, борющегося с несправедливостью и тиранией, – героя одноименной оперы, положенной на музыку Джузеппе Верди. Ее премьера состоялась в Венеции 9 марта 1844 г. Художник по костюмам создал для актера широкополую шляпу, украшенную большим пером, которая впоследствии стала отличительным политическим знаком (Silvestrini 1986: 8-9).

Головной убор, называемый «Шляпа-алла-Калабрезе» или «Шляпа-алла-Эрнани», стал настолько ярким символом революционной борьбы, что в первые месяцы 1848 г. его ношение было запрещено под страхом немедленного ареста, так как австрийская и бурбонская полиция Милана считала это подрывной деятельностью. Однако несмотря на все предупреждения и запреты горожане продолжали переделывать обычные шляпы, украшая их белыми, зелеными и красными лентами и придавая им форму запрещенных головных уборов. Калабрийская шляпа практически стала отличительным знаком добровольцев из других регионов, прибывших в Милан, чтобы поддержать местных жителей. Впоследствии этот головной убор был частью обмундирования борцов за объединение Италии и одним из характерных признаков национально-освободительного движения. Более того, фотографии конца XIX – начала XX вв. свидетельствуют о том, что его приняли и в арбрешских общинах, наряду с основными элементами калабрийского костюма (Frappi 2017: 25).

К началу XIX в. ассоциация с революционными событиями прошла, и «Шляпа-алла-Калабрезе» сохранилась лишь как типичный головной убор фермеров и пастухов, получив название *курвунни* (калабр. *curvuni*) (Satriani, Rossi

1973: 65). Со временем и остальные части мужской традиционной одежды утратили свою актуальность, уступив место новой моде, поэтому сегодня мы можем наблюдать лишь отдельные попытки ее реконструкции. Женский костюм, хотя и претерпевал значительные изменения на протяжении нескольких столетий, смог сохранить свои ключевые элементы и превратиться из простой одежды в символ региональной идентичности (Silvestrini 1986: 12).

4.2. Традиционная женская одежда арбрешей Катандзаро

В каждой провинции Калабрии существует свой тип женского костюма, отличающийся по количеству элементов, используемым материалам, цветовой палитре, а также головному убору. Исторически за женской одеждой Катандзаро закрепилось понятие *паккьяна* (калабр. *расчiana* 'крестьянка'). Изначально этот термин обозначал простую деревенскую одежду из практичных материалов, но позднее стал маркировать и саму женщину в скромном наряде, которая не могла позволить себе дорогостоящие материалы, как, например, жительница Неаполя. Таким образом проводилось противопоставление простого провинциального стиля изысканному городскому. Благодаря мастерству местных ремесленников и постепенному развитию текстильной промышленности *паккьяна* со временем приобрела новые богато украшенные элементы, так что ее стали носить как праздничный вариант. Впервые девушка надевала *паккьяну* в 15-16 лет, что символизировало достижение брачного возраста. Как правило, обряд перехода совершался по случаю важного религиозного праздника, например, на Рождество или Пасху, в присутствии всей семьи и родственников (Frappi 2017: 28). Сегодня термин *паккьяна* также применяется к единому типу костюмов, распространенных в Катандзаро. Однако в каждом поселении провинции они имеют свои особенности (ПМА 6).

Как правило, количество элементов, из которых состоит костюм, варьируется от 7 до 9, они могут называться по-разному, в зависимости от

диалекта (Albamonte 2017: 14). Основными являются: *суттана* (калабр. *suttana*) или *каммиза* (калабр. *sammisa*) – длинная льняная или хлопчатобумажная рубашка с рукавами, *панну* (калабр. *pannu*) – нижняя шерстяная юбка, цвет которой маркирует семейное положение женщины, *бустину* (калабр. *bustinu*) или *курсэ* (калабр. *curse*) – жесткий корсет, затягивающийся спереди, *маккатуру* (калабр. *maccaturu*) – цветной платок с бахромой, покрывающий плечи или голову (иногда вместо него надевают *камичетту* (калабр. *samicetta*) – рубашку с длинными рукавами), *мантизину* (калабр. *mantisinu*) или *фадале* (калабр. *fadale*) – шелковый фартук с двумя карманами из атласа или шелка, иногда украшенный растительным орнаментом, *дубрэтту* (калабр. *dubrettu*) или *гунэлла* (калабр. *gunella*) – длинная плиссированная верхняя юбка, обыкновенно синего или зеленого цвета, которую собирают на талии и завязывают сзади особым узлом, так что образуется «хвост» (Приложение 7, фото 4.2.8.). Раньше *гунэлли* всегда держали завязанной и распускали только во время похорон или при входе в церковь, чтобы прикрыть яркую нижнюю юбку (Nini 2020: 21).

Самым распространенным женским головным убором в Катандзаро является *манниле* (калабр. *mannile*). Он изготавливается из отреза хлопчатобумажной или льняной ткани, который складывают таким образом, чтобы получился ряд складок: одна над головой и две боковые, идущие параллельно вдоль спины до талии. *Манниле* белого цвета носили незамужние девушки и невесты, черного — замужние женщины и вдовы. До начала XX в. существовал предсвадебный обычай, согласно которому молодой человек должен был порвать *манниле* своей возлюбленной, если родители обоих были против брака. После этого никто другой уже не мог просить руки девушки (Albamonte 2017: 15). Современные вариации этого головного убора выполняются также из кружева, атласа, органзы, или других материалов в тон верхней юбке, а по краям или центру может идти вышивка (ПМА 6).

В большинстве арбрешских поселений Катандзаро традиционные костюмы или полностью исчезли, или были вытеснены итальянской модой. Однако в городах Караффа-ди-Катандзаро, Вена-ди-Майда и Джицерия все еще можно найти несколько подлинных образцов. В отличие от повседневного платья, испытавшего на себе влияние *паккьяны*, праздничный вариант, распространенный в Караффа-ди-Катандзаро, считается одним из самых оригинальных среди арбрешских нарядов соседних общин, поскольку имеет характерные особенности балканской, а именно македонской и северо-греческой традиционной одежды (Maiorana 1986: 23).

В 1834 г. во время своего путешествия по Южной Италии английский писатель и художник Артур Джон Стратт приехал в Караффа-ди-Катандзаро и в подробностях изобразил традиционную одежду. Оригинальность женского платья привлекла внимание не только итальянских, но и иностранных путешественников, посетивших Калабрию с конца XIX до начала XX вв. Долгое время одежда Караффы ошибочно принималась за традиционный костюм всего региона. Со временем под влиянием соседних культур многие ее формы изменились, появились новые, но вместе с тем сохранились и характерные особенности албанского костюма XV в.: *линья* (арбр. *linja*) – длинная белая льняная рубаша с расклешенными рукавами и характерной геометрической вышивкой красной нитью, а также фартук *хаддалика* (арбр. *haddalika*), украшенный орнаментом в том же стиле, что и рукава рубашки (Maiorana 1986: 74-76). Но самым специфичным элементом женского костюма является головной убор *кеза*, сшитый из красного бархата в форме прямоугольного мешочка (Приложение 7, фото 4.2.9.). Его концы приподняты спереди и сзади так, что вся конструкция напоминает петушиный гребень. *Кеза* предназначена только для замужних женщин и может быть дополнена прозрачной вуалью и разноцветными лентами, которые крепятся на затылке (Nini 2020: 104-105).

У итальянцев, напротив, не прослеживается подобного головного убора и сам термин переводят как ‘головной убор’ (ит. *copricapo*) или ‘диадема’ (ит. *diadema*), что не совсем соответствует реалии (Новик 2011: 143). Арбреши не только Калабрии, но и других регионов воспринимают *кезу* как очень яркий маркер идентичности. Например, на Сицилии это головной убор, полный внутри, изготовленный из бархата малинового или зеленого цвета и расшитый золотом или серебром. Когда-то он использовался всеми женщинами и был представлен в праздничном и будничном вариантах. Сегодня он нагружен новой символикой и надевается только в день свадьбы (Сулоева 2020: 55).

Вена-ди-Майда является единственной арбрешской общиной провинции Катандзаро, где сохранился полный комплект праздничной одежды, которую женщины носили вплоть до начала XIX в. Как и в Караффа-ди-Катандзаро, в стиле костюмов Вена-ди-Майды прослеживается наследие балканской культуры, западная мода оказала не столь сильное влияние на окончательное формирование его облика. В отличие от многих других арбрешских поселений, где с течением времени женщины утратили свою идентичность в одежде и стали отождествлять себя с калабрийской *паккьяной*, в Вена-ди-Майда удалось сохранить костюмы благодаря осознанию местными жителями их исторической и этнической ценности. Элементы, из которых состоит праздничный вариант, во многом совпадают с теми, какие носят в Караффа-ди-Катандзаро: льняная рубашка *линья*, лиф *коха*, к которому крепится плиссированная юбка, короткий жакет *джипуни* (используется как зимний вариант), и характерный головной убор *кеза*, расшитый золотной нитью. Его форма также напоминает петушиный гребень или лодочку. *Кеза* может быть дополнена *скети* – прозрачной белой вуалью, которой либо обвязывают *кезу* так, чтобы концы свободно свисали сзади, либо закрепляют на затылке (Приложение 7, фото 4.2.10.). Впервые этот головной убор надевали в день свадьбы и носить его могли только замужние женщины. Для местных жителей костюм, датируемый началом XIX в., является предметом

гордости еще и потому, что на выставке арбрешских костюмов Калабрии он был признан самым красивым (Elmo 1995: 486-487).

Традиционная одежда арбрешского поселения Джищерия имеет много общих черт с калабрийской *паккьяной* и состоит из белого нижнего платья с глубоким декольте, окаймленным кружевом, плетеным вручную; лифа с корсетом, рукавов с растительным узором, верхней красной юбки, фартука, который повязывается спереди, а также *дубрэтто* (арбр. *dubretto*) второй юбки, как правило, зеленого цвета, которая складывается в форме хвоста сзади и поддерживается двумя лямками из той же ткани. В качестве головного убора используется платок *мантиле* (арбр. *mantile*) (Trapuzzano 2005: 34).

4.3. Традиционная женская одежда арбрешей Козенцы

В провинции Козенца находится большинство арбрешских поселений, основанных во второй половине XV в. Традиционная одежда, передаваемая из поколения в поколение, до сих пор является одним из ключевых символов этнической принадлежности местных арбрешей. В прошлом она была обязательной частью приданого каждой девушки и предназначалась для самых значимых событий в жизни, таких как крещения и свадьбы, а также для крупных религиозных праздников. Традиционные костюмы были представлены в нескольких вариантах: праздничный, он же свадебный, выходной, повседневный и траурный. Для их изготовления часто использовали материалы, производимые в закрытом домашнем хозяйстве (Elmo, Kruta 1996: 124-125). Начиная с XVIII в. различные экономические и социальные условия позволили арбрешам постепенно доверить пошив одежды местным мастерам, которые, в зависимости от уровня достатка заказчика, использовали более или менее дорогостоящие ткани и украшения. Предпочтение стали отдавать бархату, шелку и другим материалам, привозившимся в основном из Неаполя. Под влиянием моды из Стамбула, продолжавшего традиции Константинополя, распространилось

золотное шитье, которым стали украшать практически все элементы женского праздничного наряда (Новик 2011: 138).

Традиционная одежда сохранилась не во всех арбрешских поселениях Козенцы и может отличаться формой и цветом отдельных элементов. Женские костюмы Деметрио-Короне, Козмо-Альбанезе, Ваккариццо-Альбанезе, Джорджио-Альбанезе, Спедзано-Альбанезе, а также Акваформоза, Фирмо и Лунгро достигли наивысшей степени развития и представлены в трех основных вариантах: праздничном, выходном и повседневном. Последний во многом напоминает калабрийскую *паккьяну*. Характерной особенностью праздничного и выходного платьев является использование двух юбок с множеством волнистых складок, которые при раскрытии образуют окружность. Первая юбка называется *камизола* (арбр. *camizola*) и, в зависимости от общины, может быть красного, бордового или синего цвета с золотой или серебряной шевронной окантовкой 10–15 см в ширину. Вторая юбка *коха* (арбр. *koħa*) надевается поверх *камизолы* (Nini 2020: 129). На востоке Козенцы, в районе горного плато Сила, ее основные цвета розовый, зеленый, синий или фиолетовый. *Коха* приподнимается и фиксируется таким образом, чтобы была видна нижняя юбка. На севере провинции в поселениях Акваформоза, Фирмо, и Лунгро подол *кохи* укладывают на спине в форме раковины или расправляют веером на правой руке (Приложение 7, фото 4.3.11.). Носить приподнятую верхнюю юбку, демонстрируя нижнюю, можно только замужним женщинам (Frega 1996: 406).

В зависимости от поселения, праздничный костюм может включать от 10 до 15 элементов, при этом сохраняет единство в их терминологическом наименовании. Помимо вышеописанных юбок этот вариант дополнен белой хлопчатобумажной или льняной рубашкой *линья* (арбр. *linja*), иногда нижней юбкой *сутанина* (арбр. *sutanina*) с широкой ажурной каймой, *питину* (арбр. *pitinu*) – кружевным элементом с золотой отделкой, закрывающим вырез

рубaхи, *джипуни* (арбр. xhipuni) – лифом из ламинированного хлопка или атласа того же цвета, что и *коха*, с вышитыми золотой нитью цветочными мотивами. На плечах традиционно носят *скамандили* (арбр. skamandili) – платок из белого или другого светлого шелка, или *пани* – шаль прямоугольной формы из атласной ткани, украшенную золотым шевроном или вышивкой с растительным орнаментом (Marchianò 1996: 354).

Как и у арбрешей Катандзаро, в качестве головного убора используется *кеза*, однако в Козенце ее форма сильно отличается. *Кеза* представляет собой плоский продолговатый каркас овальной формы, напоминающей ракушку. В зависимости от местности, этот головной убор может быть изготовлен из различных материалов. Например, в Лунгро он «представляет собой полый футляр из толстого листа серебра (Приложение 7, фото 4.3.12.). Наружная часть футляра обтянута декоративной сеткой с металлическими блестками, выполненными по моде того времени» (Новик 2011: 143). В других общинах каркас *кезы* покрыт шелком или бархатом, расшитым золотыми нитями (Nini 2020: 67).

Этот головной убор могли носить только невесты в день свадьбы или уже замужние женщины. Чтобы закрепить *кезу* на затылке, моделировали особую прическу *кэшет* (арбр. keshet): волосы, заплетенные в две косы, укладывались в форме короны, а сверху с помощью ленты фиксировалась *кеза*. Сегодня самым распространенным вариантом укладки является пучок, покрытый золотой сеткой – *тупи* (арбр. tupi) или белым кружевом (ПМА 7). Другими обязательными атрибутами свадебного костюма были тонкий пояс из золотых или серебряных нитей с прямоугольной застежкой, а также *скепи* (арбр. sqepi) или *туваля* (арбр. tuvala) – длинная прозрачная шаль из золотой сетки, красного фатина или тонкого белого тюля, расшитого по краям золотой нитью (Schirò 2011: 236).

До конца XIX в. женщины надевали праздничный вариант традиционной одежды также по случаю похорон супруга. Костюм дополняли черным шерстяным платком *скамандили* и передником *вандэсини* (арбр. vandesini), а на следующий день начинали носить траурное платье (Elmo, Kruta 1996: 130). Кроме того, долгое время существовала практика погребения в праздничной одежде, поэтому многие подлинники костюмов были утеряны. Сегодня их ношение ограничивается несколькими событиями: свадьбой, пасхальным воскресеньем, Рождеством, а также некоторыми народными праздниками или карнавалами. Если мероприятие длится несколько дней, то женщины сначала надевают повседневный вариант без головного убора, а в последний день – праздничный (ПМА 5).

Фольклорные фестивали дают возможность представителям диаспоры транслировать свои культурные особенности как внутри своей группы, так и вовне. На протяжении более пяти столетий после своего приезда в Италию каждый год арбрешиты отмечают победу албанской армии Скандербег над османским войском в битве, состоявшейся 23 апреля 1467 года при Круе⁵¹. Ежегодно 24 апреля члены общин, одетые в традиционные костюмы, исполняют древний танец *валье э фиторэс* (арбр. valje e fitorës), что переводится как «танец победы». Несмотря на влияние итальянской культуры *валье* считается исконно арбрешской традицией (Bellusci, Radovicka 2020). На Сицилии танец исполняли до 50-х годов прошлого века, а затем перестали, но сохранились поэзия и песни, воспевающие жизнь и подвиги национального героя (ПМА 6).

В Калабрии и Базиликате эта традиция сохраняется до сих пор. В Козенце 24 апреля проходят народные гуляния, сопровождающиеся костюмированными шествиями и исполнением *валье* под народную музыку. Женщины,

---

⁵¹ В 1467 году после годичной осады албанской крепости Круя в результате кровопролитного сражения и больших потерь с обеих сторон Скандербег одержал победу над османским войском (Арш 1992: 204).

принимающие участие в танце, надевают традиционную одежду общины, при этом мужчины носят либо традиционный албанский костюм, либо реконструированные версии традиционных региональных костюмов Италии (ПМА 7).

4.4. Традиционная женская одежда арбрешей Сицилии

Говоря о традиционной одежде арбрешей Сицилии, мы можем выделить женские костюмы, так как мужская одежда со временем утратила свои специфические характеристики и довольно быстро вышла из употребления, в отличие от одежды калабрийцев, которая в значительно меньшей степени подверглась инновациям (La Barbera 2007: 111). Кроме того, по словам информантов, в Калабрии с начала 60-х годов XX века в ходе реконструкции было создано около пятнадцати мужских костюмов в балканском стиле, предназначавшихся для самых важных мероприятий (ПМА 5).

Однако привезенный на Сицилию албанскими мигрантами оригинальный мужской костюм, испытав на себе влияние итальянской моды, очень быстро утратил свои характерные особенности и региональные отличия, а затем был полностью вытеснен местной одеждой (Silvestrini 1986: 7). По мнению нашего информанта Стефано Скиро, который преподает историю искусств в г. Катания и занимается исследованием как произведений сицилийского прикладного искусства, так и традиционного женского костюма арбрешей; это связано с тем, что на новых землях мужчинам приходилось думать о заработке, обустраивать быт и налаживать социальные связи с соседями-сицилийцами, в процессе чего албанцами были заимствованы не только местные обычаи, но и одежда:

«Будучи албанцем, мигрировавшим в итальянские земли, ты вынужден принимать законы и обычаи того места, где теперь строишь новую жизнь. Кроме того, мужчины по своей природе больше стремятся к удобству и практичности, поэтому традиционная мужская одежда была так быстро

утрачена. Я думаю, что женский костюм сохранился потому, что в нашем сознании женщина была драгоценным камнем, ядром своей семьи, поэтому заслуживала одеваться в самые лучшие и дорогие наряды. Албанки действительно пользовались большим уважением со стороны своих мужчин, несмотря на патриархальный уклад жизни» (ПМА 4: Скиро С., арбреш, 1988 г.р., проживает в г. Катания (Сицилия), родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

Сегодня в арбрешских поселениях, расположенных на Сицилии, для тех мероприятий, которые предполагают ношение традиционного костюма, мужчины используют традиционную албанскую или калабрийскую одежду, а именно: короткую бархатную куртку, белую рубашку, безрукавку, узкие длинные штаны, расшитые черной тесьмой, либо юбку *фустанеллу* (алб. *fustanella*), шерстяные носки и характерную обувь с помпонами – *опинги* (алб. *oringa*). Мужской костюм или его отдельные элементы покупаются в Албании, Греции и Косово (Приложение 7, фото 4.4.13.) (Gjergji 1988: 123).

Традиционная женская одежда арбрешей Сицилии претерпевала значительные изменения на протяжении пяти веков, и на формирование ее отдельных элементов, богатство вышивки, используемые ткани и способ ношения повлияла сицилийская одежда XVII века, а также тенденции европейской моды XIX века. Окончательный же вид костюм приобрел в период между XIX – началом XX века, и новые формы дошли до наших дней практически без изменений (Schirò 2011: 232).

Многие черты традиционного костюма Пьяна-дельи-Альбанези сближают его с одеждой, которую носили в XVII в. в Палаццо-Адриано⁵², что, безусловно,

---

⁵² Традиционная женская одежда Палаццо-Адриано сохранилась лишь в нескольких экземплярах, представленных в местных музеях, и более не является культурной реальностью для его жителей. В начале 2000-х годов монахиня византийского католического обряда Исидора Петта (1925-2016 гг.), арбрешка из Пьяна-дельи-Альбанези, попыталась реконструировать женский костюм, некогда бытовавший в Палаццо-Адриано.

предполагает общее происхождение, однако не совсем верно утверждать, что прототипом полностью послужил албанский костюм. С конца первого тысячелетия албанские земли испытывали влияние византийской культуры, о чем свидетельствуют яркие цвета, широкая драпировка, длинные широкие рукава, богатые ткани и использование золотной вышивки и драгоценных камней в изготовлении одежды (Nini 2020: 117). С XV века при пошиве албанской одежды использовались ткани, технологии и крой, которые были приняты на западе, прежде всего в Венеции и Анконе. До вторжения Османской империи на Балканы албанское платье имело прямой или слегка расклешенный силуэт, поэтому мы можем сделать выводы, что не оно послужило прототипом традиционного арбрешского костюма (Gjergji 1988: 285).

О сильном влиянии не только сицилийской, но и испанской моды свидетельствует крой некоторых элементов костюма, таких как нижняя рубашка и жакет, надевавшийся сверху. Одной из самых специфических и, безусловно, оригинальных деталей является *кеза* (арбр. *keza*) – женский головной убор; когда-то он использовался всеми женщинами и был представлен в праздничном и будничном вариантах. Сегодня он нагружен новой символикой и надевается только в день свадьбы. Драгоценности также являются неотъемлемой частью костюма. Серебряный пояс *брез* (арбр. *brez*) – это результат эволюции восточного серебряного пояса за счет постепенного увеличения и изменения внешнего вида его центральной бляхи (Schirò 2011: 239-243).

Практически непрерывное производство традиционной одежды в Пьяна-дельи-Альбанези связано с большим мастерством местных женщин. На

Прототипом послужила одежда, обнаруженная во время раскопок местных захоронений, а также современные костюмы Пьяна-дельи-Альбанези. В 2004 году Илария Паррино, представлявшая Палаццо-Адриано на ежегодном конкурсе *Miss Arbëreshe*, победила в наряде, сшитом Исидорой Петтой (Приложение 7, фото 4.4.14.) (ПМА 4).

протяжении веков албанки, владеющие как простой иглой, так и ткацким станком, превращали шёлковые, бархатные и атласные ткани, импортированные из Неаполя, в изысканную одежду, убранную кружевом, плетённым на коклюшках, или золотой вышивкой (Elmo, Kruta 1996: 149). Сначала изготовление костюма было исключительно домашним трудом, причем женщин обучали этому умению с раннего детства, так что уже в подростковом возрасте девочка обладала достаточными техническими навыками, с помощью которых могла сама сшить наряд для важного события. Кроме того, в XVIII в. сестры коллегии Св. Марии, специалисты по вышивке золотом, основали школу, где обучали этому искусству незамужних девушек (Guzzetta, Ridolfo 2008: 65).

Праздничное платье традиционно предназначалось для самых значимых событий в жизни, таких как крещение и свадьбы, а также для крупных религиозных праздников: день Св. Георгия, Богородицы Одигитрии, Св. Димитрия. Оно представлено в двух вариантах, которые различаются по типу юбки (ПМА 3).

Первая называется *нцилёна* (арбр. *ncilona*), сшитая из красного шёлка. По всему полю юбки идет орнамент, основным мотивом которого являются цветы. Её предшественницей была так называемая *пампинья* (арбр. *rampinja*) – парчовая юбка, с узором из разноцветных хлопковых нитей, со временем вместо парчи стали широко использовать дамаст⁵³. В последние десятилетия умелыми руками вышивальщиц Пьяна-дельи-Альбанези были созданы многочисленные *нцилёны*, украшенные богатой и обильной вышивкой, чей первоначальный орнамент был

---

⁵³ Дамаст (дамаск) – шёлковая, шерстяная или хлопчатобумажная ткань полотняного или крепового переплетения, иногда в комбинации с атласом. Хлопчатобумажный дамаст используется для изготовления женского белья, в декоративных целях, шёлковый – в основном в декоративных целях. В XVIII веке эта ткань часто имитирует кружево. Названа по городу Дамаск в Сирии, где её изготавливали (Андреева 1997: 150).

изменен на акантовый⁵⁴ с мелкими золотыми или серебряными цветами (Albamonte 2017: 15).

Второй вариант юбки – *джелона* (арбр. *xhellona*) – обрамлен рядами кружева, сплетенного из золотых или серебряных нитей на коклюшках. Количество таких рядов варьируется от одного до трех в зависимости от функции использования. *Джелона* с одним рядом кружева предназначалась для ежедневных религиозных служб, с двумя – для воскресной мессы, с тремя рядами – для более важных мероприятий, таких как праздник Святого Георгия, покровителя Пьяна-дельи-Альбанези (Schirò 2011: 232-233). Другими частями, составляющими праздничный наряд, являются: белая льняная рубаха *линья* (арбр. *linja*) с длинными и широкими рукавами, украшенная кружевом, плетеным на коклюшках, кружевной элемент *петини* (арбр. *petini*), покрывающий верхнюю часть груди; лиф *крахет* (арбр. *krahët*) без рукавов из красного шёлка, расшитый золотом, или бархатный жакет *джипуни* (арбр. *xhipuni*) с воротником и манжетами из темного бархата с вышивкой; синяя шелковая накидка *мандилина* (арбр. *mandilina*) с золотой окантовкой; по всему костюму завязаны шелковые накладки в виде лент *шкокат* (арбр. *shkokat*) (Приложение 7, фото 4.4.15.). Часто в дополнение к *джелоне* женщины надевают фартук из черного кружева – *вантерья* (арбр. *vanterja*), но он может сочетаться также и с *ницлёной*. Главным и завершающим элементом обоих вариантов является серебряный пояс *брез* (арбр. *brez*), состоящий из нескольких массивных пластин. Центральная пластина пояса украшена изображением святого покровителя (Nini 2020: 118-119).

Существовала также зимняя версия выходного платья, которое носили только замужние женщины, его основные элементы: широкая черная юбка из

---

⁵⁴ Акант – декоративная форма, восходящая к рисунку листьев травянистого растения акант (Плужников 1995: 12).

тафты, бархатный жакет *джипуни*, белая накидка с вышивкой «медовые соты» и накладка из четырех лент-лепестков на голову – *шкокат* (Приложение 7, фото 4.4.16.-4.4.17.) (ПМА 3).

Шкокат имеют одинаковые цветочные мотивы в вышивке, исключение составляют лишь те, что крепятся к голове поверх прически и на спину, их орнамент может варьироваться. Различают разные виды *шкокат* по количеству так называемых лепестков, которые формируют бант. В праздничном платье с юбкой *нцилёна* используется четырёхлепестковый бант, который украшает переднюю часть костюма и крепится на животе над серебряным поясом или прямо под ним. До 20-х годов XX века такое украшение имело только два лепестка. В выходном варианте костюма с юбкой *джелона* используется ленточный бант с пятью лепестками из расшитого золотной нитью шелка или бархата зелёного цвета. В обоих типах праздничного платья используется двухлепестковый бант для спины и четырёхлепестковый – для поддержания причёски. В свадебном костюме число *шкокат* равняется двенадцати, что соответствует числу апостолов (Elmo, Kruta 1996: 140-141).

С конца 40-х годов XX в. практика плетения кружева из золотых нитей на коклюшках, служившего основным украшением *джелоны*, становится все большей редкостью и совсем исчезает, поэтому в 80-х и 90-х годах мастера занимаются изготовлением и реставрацией только юбки *нцилёны*. Невозможность плетения аутентичного кружева была связана также с ухудшившимся качеством золотных нитей, постоянно ломавшихся во время изготовления (La Barbera 2007: 113).

Традиционный свадебный костюм для арбрешей является одним из самых очевидных символов культурной самобытности. В отличие от выходного костюма, претерпевшего значительные изменения и утратившего своё первоначальное предназначение, свадебное платье арбрешей Сицилии по-

прежнему используется и является более предпочитаемым, чем так называемое европейское белое (или любое другое) платье (Сулоева 2019: 458-459).

Свадебный костюм, используемый в настоящее время, во многом соответствует праздничному варианту, что свидетельствует о том, что ранее его надевали и вне брачного контекста, в этом случае он сопровождался накидкой. Как и в праздничном костюме, здесь используется юбка *ницлѐна* из красного шелка, расшитого цветочными узорами, а именно орнаментом *вити* (арбр. *viti*), который представляет собой переплетения цветов, разбросанные по всей поверхности ткани. Есть также и нижняя юбка, подол которой украшен тонкой вышивкой. Одним из ключевых элементов является *линья* – шелковая или льняная блуза, имеющая кружевную оторочку рукавов и нижней части подола, причем рукава расширяются от локтя вниз в соответствии с модой XV века. В то время рукав являлся самой драгоценной частью платья. На блузу надевают *крахет* – шелковый лиф, вышивка которого сочетается с мотивами, использующимися в украшении юбки (Guzzetta, Ridolfo 2008: 66).

Большую выразительность костюму придают ленты *шкокат*. В отличие от выходного и праздничного платья, где *шкокат* украшают только голову, спину и живот женщины, в свадебном платье помимо основных переднего и заднего бантов, используются дополнительные четырёхлепестковые, которые крепятся по всей длине рукавов. Другой четырехлепестковый бант, также завязанный из лент, расшитых канителью, располагается спереди и покрывает живот невесты над юбкой (Schirò 2011: 235-237). Такой бант является не только аксессуаром свадебного костюма, но и символизирует будущее материнство (Приложение 7, фото 4.4.18.).

Еще одной важной деталью свадебного костюма является *кеза* – особый головной убор, полый внутри, изготовленный из бархата малинового или зеленого цвета и расшитый золотом или серебром. *Кеза* используется для

закрепления и поддержания вуали *скени* (арбр. *sqerî*) и становится символом нового социального статуса невесты. Шелковая вуаль *скени* крепится к головному убору и с двух сторон к поясу невесты и используется только как элемент свадебного костюма (Guzzetta, Ridolfo 2008: 67).

Большую роль во всех вариантах традиционной женской одежды играют украшения из драгоценных металлов, поскольку они дополняют и объединяют декоративные элементы во всем их многообразии. Главным среди украшений костюма является серебряный пояс *брез*, который состоит из пластин с изображением религиозных сюжетов, соединенных в центре при помощи особой шпильки, непременно выточенной вручную (La Barbera 2007: 120-121). Пояс используется в некоторых важных обрядах предсвадебного цикла, например, в ритуальном обмене подарками во время помолвки, происходящей в доме невесты. По сведениям, полученным от информантов, жених дарит своей невесте *брез*, который она должна будет надеть на церемонию венчания. Пояс изготавливается на заказ у местного мастера и стоит дорого, и в случае невозможности приобрести данное украшение, мать жениха одалживает невестке свой (ПМА 4).

В албанском языке слово *brez* означает не только непосредственно ‘пояс’, но также ‘поколение, линии преемственности, потомство’, что подтверждает тот факт, что пояс является также символом материнства. Обладательница пояса надеется получить заступничество и / или защиту избранного святого покровителя. Именно поэтому ключевыми фигурами, изображенными на центральной бляшке, становятся, св. Георгий, св. Дмитрий, Мадонна Одигитрия и др. (Schirò 2015). Следовательно, *брез* выступает не только как декоративный элемент женского традиционного костюма, но также выполняет религиозную и апотропеическую функцию. До 30-х годов прошлого века незамужние девушки не могли носить *брез*, поэтому в соответствии со своим статусом они получили

особую терминологическую маркированность – *sbrezuame* (арбр. ‘без пояса’). Однако сегодня его носят и до свадьбы, например, в Страстную неделю и пасхальное воскресенье. По окончании литургии сотни девушек выходят на улицы деревни, чтобы принять участие в праздничном шествии (ПМА 3).

Свадебный вариант традиционного женского костюма символизирует единство духовной жизни арбрешской диаспоры и отдельного ее представителя. Благодаря включению в комплекс таких элементов, как *брез* и *шкокат*, свадебный костюм приобретает особый сакральный смысл в сознании носителей арбрешской культуры и идентичности (Guzzetta, Ridolfo 2008: 69).

Нами зафиксировано, что все три вида костюма – выходной, праздничный и свадебный, неизменно дополнены украшениями из золота или серебра. Среди основных: обручальное кольцо *доманти* (арбр. *domanti*), серьги с пятью подвесками *пиндажет* (арбр. *pindajet*), которые обычно принимают форму распятия, четки *русари* (арбр. *rusari*), представляющие собой гранатовое ожерелье с медальоном, в который вставлено миниатюрное изображение святого покровителя, а также крест на бархатной ленте, инкрустированный драгоценными и полудрагоценными камнями (Приложение 7, фото 4.4.19.) (ПМА 3). Все эти изделия представляют огромную ценность и передаются по наследству от матери к дочери, однако не являются подлинно албанскими по происхождению (Schirò 2009: 100). Подобные украшения из золота, иногда эмалированные, с инкрустациями из рубинов, изумрудов, бриллиантов и других камней старой огранки можно встретить и среди сицилийских ювелирных изделий XVII-XVIII веков (Di Natale 2000: 194).

Комплекс траурной одежды включал юбку *фодийя* (арбр. *fodhija*) из черной тафты с бархатным подолом того же цвета, черный бархатный или шелковый жакет *джипуни*, кружевной элемент *петини*, покрывающий верхнюю часть груди. Отличительной чертой данного наряда являлась широкая накидка из

черной тафты в форме полумесяца, которая крепилась к голове и ниспадала широкими складками. Замужние женщины носили траурное платье без драгоценностей. Однако на пятничную литургию, а также во время Страстной недели можно было дополнить наряд серебряным поясом. В те же праздничные дни молодые незамужние женщины надевали юбку *пампинья* из дамаста с черной мантией (La Barbera 2007: 120-121).

Стоит также упомянуть полностью вышедший к настоящему времени из бытования вариант повседневного костюма, который состоял из широкой юбки в пол, сшитой из черной тафты, бархата, атласа или хлопчатобумажной ткани различных цветов (черного, фиолетового, синего, зеленого и др.), блузы с широкими рукавами, плотно прилегающими к запястьям, а также плаща – белого в летний период, светло-синего – в зимний, окантованного белой шелковой лентой. Разнообразие используемых в наряде цветов также указывало на социальный статус женщины (Schirò 2009: 97).

4.5. Трансформация и функционирование традиционных костюмов в XX – начале XXI века

Ношение традиционной одежды в Калабрии и на Сицилии не всегда было однородным и испытало несколько стадий упадка и подъема. В XX веке традиционный костюм постепенно уступил место современной моде. Этот процесс не был единовременным, потребовался не один десяток лет, чтобы стремление к практичности и достижению экономического благополучия вытеснило традицию. В конце XIX века видеть женщин в традиционных платьях было частью повседневной жизни, однако новая европейская мода XX века ввела практичную и легкую одежду, освободив женщин от длинных и объемных юбок. Албанки не сразу приспособились к инновациям. Молодые женщины первыми отказались от повседневного варианта традиционного платья (Ortaggio 2005: 8).

На Сицилии в 1930-х и 40-х годах комплекс с юбкой *джелона*, предназначенный для посещения церкви, стал менее предпочитаемым по сравнению с новой одеждой, которую присылали из Америки родственники, эмигрировавшие туда в предыдущие десятилетия. Вместо выходного платья использовался праздничный костюм с юбкой *ницлёна*, при этом соответствие наряда степени важности события перестало строго соблюдаться (Schirò 2009: 93).

В послевоенный период и 1950-е годы, отмеченные в Италии экономическими трудностями и бедностью населения, было не так легко найти дорогие материалы для изготовления парадного костюма. В те годы женская традиционная одежда Лунгро и Пьяна-дельи-Альбанези переживала упадок: костюмы больше не шили из дорогостоящих материалов, не использовали в отделке золотые и серебряные нити, популярными становились наряды более низкого качества, которые, тем не менее, по-прежнему могли позволить только состоятельные люди (La Barbera 2007: 129).

Традиционная одежда еще не окончательно исчезла, а продолжала быть популярной на свадьбах, религиозных праздниках и других значимых событиях общественной жизни. С 1960-х годов её использование начало ослабевать наряду со многими другими традициями, такими как похищение невесты будущим мужем во время церемонии помолвки. Традиционный костюм стал восприниматься новым поколением как пережиток прошлого. Например, на один из ежегодных карнавалов (арбр. *kalivari*), которые до сих пор проходят в Пьяна-дельи-Албанези, несколько представительниц арбрешской диаспоры выбрали в качестве маскарадного традиционный костюм, который было принято надевать только по особым поводам. Этот случай вызвал крайне негативную реакцию со стороны женщин старшего поколения, поскольку был расценен как проявление неуважения к собственным традициям (ПМА 6).

Накануне экономического бума (середина 1950-х – середина 70-х гг.) многие албанские женщины стали одеваться *all'italiana* или *da signora* ('как итальянка'), что означало окончательный отказ от традиционного костюма в пользу практичности. Исключение составляло только свадебное платье, которое не утратило актуальности из-за своего особого предназначения и символической нагрузки (Guagliardi 2004: 254).

Однако в условиях унификации и стандартизации современной культуры через средства массовой информации для представителей языковых меньшинств Италии становятся как никогда актуальными поддержание и развитие традиционных материальных памятников, и их трансляция в мировое культурное пространство. Поэтому сегодня мы являемся свидетелями повторного открытия культурной и исторической ценности этих характерных элементов народной культуры арбрешей:

«Мы понимаем, что инновации и традиции – две стороны одной медали. Без осознания своего исторического прошлого невозможно двигаться в будущее. Наша задача заключается в том, чтобы продлить жизнь наших костюмов, спроецировать собственную культуру в будущее, которое опирается на фундамент нашей истории» (ПМА 6: Бертини К., арбреш, 1991 г.р., родился и проживает в Пьяна-дельи-Альбанези).

Ношение традиционного костюма становится своеобразным способом выразить личные и национальные значения, а также приобщиться к глобальным тенденциям. Это культурный и художественно-творческий процесс, в котором арбреша являются одновременно создателями и хранителями такого этнокультурного явления как костюм, стараясь адаптировать его под новые реалии.

В последнее время стали популярны конкурсы костюмов, которые проводятся как для представителей языковых меньшинств, так и для самих итальянцев. Одни из самых известных: *Miss Pacchiana*, *Miss Arbëreshe*, *Miss Calabrisella* («Мисс-Паккьяна», «Мисс-Арбреше», «Мисс-Калабризелла»). Такие мероприятия являются важным событием не только для участниц, но и всего города, костюм которого они представляют. Например, очередной конкурс «Мисс-Паккьяна», проходивший в Сан-Джованни-ин-Фьоре в 2021 г., был анонсирован как «одно из самых ожидаемых событий года, культурный вызов в защиту территориальных идентичностей». Помимо дефиле участниц в традиционной одежде были запланированы выступления членов жюри на такие темы как местное текстильное и ювелирное производство и перспективы защиты местной культуры (Miss Pacchiana, 2021. URL: <https://www.corrieredellacalabria.it/2021/08/25/san-giovanni-in-fiore-il-27-agosto-la-nuova-edizione-di-miss-pacchiana/>).

Главы муниципалитетов принимают активное участие в организации и спонсировании мероприятий подобного рода, благодаря чему популяризация ношения традиционного костюма приобретает всё более выраженный характер. Ежегодное празднование Пасхи является не только одним из самых значимых религиозных событий, но также своеобразной опорой традиционной культуры арбрешей, символом преемственности поколений, а также живучести традиций в условиях длительных межэтнических и межязыковых контактов. Так, в Пьяна-дельи-Альбанези в Страстную неделю устраивают народные шествия, в которых участвуют все жители деревни (ПМА 5).

Организация *Pro-Loce*, занимающаяся продвижением народной культуры арбрешей в современных СМИ, каждый год на Пасху устраивает розыгрыш лотереи, причём билеты вручаются тем, кто носит традиционную одежду как в пасхальное воскресенье, так и в течение Страстной недели. Кроме того,

деятельность *Pro-Loco* направлена на распространение информации, связанной с историей и правилами ношения женских костюмов, поскольку за последние тридцать лет была зафиксирована тенденция неверной интерпретации традиционной одежды и ее отдельных элементов современной молодежью (Pro-Loco, 2020. URL: <https://www.prolocopianadeglialbanesi.com>).

В ходе полевой работы, проведенной в Пьяна-дельи-Альбанези в марте 2017 года, нами было отмечено, что именно в пасхальное воскресенье и дни, предшествующие ему, наблюдаются отклонения в традиционном способе ношения женского костюма. Частым явлением становится неверное сочетание элементов, относящихся к разным комплексам одежды (ПМА 3). Иногда наблюдается перегруженность образа современными аксессуарами, такими как часы, солнцезащитные очки, различная бижутерия, в то время как основные детали костюма (например, накидка и головной убор) отсутствуют (Приложение 7, фото 4.5.20.). Арбрешки Калабрии также предпринимают неудачные попытки осовременить традиционную одежду. Все чаще можно наблюдать использование синтетических материалов или неверное сочетание цветов. Например, незамужние девушки надевают *кезу*, несмотря на то что исторически этот головной убор предназначался только для замужних женщин. Зачастую бросаются в глаза неуместная обувь или не соответствующие друг другу макияж и прическа (ПМА 7).

Специалист в области арбрешского традиционного женского костюма Джузеппина Скиро также отмечает ряд ошибок, которые совершают девушки, надевая праздничный вариант:

«К сожалению, молодое поколение часто не хочет соблюдать определенные правила ношения традиционной одежды. Я часто наблюдаю, как на Пасху, например, в качестве верха к юбке пампинья вместо лифа без рукавов надевают болеро, сшитое из той же ткани, что и юбка. Некоторые путают

количество шокат, присущих разным видам юбки, или добавляют их к рукавам или вороту джипуни» (ПМА 3: Дж. Скиро, арбрешка, 1970 г. р., Пьяна-дельи-Альбанези).

Однако подобные ошибки объясняются попыткой современной молодежи приспособить традиционную одежду под современные нужды. Приведем отрывок из нарратива:

«Мы бы хотели воспользоваться теми знаниями, которые достались нам от наших предков и попробовать создать что-то, что продолжало бы существовать не как музейная реликвия, а как живая и конкретная действительность. Возможно, со временем наша традиционная одежда сможет эволюционировать во что-то более подходящее современному образу жизни, но в то же время не станет жертвой глобализирующей культуры» (ПМА 6: арбрешка, 22 года, студентка университета Палермо, родилась в Пьяна-дельи-Альбанези).

Совсем иначе обстоит дело с традиционным свадебным костюмом. Женщины уделяют гораздо больше внимания качеству пошива, богатству и выразительности отделки. Отдавая предпочтение традиционной одежде, а не так называемому европейскому белому платью, арбрешские невесты тем самым подчёркивают важность события, характеризующегося сменой социального статуса, а также маркируют свою этническую принадлежность. Респонденты мужского пола из Пьяна-дельи-Альбанези также высказались в пользу традиционного свадебного комплекса одежды:

«По-моему, арбрешское традиционное свадебное платье благодаря своей вышивке и серебряному поясу выглядит более роскошно по сравнению с белым. Кроме того, это наша история. Это большая честь выходить замуж в платье, которое передавалось из поколения в поколение» (ПМА 3: Ф. Паче, арбреш, 38 лет, проживает в Пьяна-дельи-Альбанези, родился в Палермо).

«Я считаю, что не только девушка, но и сам жених испытывает чувство гордости, когда видит свою невесту в традиционном наряде. Многие мои знакомые мечтали выйти замуж именно в арбрейском платье» (ПМА 6: арбрей, 29 лет, выпускник университета Палермо, родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

Однако некоторые арбрейские невесты сознательно выбирают белое платье, аргументируя это тем, что надеть его можно лишь раз в жизни, в то время как традиционное демонстрируется каждый год на Пасху. Выбор в пользу белого платья часто также обусловлен высокой стоимостью традиционного комплекта, не только сшитого на заказ, но даже взятого напрокат. Кроме того, не все охотно соглашаются одолжить свою семейную реликвию:

«В основном женские костюмы передаются от матери к дочери по наследству, поскольку изготовление на заказ стоит дорого, и не все могут это позволить. Стоимость полного праздничного костюма в 2008 году составляла приблизительно пятнадцать тысяч евро, в то время как свадебного – больше двадцати. К 2020 году стоимость костюма для Пасхи увеличилась до тридцати тысяч евро⁵⁵. В последнее время всё более популярной становится практика одалживания традиционной одежды у знакомых» (ПМА 3: С. Скиро, арбрей, 1988 г.р., проживает в г. Катания (Сицилия), родился в Пьяна-дельи-Альбанези).

Современное производство традиционной одежды по-прежнему является ручным трудом, несмотря на то что уже нет специалистов, способных сплести на коклюшках кружево из золотной нити, поскольку из-за ненадлежащего качества золота, представленного на современном рынке, во время обработки нить постоянно рвется. Однако за последние тридцать лет – после повторного

---

⁵⁵ В 2023 г. стоимость одной только юбки *ницлёны* составила 20 000 евро (ПМА 6).

«открытия» языковых меньшинств в Италии и возросшего к ним интереса – возникли немногочисленные частные мастерские, занимающиеся изготовлением костюмов на заказ (Приложение 7, фото 4.5.21). Поэтому арбрешки по-прежнему покупают традиционную одежду для особых случаев. Одной из новых тенденций стал пошив одежды для детей. Девочек наряжают в уменьшенные копии женских костюмов, но без использования украшений и аксессуаров, а мальчиков – в традиционную албанскую одежду, купленную на Балканах (ПМА 4).

Традиционная одежда продолжает играть важную роль в сохранении этнической идентичности арбрешей. В эпоху визуализации арбрешские костюмы являются не только объектом культурного наследия, но и способом самовыражения и эстетического воздействия. Традиционная одежда продолжает жить, хотя и в трансформированном виде, адаптированном под новые реалии, благодаря чему не теряет своей актуальности и по сей день. Ношение традиционной одежды во время общественных мероприятий, таких как церковные праздники, свадьбы, фольклорные фестивали, модные показы, привлекает внимание общественности и становится предметом обсуждения в социальных сетях (ПМА 6).

Женскую одежду активно используют в местной рекламе и полиграфии. Так, в 1950 году была выпущена серия почтовых открыток, включавшая шесть хромолитографий с изображением традиционной одежды Сицилии, две из которых были посвящены нарядам Пьяна-дельи-Альбанези (в то время Пьяна-деи-Гречи). В последние годы женские костюмы были неоднократно задействованы в продвижении фестиваля канноли⁵⁶ (Приложение 7, фото 4.5.22.-4.5.23.), а также рекламы сицилийской кухни, причём не все зрители отреагировали положительно.

---

⁵⁶ Канноли (итал. *cannoli* ‘трубочки’) – традиционный сицилийский десерт, представляющий собой вафельную трубочку с начинкой из сыра рикотты.

По мнению информантов, такая реклама выглядит весьма сомнительно и не вызывает одобрения в выборе лица, представляющего рекламный образ кампании (ПМА 4). Возмущение местных жителей вызывает и то, что традиционная одежда Пьяна-дельи-Альбанези представлена в качестве символа общесицилийской культуры, при этом нарушается право авторства, принадлежащее арбрешам как представителям отдельного этнокультурного сообщества. В качестве иллюстрации приведем слова информантов:

«К сожалению, интересы нашей общины не защищаются на законодательном уровне. До тех пор, пока правительство не начнет действовать, нашу традиционную одежду будут продолжать использовать в рекламе гостиниц и ресторанов. Такое кощунственное отношение к нашим культурным ценностям лишает нас дара речи. Поступать так – все равно что вскрывать чью-то могилу» (ПМА 4: Г. Паррино, 1991 г. р., Пьяна-дельи-Альбанези).

«В нашей традиции костюм очень ценная одежда не только с экономической, но и культурной точки зрения, поэтому он должен использоваться в исключительных случаях, необходимо сохранять должное уважение и канонические условия его ношения. Для нас очевидно, что даже в рекламных целях прибегать к пошлости неприемлемо. Священное и мирское, безусловно, следует сравнивать, но в разумных пределах» (ПМА 3: Дж. Скиро, арбрешка, 1970 г. р., Пьяна-дельи-Альбанези).

Данные высказывания свидетельствуют о том, что традиционная женская одежда является для носителей сакральным компонентом собственной культуры, поэтому ее ношение должно быть основано на глубоком понимании традиций и уважении к культуре. Одним из ключевых факторов, повлиявших на формирование такого представления, стал религиозный, проявившийся в костюме арбрешей в наборе специальных символов. Именно он на протяжении

длительного времени модифицировал заимствованные элементы, выстраивая тот облик костюма, который албанский этнос воспринимал как *свой*. Арбрешши считают себя хранителями и продолжателями собственных этнокультурных традиций, поэтому стараются создать и законсервировать некий тип костюма, который несмотря на включённость заимствованных элементов, воспринимается носителями и транслируется в мировое сообщество как национальный.

Таким образом, традиционная одежда арбрешей является важным фактором самоидентификации. Несмотря на влияние глобализационных процессов на традиционную культуру арбрешей, женские костюмы и головные уборы, в частности, продолжают оставаться основным способом визуальной репрезентации региональной идентичности.

Выводы по главе 4

Традиционный костюм является сложным культурно-историческим текстом, который не только содержит систему верований и обрядов, взглядов и представлений конкретного народа, но и выражает его этническое самосознание. Создание этнического костюма – это сложный процесс, представляющий собой определённое перекодирование жизненного опыта, полученного в результате многовекового взаимодействия с другими народами, в зрительные образы. Одежда тесно связана с материальной и духовной культурой людей, языковыми контактами, а также с ритуальными и социальными составляющими жизни любого народа или этнической группы.

Традиционная одежда арбрешей Италии и Сицилии – это целостное этнокультурное явление, веками создаваемое и продолжающее жить в современном социокультурном пространстве. Женские костюмы Пьяна-дельи-Альбанези представляют собой синтез традиций и искусства и выполняют важную этнодифференцирующую функцию. Тот вариант костюма, который сегодня арбрешши позиционируют как свой этнический, является результатом

объединения отличительных признаков собственной культуры и приобретенных с течением веков новых характеристик под влиянием религиозного фактора.

Для традиционной одежды арбрешей характерны следующие черты: относительная устойчивость основных моделей женского платья, вариативность отдельных элементов внутри комплексов, заимствование предметов одежды в результате длительного межкультурного взаимодействия с представителями доминантной культуры, а также сильное влияние европейской моды на окончательное формирование внешнего облика костюма. В совокупности эти черты представляют этническую специфику арбрешской традиционной одежды, затрудняющую или даже исключаящую в настоящее время какие-либо серьезные инновации.

Несмотря на то что ношение традиционной одежды арбрешей в основном носит ритуальный характер и ограничено во времени и пространстве, в современном контексте ее использование приобретает новый смысл. Арбрешки осознают необходимость сохранения технологий изготовления костюма, поэтому его использование в рекламных целях имеет важный экономический аспект и способствует поддержанию и продвижению традиционных ремесел и текстильного производства. Такой подход позволяет, с одной стороны, сохранять исторический облик костюма, а с другой – поместить его в современный контекст. Вместе с тем музеефикация продолжает оставаться одним из ключевых средств сохранения и защиты арбрешского культурного наследия. Сакральное отношение к такому элементу культуры, как костюм, по-прежнему является главным условием продвижения этнической идентичности арбрешей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диаспоральная группа арбрешей является важным объектом этнолингвистических и антропологических исследований, поскольку на территории Южной Италии и Сицилии представлено активное языковое и культурное взаимодействие, происходившее в прошлом и продолжающееся в настоящее время, требующее всестороннего научного анализа. Исследование арбрешей является актуальной и важной темой в современной этнологии, поскольку эта диаспоральная группа, сохраняющая свои идиомы и культурные особенности на протяжении уже нескольких столетий, начиная с середины XV в., до сих пор не была изучена в полной мере. Перед нами стояла цель выяснить, почему арбреша, находясь в условиях постоянного взаимодействия с итальянской культурой и языком, продолжают сохранять свою этническую идентичность и прочную связь с историческими корнями.

Опираясь в первую очередь на собственные полевые материалы и исследования, которые проводились с 2017 г. по настоящее время, а также архивные данные и работы предшественников, посвятивших себя изучению переселенцев с Балканского полуострова на Аппенины, мы выдвинули гипотезу о том, что ключевыми маркерами этнической идентичности, влияющими на формирование образа «своей» диаспоральной группы, являются язык, византийский богослужебный обряд, традиционная женская одежда и свадебный обряд, включающий все вышеперечисленные составляющие. В ходе диссертационного исследования нам удалось доказать данную гипотезу и прийти к следующим выводам:

1) Язык данной группы исторической диаспоры албанцев по-прежнему остается ключевым маркером идентичности и выполняет этнодифференцирующую функцию. Арбреша видят в своем идиоме систему коммуникации, занимающую значительную часть их языкового пространства, отвечающую за признание внутри сообщества. Для большинства арбрешей

местный диалект албанского языка является предметом гордости и передается из поколения в поколение, несмотря на усилившуюся в последнее время роль италоязычной коммуникации. Представители молодого поколения (до 30 лет) проявляют живой интерес к изучению своего языка, в этом им помогают образовательные учреждения и различные ассоциации. Однако несмотря на введение закона № 482/99 «О защите языковых меньшинств Итальянской Республики» угроза исчезновения арбрешского языка остается актуальной. В настоящее время арбреша сталкиваются с такими проблемами как отсутствие соответствующих образовательных программ в области языка и культурного наследия, недостаток финансирования на национальном и региональном уровнях, стремительно растущая интеграция молодого поколения в итальянское общество. Борясь за свой статус в обществе и собственную идентичность, арбреша решают такие проблемы как повышение уровня знания арбрешского языка и культуры в школах и университетах, создание новых программ и инициатив, направленных на сохранение и развитие арбрешского культурно-языкового наследия, повышение степени участия и представительства арбрешей в политической жизни регионов, а также на национальном уровне, поддержка общин со стороны итальянского и албанского государств и общественности.

2) Византийский обряд является вторым по значимости объединяющим фактором для арбрешей, а борьба за его сохранение носит не только религиозный, но и этнический характер. Многовековое противостояние приверженцев латинской и византийской литургических систем способствовало формированию прочной связи внутри сообщества, основанной на единой вере предков, переселившихся из Юго-Восточной Европы. Следование византийскому обряду демонстрирует привязанность арбрешей к культурному наследию своей прародины и историческую преемственность традиций. Полученные ответы информантов позволяют сделать вывод о том, что арбреша ценят византийский обряд в том числе за его этноидентифицирующую функцию.

Это особая черта, которая отличает их этническую группу от всех остальных и делает их уникальными. Сохранение и передача византийского обряда означает для арбрешей связь с предыдущими поколениями и единение как в рамках каждого отдельного локального сообщества, так и внутри всей диаспоральной группы. Итало-албанская церковь воспринимается арбрешами не только как религиозный, но и социальный и культурный институт, принимающий активное участие в продвижении арбрешской этнической, культурной и религиозной идентичностей.

3) Свадебный обряд становится кульминационной точкой не только в социальной и индивидуальной, но также культурной жизни арбрешей, поскольку объединяет такие ключевые составляющие их этнической специфики как язык, византийский обряд, традиционные костюмы и блюда национальной кухни в одном пространственно-временном континууме. Свадебный обряд дает возможность членам диаспоральной группы объединяться в религиозном плане, поддерживать и укреплять социальные связи, а также транслировать свою этническую и культурную принадлежность как внутри, так и вне сообщества. Особую значимость приобретает чинопоследование обручения и венчания, которое проводится в Итало-албанской церкви в соответствии с византийской традицией и глубоко почитается большинством членов изучаемой диаспоральной группы. Несмотря на сильное влияние европейской культуры, особенно в последние годы глобализации и развития коммуникационных технологий, свадебный обряд арбрешей сохраняет свою структуру и особенности, характерные также для традиционной албанской свадьбы на Балканах. Сближение с Албанией и позиционирование арбрешской идентичности как части общеалбанского самосознания проявляется в использовании на свадьбах традиционной и современной албанской музыки, традиционного албанского мужского костюма (распространенного на Балканах) и блюд арбрешской и албанской кухни. Все эти черты отличают свадебный обряд

арбрешей от других обрядов жизненного цикла и делают его уникальным по отношению к итальянской культуре.

4) Традиционные женские костюмы являются важным средством визуальной самоидентификации арбрешей и отражают их этническую принадлежность. В результате проведенного исследования было установлено, что сегодня арбреши повторно открывают для себя культурную и историческую значимость такого элемента материальной и духовной культуры как костюм. В современном контексте сохранение технологий изготовления традиционной одежды, многочисленные реконструкции утраченных вариантов и отдельных экземпляров, развитие таких новых направлений производства, как пошив детских костюмов, служат инструментом защиты и передачи культурного наследия арбрешей будущим поколениям. Несмотря на то, что полные женские локальные комплексы костюма сохранились не во всех арбрешских поселениях, праздничный и свадебный варианты одежды по-прежнему широко распространены и активно используются представительницами диаспоральной группы по случаю важных мероприятий. Благодаря таким религиозным праздникам как Пасха, многочисленным фестивалям и карнавалам, местным конкурсам и выставкам, арбреши имеют возможность визуализировать свою этническую идентичность посредством костюмов и украшений и тем самым объединяться внутри своего сообщества. Свадебный вариант костюма носит особый сакральный смысл в сознании арбрешей и высоко ценится не только женщинами, но, как показали результаты полевых исследований, и мужчинами. Арбрешские невесты стремятся подчеркнуть свое происхождение, сознательно отдавая предпочтение традиционному комплексу одежды, в котором выходили замуж их матери и бабушки. Несмотря на то что мужские традиционные костюмы были утрачены со временем, арбреши находят новые способы самовыражения, привозя комплексы албанской или греческой одежды с Балкан и тем самым подчеркивая свою общеалбанскую идентичность. В ходе

исследования мы пришли к выводу, что, хотя ношение традиционной одежды арбрешей в основном носит ритуальный характер и ограничено во времени и пространстве, она продолжает жить, трансформируясь и адаптируясь под новые реалии, благодаря чему не теряет своей актуальности и по сей день.

С развитием глобального коммуникативного пространства задача по сохранению своего языкового, исторического и культурного наследия не только в рамках отдельной общины, но также в мировом контексте, решается арбрешами также в современной цифровой среде. Символический капитал, который члены дисапоральной группы конструируют и транслируют, становится важнейшим ресурсом индивидуальных и коллективных идентичностей. Арбрешские сообщества активно поддерживают связь через социальные сети и веб-платформы, что превращает их коммуны в единую общность, где каждый субъект, даже находясь в другом конце мира, может поддерживать культурные традиции своей диаспоры и сохранять чувство идентичности.

Таким образом, наблюдаемая динамика в албаноязычных сообществах Италии отражает сложные процессы социальной и идеологической интеграции, которые должны способствовать сохранению культурной и языковой самоидентификации. Вместе с тем, отсутствие соответствующих образовательных программ в области языка и культурного наследия в большей части арбрешских поселений, экономические трудности, связанные с финансированием, недостаточное представительство арбрешей во властных структурах на региональном и национальном уровнях влияют на стремительно растущую интеграцию арбрешей в итальянское общество с растворением и отказом от своего этнического «я», во многих случаях стирают чувство уверенности в собственной этнической принадлежности, позволяя тем самым превалировать национальной (от понятия «нация») идентичности, и снижают ценность локальных традиций.

Ответ арбрешей на растущие вызовы глобализации культуры заключен в механизмах сохранения собственной этнической идентичности. Активное исследование истории своего сообщества, изучение языка, реконструирование и музеефикация костюмов, участие в религиозной и светской жизни сообщества, поддержание связей с другими общинами и исторической родиной, помогает арбрешам сохранять свою идентичность и культурную память, а также укреплять связи внутри диаспоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Источники

Полевые материалы

1. ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиции в с. Зичишт, краина Корча (Албания). 2014–2015 гг. Свадебная обрядность албанцев и традиционный свадебный костюм. Полевая тетрадь.
2. ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиции в г. Приштина, Косово. 2015 г. Традиционный костюм албанцев Косово. Полевая тетрадь.
3. ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в поселение Пьяна-дельи-Альбанези, провинция Палермо (Сицилия, Италия). 2016–2017 гг. Полевая тетрадь. (информанты – С. Скиро 1988 г. р., Г. Паррино 1990 г.р., Дж. Скиро 1970 г. р. и др.).
4. ПМА 4 – Полевые материалы автора. Удаленный опрос информантов из с. Пьяна-дельи-Альбанези, провинция Палермо (Сицилия, Италия). 2019–2020 гг. (информант – Г. Паррино 1990 г.р.).
5. ПМА 5 – Полевые материалы автора. Интервью, записанные с помощью программ Whatsup, Viber, Zoom в 2020-2021 гг. (информанты – Ф. Паче 1985 г. р., К. Бертини 1991 г.р., Дж. Скиро 1970 г. р. и др.).
6. ПМА 6 – Полевые материалы автора. Интервью, записанные с помощью программ Whatsup, Viber, Zoom в 2022-2023 гг.
7. ПМА 7 – Полевые материалы автора. Экспедиция в поселение Лунгро, провинция Козенца (Калабрия, Италия). 2023 г. Полевая тетрадь. (информанты – Э. Мартино 1963 г.р., И. Хасанлари 1986 г.р. и др.).
8. ПМА 8 – Полевые материалы автора. Результаты удаленного опроса, проведенного с помощью программы Google-forms в 2023-2024 гг.

9. Новик А.А. – Албания. Полевая тетрадь. Интервью, записанные от студентов Пьяна-дельи-Альбанези, принимавших участие в Летней школе по албанскому языку в Университете Тираны в сентябре 2002 г.

Материалы СМИ, интернет-источники

10. Arbereshe di Pana-degli-Albanesi, 2022. [электронный ресурс] URL: <https://youtube.com/@sdm2509?si=bADjbEEpzb69vP4r> (accessed 03.02.2022).

11. Arbëreshët rikthehen në Krujë, 2022. [электронный ресурс] <https://www.oranews.tv/vendi/arbereshet-rikthehen-ne-kruje-kujtohet-555-vjetori-i-clirimit-te-qytetit-i1039385> (accessed 28.04.2022).

12. Bukuria Arbëreshe, 2023. [электронный ресурс] URL: <https://www.cosenzachannel.it/2023/05/13/bukuria-arbereshe-cosenza-papas-lanza/?amp> (accessed 14.06.2023).

13. Chiesa di Aquaformosa, 2022. [электронный ресурс] URL: <http://chiesadiacquaformosa2.altervista.org/sito/news/> (accessed 03.02.2022).

14. Contessa e Palazzo in Guerra, 2010 – Contessa e Palazzo in "guerra" con l'Eparchia di Piana per il trasferimento dei parroci, 2010. [электронный ресурс] URL: <https://www.cittanuove-corleone.net/2010/07/contessa-e-palazzo-in-guerra-con.html?m=> (accessed: 14.06.20).

15. Decreto ministeriale 2021 – Decreto ministeriale del 09/02/1979: Programmi, orari di insegnamento e prove di esame per la scuola media statale. Education and lesser used languages. 1979. [электронный ресурс] URL: http://archivio.invalsi.it/classe-aperta/classe_aperta/documenti/doc05.pdf (accessed: 12.05.2021).

16. Donika Gërvalla Schwarz a Cozenza, 2024. [электронный ресурс] URL: <https://www.provincia.cs.it/portale/portaltemplates/newpro/view/view.cfm?10009> (accessed 22.05.2024).
17. Edi Rama, 2023. [электронный ресурс] URL: <https://www.corrieredellacalabria.it/2023/06/03/edi-rama-alla-comunita-arbereshe-di-lungro-aiutiamoci-gli-uni-con-gli-altri-video/> (accessed 14.06.2023).
18. Eparchia di Lungro, 2022. [электронный ресурс] URL: <http://www.eparchialungro.it> (accessed 03.02.2022).
19. Eparchia di Pana-degli-Albanesi, 2022. [электронный ресурс] URL: <https://www.eparchiapiana.org>. (accessed 03.02.2022).
20. Guzzardi, 2004 – Arberia. Mappa. [электронный ресурс] URL: <http://www.guzzardi.it/arbaeria/mappa/mappa.htm> (accessed: 19.04.2024).
21. Il cugliaccio degli sposi, 2016. [электронный ресурс] URL: <https://foodfilebasilicata.blogspot.com/2016/09/il-matrimonio-arberesh-e-il-cugliaccio.html> (accessed: 20.06.2023).
22. Il mostacciolo di Spezzano Albanese, 2022. [электронный ресурс] URL: <https://www.ocnal.com/2022/06/mostacciolo-typical-arberesh-wedding.html> (accessed: 20.06.2023).
23. INSTAT, 2001 – Migracioni në Shqipëri në vitin 2001 Tiranë: Instituti i Statistikës. [электронный ресурс] URL: www.instat.gov.al/media/3117/migracioni_n_shqipri.pdf (accessed: 10.05.2021).
24. ISTAT, 2001 – Annuario statistico italiano 2001. [электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/44361/annuario_statistico_italiano_2001.pdf (accessed: 10.05.2021).

25. ISTAT, 2023 [электронный ресурс] URL: <https://www.tuttitalia.it/statistiche/cittadini-stranieri/albania/> (accessed: 10.05.2021).
26. La Pasqua Arbëreshe di Piana-degli-Albanesi. Edizione 2024 con ospiti internazionali [электронный ресурс] URL: <https://www.giornalelora.it/la-pasqua-arbereshe-di-piana-degli-albanesi-edizione-2024-con-ospiti-internazionali/> (accessed 22.05.2024).
27. Legge 15 Dicembre 1999, № 482: Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche. [электронный ресурс] URL: <https://www.parlamento.it/parlam/leggi/994821.htm> (accessed 25.12.2020).
28. Masseria Rossella, 2023. [электронный ресурс] URL: <https://www.masseria-rossella.com/en/> (accessed 24.06.2023).
29. Ministero dell'Interno, 2002 – Gli Arbëreshe in Italia. Cultura ed immagini della minoranza linguistica storica. Roma: Direzione centrale per i diritti civili, la cittadinanza e le minoranze, Dipartimento per le libertà civili e l'immigrazione, Ufficio minoranze, 2002. [электронный ресурс] URL: http://www.interno.it/mininterno/notizie/minoranze/notizia_17969.html_194914769.html (accessed: 25.12.2020).
30. Ministero dell'Istruzione, dell'Università e della Ricerca. Piano di interventi e di finanziamenti per la realizzazione di progetti nazionali e locali nel campo dello studio delle lingue e tradizioni culturali degli appartenenti ad una minoranza linguistica. [электронный ресурс] URL: <https://www.miur.gov.it/documents/20182/2432359/prot+499+del+14+gennaio+2020.pdf> (accessed 16.03.2021)

31. Miss Pacchiana, 2021. [электронный ресурс] URL: <https://www.corrieredellacalabria.it/2021/08/25/san-giovanni-in-fiore-il-27-agosto-la-nuova-edizione-di-miss-pacchiana/> (accessed: 10.05.22).
32. Moti i madh, 2020. [электронный ресурс] URL: <http://www.fondazioneuniversitariasolano.it/notizie-ed-eventi/moti-i-madh-il-tempo-grande-i-riti-arbereshe-della-primavera-proposta-di-candidatura-unesco/> (accessed: 10.07.2021).
33. Oriente Cristiano, 2022. [электронный ресурс] URL: <http://www.orientecristianopiana.it/> (accessed 03.02.2022).
34. Presidenti Begaj, 2023. [электронный ресурс] URL: <https://abcnews.al/begaj-vizite-zyrtare-neser-ne-itali-pritet-te-takohet-memattarellen-dhe-komunitetin-arberesh/> (accessed 14.06.2023).
35. Pro-Loce, 2020. [электронный ресурс] URL: <https://www.prolocopianadeglialbanesi.com> (accessed 05.10.2020).
36. Tarallo della sposa, 2020. [электронный ресурс] URL: https://www.alsia.it/opencms/opencms/agrifoglio/agrifoglio_online/dettaglio/articolo/Il-Tarallo-della-sposa-di-San-Paolo-Albanese-tra-tradizione-e-ritualita/ (accessed 20.06.2023).
37. Un nuovo contrasto, 2009 – Un nuovo contrasto tra le chiese di rito greco e latino, 2009. [электронный ресурс] URL: <https://www.jemi.it/index.php/notizie/188--sp-498/1069-un-nuovo-contrasto-tra-le-chiese-di-rito-greco-e-latino> (accessed: 14.06.20).

Другие источники

38. Желтов М. Брак и Евхаристия. История православного чина венчания [электронный ресурс] URL: https://vk.com/@aps_orthodox-brak-i-evharistiya (дата обращения: 15.07.2021)
39. Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: Скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. 2005. [электронный ресурс] URL: https://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html (дата обращения: 25.09.2024)
40. Католическая Энциклопедия. Том 1. Буквы А–З. Москва, 2002. [электронный ресурс] URL: <https://rus-katolic-enc.slovaronline.com> (дата обращения 30.05.2020)
41. Католическая Энциклопедия. Том 2. Буквы И–Л. Москва, 2005. [электронный ресурс] URL: <https://rus-katolic-enc.slovaronline.com> (дата обращения 30.05.2020)
42. Мотта Дж. Этнические меньшинства и регионализм в Италии // Вестник Европы. 2018. № 50. [электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2018/50> (дата обращения: 29.08.2021).
43. Осадчая Г.И., Погосян Г.А., Лескова И.В., Юдина Т.Н., Киреев Е.Ю. Феномен диаспоры: анализ современного состояния через призму исследований в данной области // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021 № 2, Том 12. [электронный ресурс] URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK221.pdf> (дата обращения: 24.09.2024).
44. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том 1. Москва: Возрождение, 1992. 1–1120 стб. 1121–2464 стб. Pdf.
45. Biblioteca Comunale di Piana degli Albanesi. Piana degli Albanesi / Hora e Arbëreshëvet. Palermo: Officine Grafiche Riunite, 2000.

46. Consiglio Nazionale delle Ricerche, provincia di Torino. Studio antropologico della comunità arbëreshe della provincia di Torino (a cura di Antonio Tagarelli). Torino: Edizioni Librarie, 2004.
47. Dossier N 302. Carta europea delle lingue regionali e minoranze linguistiche, a cura di L. Borsi, XVIII legislatura di ufficio ricerche sulle questioni istituzionali, sulla giustizia e sulla cultura, 2020. P. 54.
48. Jeta arbreshe. Revistë online e Shoqatës Kulturore “Jeta Arbëreshe” Ejaninë / Eianina (Cs-Italia). 2021. № 92. Pdf.
49. Jeta arbreshe. Revistë online e Shoqatës Kulturore “Jeta Arbëreshe” Ejaninë / Eianina (Cs-Italia). 2022. № 93. Pdf.
50. Jeta arbreshe. Revistë online e Shoqatës Kulturore “Jeta Arbëreshe” Ejaninë / Eianina (Cs-Italia). 2023. № 94. Pdf.
51. Manuale 1971. Manuale per i deputati. Palermo: Assambla Regionale siciliana, 1971.
52. Matranga V. Arbëreshë, Versione 2 // Korpus im Text, Serie A, 12805. 2019. [электронный ресурс] URL: <http://www.kit.gwi.uni-muenchen.de/?p=12805&v=2> (accessed: 20.12.2020).
53. Siragusa C. Il matrimonio arbëresh a Piana degli Albanesi. Tradizione e innovazione. Università degli studi di Palermo. Facoltà di lettere e filosofia. Matricola № 0434460. Palermo. 2009.

Литература

54. Авдашкин А.А. Феномен диаспоры: Методологические основы научного исследования. Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2 (357). Вып. 62. С. 131-137.

55. Акимова И.А. СМИ как фактор формирования идентичности личности в обществе // Сервис плюс. 2009. № 1. С. 10-14.
56. Алфеев Г.В. (Митрополит Иларион) Храм и икона, таинства и обряды, богослужение и церковная музыка // Православие. Т. 2. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 975 с.
57. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. Москва, 2001. 288 с.
58. Андреева Р.П. Энциклопедия моды. Санкт-Петербург: Литера, 1997. 416 с.
59. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. Москва, 1989. 247 с.
60. Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74-78.
61. Арш Г.Л., Иванова Ю.В., Колпакова О.А., Смирнова Н.Д. Краткая история Албании: с древнейших времен до наших дней / под ред. Г.Л. Арша. Москва: Наука, 1992. 512 с.
62. Аствацатурова М.А. Современные диаспоры: Сложности теоретического осмысления // Этнические проблемы современности. 2001. Вып. 7. С. 41-46.
63. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление: На материалах Северо-Кавказского региона: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02 / Аствацатурова, Майя Арташесовна. Москва, 2003. 530 с.: ил.
64. Москва, 2003. 530 с.

65. Багаева А.В. Гибридная самоидентичность: итог совместимости несоединимого // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 10. С. 31-34.
66. Баранова В.В. Язык и этническая идентичность. Урумы и румеи Приазовья. Москва: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 287 с.
67. Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка / Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко. Москва: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. 204 с.
68. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва: Academia, 2004. 788 с.
69. Белоруссова С.Ю. Киберэтнография: методология и технология // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 123-145.
70. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 323 с.
71. Богословская И.В. Национальный костюм – национальное самосознание. Проблемы науки о costume // Этнографическая наука и этнокультурные процессы. Способы взаимодействия. Санкт-Петербург, 1993. С. 85-96.
72. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. Москва: Наука, 1987. 333 с.
73. Буджак: историко-этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины. Книга для чтения / Ред.: А.И. Киссе, А.А. Пригарин, В.Н. Станко. Одесса: PostScriptum-СМИЛ, 2014. 744 с.

74. Будина О.Р. Этнокультурная ситуация в Приазовье: (По материалам болгарских и албанских селений начала 1970-х и 1980-х годов) // Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде. Москва, 1989. С. 78-104.
75. Будина О.Р. К проблеме миграции в Россию: особенности культурно-бытовых традиций у потомков балканских мигрантов // История. Культура. Этнология: докл. российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы (Салоники, сентябрь 1994 г.) / В.Н. Виноградов (отв. ред.), Л.В. Заборовский. Москва: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 198-206.
76. Будина О.Р. Научный отчет об экспедиционной работе Приазовского отряда в 1973 г. // Итоги полевых исследований / отв. ред. З.П. Соколова. Москва: ИЭА РАН, 2000. С. 249-255.
77. Бурдые П. Практический смысл. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 562 с.
78. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
79. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка. Санкт-Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия»; Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
80. Вишневецкий А.Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 115-130.
81. Володина Е.Б. Материаловедение: дизайн, архитектура. Т. 1. Москва: ИНФРА-М, 2022. 308 с.

82. Воронков В., Освальд И. Конструирование этничности: формирование этнических общин Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1998. 304 с.
83. Геллнер Э. Нации и национализм / ред. и послесл. И.И. Кручинина. Москва: Прогресс, 1991. 320 с.
84. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Москва, 2004. 115 с.
85. Голо Бордо (Gollobordë), Албания: из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / ред. А.Н. Соболев, А. А. Новик. Санкт-Петербург: Наука, 2013. 272 с.
86. Головнев А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2020. 280 с.
87. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. Москва: Наука, 2003. 763 с.
88. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Москва, 1992. 314 с.
89. Делягин М.Г. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. Москва, 2002. 302 с.
90. Державин Н.С. Из исследований в области албанской иммиграции на территории бывшей России и УССР // Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесет годишнината от рождението му (1863–1933) / под ред. На Ст. Романски. София, 1933. С. 504-512.
91. Державин Н.С. Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР // Советская этнография. № 2. 1948. С. 156-169.

92. Десницкая А.В. Албанский язык и его диалекты. Ленинград: Наука, 1968. 380 с.
93. Десницкая А.В. К изучению албанского свадебного фольклора // сборник статей памяти В.М. Жирмунского. Москва; Ленинград, 1973. С. 369-385.
94. Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49-58.
95. Дятлов В.А. Диаспора: Попытка определиться в термине и понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8-23.
96. Жечева А.С., Серебрянникова Н.И. Албанцы // Буджак: историко-этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины: Книга для чтения / Ред.: А.И. Киссе, А.А. Пригарин, В.Н. Станко. Одесса: PostScriptum-СМИЛ, 2014. С. 171-190.
97. Иванова Ю.В. Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде (на примере албанских поселений на юге Украины в XIX–XX вв.) // СЭ. 1981. № 4. С. 95-107.
98. Иванова Ю.В. Албанцы // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Москва: Наука, 1988. С. 50-56.
99. Иванова Ю.В. Албанские села в Приазовье. Этнографические наблюдения за пятьдесят лет // Итоги полевых исследований / отв. ред. З.П. Соколова. Москва: ИЭА РАН, 2000. С. 40-53.

100. Иванова Ю.В., Маркова Л.В. Этнографические заметки о болгарях и албанцах Северного Приазовья (по материалам экспедиций 1993–1994 гг. в Приморский и Приазовский районы Запорожской области Украины) // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН – 2002 / отв. ред. З.П. Соколова. Москва: Наука, 2004. С. 102-117.
101. Иванова Н.Л. Социальная идентичность в различных социокультурных условиях / Н.Л. Иванова // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 65-76.
102. Иващенко А. Состояние христианской церкви и христианского населения Сицилии под властью мусульман // Духовный вестник. Том XVI. Харьков 1867. Pdf.
103. Казьмина О.Е. Христианство в современном мире: учебное пособие. Москва: ИНФРА-М, 2021. 240 с.
104. Калашникова Н.М. Народный костюм (семиотические функции). Москва: Сварог, 2002. 372 с.
105. Киссер Т.С. Виртуальная идентичность российских немцев // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 64-84.
106. Киш Э. Философия глобализации // Век глобализации. 2010. № 2. С. 16-32.
107. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах / Под ред. В.А. Тишкова. Москва: Наука, 1994. С. 58-59.
108. Кондратьева Т.К. К вопросу о понятии «диаспора»: Дискуссия в научном сообществе // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 4. С. 17-43.

109. Коровушкин Д.Г. Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX – начале XXI в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07 / Коровушкин Дмитрий Георгиевич; [Место защиты: ИАЭТ СО РАН. Новосибирск, 2009. 698 с.: ил.
110. Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 48-58.
111. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Этническая идентичность, статус группы и тип расселения как факторы межгрупповой интолерантности // Психологический журнал. 2005. № 3. С. 51-64.
112. Липская В.М. Психология и социология костюма. Учебное пособие. Санкт-Петербург: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2016. 126 с.
113. Майкидис А.А. Мандрица (Бележки – Спомени – Традиции). Солун, 1972. 180 с.
114. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. Москва: Книжный дом «Университет», 2005. 318 с.
115. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX начала XX в. Москва: Наука, 1984. 215 с.
116. Милитарев А.Ю. О содержании термина «диаспора» (К разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 24-33.
117. Митрополит Иларион. Таинства и обряды, богослужение и церковная музыка // Православие. Т. 2. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 975 с.

118. Новик А.А. Украшения арбрешей Италии // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. / отв. ред. Е.Г. Федорова. Вып. 2011 г. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2011. С. 133-154.
119. Новик А.А. Свадьба в Голоборде / Голо Бордо: этнолингвистические наблюдения в Восточной Албании // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Выпуск 13 / Под редакцией Е.Г. Федоровой. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2013. С. 66-87.
120. Новик А.А. Женский традиционный костюм албанцев села Мандрица в Болгарии: материалы экспедиции 2014 г. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2015. Вып. 15. С. 139-161.
121. Новик А.А. Арбнеши Задара: к проблеме изучения групп албанской диаспоры в современной Европе // Перспективы этнологической / антропологической европейстики в России. Симпозиум: тезисы докладов. Москва, 1 ноября 2016 г. (Prospects for Ethnological / Anthropological Approach of European Studies in Russia. Symposium: abstracts. Moscow, 1 November 2016). Москва: ИЭА РАН, МАЭ РАН, МГУ, 2016. С. 28-29.
122. Новик А.А., Бучатская Ю.В., Ермолин Д.С., Дугушина А.С., Морозова М.С. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / отв. редактор А.А. Новик. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2016. Часть I. Т. 1. 912 с.
123. Новик А.А., Бучатская Ю.В., Ермолин Д.С., Дугушина А.С., Морозова М.С. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / отв. редактор А.А. Новик. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2016. Часть I. Т. 2. 672 с.
124. Норвич Дж. История Сицилии. Москва: Издательство АСТ, 2018. 384 с.

125. Норвич Дж. Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание. 1016-1130. Москва: Центрполиграф, 2015. 386 с.
126. Орлова Э.А. Концепция стиля культурного наследования в изучении социокультурной динамики // Стиль наследования культуры: сб. науч. ст. Москва: ГАСК, 2009. С. 25-37.
127. Паин Э.А. Этничность, нация и политика: критические очерки по этнополитологии. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 392 с.
128. Паренти С. К вопросу об истории локальных традиций чинов таинств по византийскому Евхологию // Материалы V Международной Богословской Конференции Русской Православной Церкви «Православное учение о церковных таинствах. Том III: Брак. Покаяние. Елеосвящение. Таинства и тайнодействия (Москва 13–16 ноября 2007)» / науч. ред. М. Желтов. Москва: Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. С. 332-346.
129. Паче Б. Варвары и византийцы на Сицилии // Сицилийский исторический архив, Новая серия, XXXV / Перевод с итальянского В.Г. Изосина. Палермо, 1920. С. 33-80, 293-324.
130. Пентковский А.М. Рецепция константинопольского чинопоследования брака в Южной Италии, на Балканах и на Руси в X–XV вв. // Россия – Италия: этико-культурные ценности в истории / ред. М.Г. Талалай. Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. С. 125-139.
131. Плужников В.И. Термины российского архитектурного наследия: Словарь-гlossарий. Москва: Искусство, 1995. 160 с.
132. Покаяние. Елеосвящение. Таинства и тайнодействия (Москва 13–16 ноября 2007) / науч. ред.: Желтов М., Москва: Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. С. 332-346.

133. Попков В.Д. «Классические» диаспоры: К вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6-22.
134. Попова М.П. Сохранение идентичности у арберешей – исторического этноязыкового меньшинства в Италии. Москва: Изд-во Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН, 2016. С. 224-233.
135. Пригарин А.А., Кузьмина С.Б. Этнокультурные группы Буджака в исторической динамике // Буджак: историко-этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины: Книга для чтения / Ред.: А.И. Киссе, А.А. Пригарин, В.Н. Станко. Одесса: Post-ScriptUm-СМИЛ, 2014. С. 146-168.
136. Радченко Д.А. The big, the thick and the rotted: антропология и цифровые данные // Антропологический поворот в фольклористике. Материалы XX Международной школы по фольклористике и культурной антропологии / сост.: Н.С. Петрова, О.Б. Христофорова, М.С. Суханова. Москва: РГГУ, 2020. С. 79-82.
137. Робертсон Р. Восточные христианские церкви // Церковно-исторический справочник. Санкт-Петербург: Высшая религиозно-философская школа, 1999. 196 с.
138. Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 64-73.
139. Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке // Институт всеобщей истории. Москва: Наука, 2003. 431 с.
140. Смирнова Т.Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07 / Смирнова Татьяна Борисовна; [Место

защиты: Ин-т археологии и этнографии РАН]. Омск, 2009. 460 с.: ил. РГБ ОД, 71 10-7/73.

141. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. Москва: Смысл, 1998. С. 40-63.

142. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности // Этническая психология и общество. Москва: Старый Сад, 1997. С. 97-104.

143. Сулоева М.А. Арбреши Италии: язык и этническая идентичность // Кунсткамера. 2022. № 2 (16). С.178-194.

144. Сулоева М.А. Репрезентация кулинарного кода арбрешей Италии на примере традиционного рождественского меню // Традиционная культура. 2022. Т. 23. № 3. С. 161-171.

145. Сулоева М.А. Роль и функционирование традиционной женской одежды арбрешей Италии в современном социокультурном пространстве // Вестник антропологии. 2020 № 4 (52). С. 45-64.

146. Сулоева М.А. Роль Итало-албанской церкви и функция византийского обряда в конструировании идентичности арбрешей Сицилии // Вестник антропологии. 2021. № 2 (54). С. 44-60.

147. Сулоева М.А. Традиционные женские головные уборы Катандзаро и Козенцы: заимствования и этническая самобытность // Вестник антропологии. 2022. № 4. С. 164-181.

148. Сулоева М.А. Язык как отражение этнической идентичности арбрешей Италии // Язык как ресурс идентичности в Европе: антропологическое

исследование / отв. ред. М. Ю. Мартынова. Москва: ИЭА РАН, 2022. С. 294-320.

149. Сулоева М.А., Скиро С. Полевая работа на Сицилии: актуальные темы и специфика удаленного исследования // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И.В. Нам. Москва; Томск: ИЭА РАН, НИ ТГУ, 2021. С. 592.

150. Сулоева М.А., Скиро С. Традиционный женский костюм арбрешей Италии в контексте современной культуры // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред. М.Ю. Мартынова. Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 458-459.

151. Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. Краткий очерк. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 111 с.

152. Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / под ред. М.Б. Оллокот, В. Тишкова, А. Малашенко. Москва: Московский центр Карнеги, 1997. С. 15-44.

153. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. / Под ред. Ю.А. Полякова. Москва, 2001. С. 9-44.

154. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. Москва: Наука. 2003. 544 с.

155. Тишков В.А. Образ страны и национальная идентичность // Пленарное заседание «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры» (X Международные Лихачевские научные чтения, 13-

14 мая 2010 года: доклады, Том 2). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2009. С. 139-142.

156. Тишков В.А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; ИЭА РАН. Москва: Политическая энциклопедия, 2016. 384 с.

157. Тлостанова М.В. Множественная идентичность в контексте концепции транскulturации // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12. № 4. С. 142-156.

158. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 33-42.

159. Узенёва Е.С. Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. Москва: Индрик, 2010. 280 с.

160. Фаис-Леутская О.Д. Сицилийцы: этническое меньшинство или особая этническая общность? (к вопросу об идентичности сицилийцев) // Европа меньшинств – меньшинства в Европе: Этнокультурные, религиозные и языковые группы / отв. ред. и составители М.Е. Кабицкий, М.Ю. Мартынова. Москва: ИЭА РАН, 2016. С. 271-301.

161. Фаис-Леутская О.Д. К вопросу о современном состоянии антропологии питания // Этнографическое обозрение. 2019. № 2. С. 5-16.

162. Фаис-Леутская О.Д. Еврейская кухня и традиционная локальная система питания на Сицилии: контакты, влияния и взаимовлияния. Этнография. 2020. № 2 (8). С. 24-41.

163. Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 124 с.
164. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. Москва: Наука, 1985. 271 с.
165. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162-184.
166. Щедрина И.О. Идентичность в цифровом пространстве: нарратив между когнитивным и экзистенциальным // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023. №3 (65). С. 124-129.
167. Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. Москва: Прогресс, 1996. 344 с.
168. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. №1. С. 35-51.
169. Ackermann A. Das virtuelle Universum der Identität. Überlegungen zu einer Ethnologie des Cyberspace // Die offenen Grenzen der Ethnologie. Schlaglichter auf ein sich wandeln des Fach / Hrs. S.M. Schomburg-Scherff, B. Heintze. Frankfurt am Main, 2000. S. 276-290.
170. Ahearn L.M. Living Language: An Introduction to Linguistic Anthropology. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. 348 p.
171. Albamonte L.M. I costumi arbresche // L'età dell'eleganza, un percorso demoetnoantropologico attraverso i tessuti, decorazioni e ricami calabresi nell'Ottocento (a cura di Pietro Frappi). Cozenza: Luigi Pallegri Editore, 2017. P. 12-16.
172. Alberti K. L'anima della Calabria. Catanzaro: Rubbettino, 2007. 349 p.

173. Altimari F. Comportamento linguistico e condizionamenti socioculturali nella situazione plurilingue di un'area albanofona della Calabria. *Guzzetta*, 1983. P. 51-74.
174. Altimari F. L'albanese in ambito scolastico arbëresh: alcune questioni poste dalla didattica di una lingua minoritaria // *Convegno Minoranze linguistiche e Italiano L2 in area abruzzese e molisana. Tra sociolinguistica e glottodidattica* / eds. C. Consani, P. Desideri. Pescara, Italy, 6–8 April 2005. Roma: Carocci, 2007. P. 73-84.
175. Altimari F. Le comunità albanesi e la legge di tutela delle minoranze linguistiche storiche: alcune buone esperienze realizzate in ambito istituzionale // *Atti del convegno "Politiche linguistiche dell'Unione Europea"*, Messina, 1 dicembre, 2006 / a cura di L. Abbate. Edizioni dell'Orso: Alessandria, 2008. P. 43-51.
176. Altimari F. Lesilio della parola. La minoranza linguistica albanese in Italia. Profili storico-letterari, antropologici e giuridico-istituzionali / a cura di F. Altimari. Bolognari. P. Carrozza. Cap. I. Pisa: ETS, 1986. P. 1-31.
177. Altimari F. Mësimdhënia e gjuhës minoritare në realitetin gjuhësor arbëresh. *Kerkime universitare*. No. 5. Provincia di Torino: Torino, 2002. P. 17-27.
178. Appel R. *Language Contact and Bilingualism* / R. Appel, P. Muysken. Amsterdam: University Press, 2005. 228 p.
179. Argondizza A. Il rito greco nell'Italia meridionale // *Lajme*, Vol. 1. Corigliano, 2004. P. 13-22.
180. Armstrong J.A. Mobilized and proletarian diasporas // *American political science review*. 1976. Vol. 70, № 2. P. 393-408.

181. Baffa A.M. Libri im i parë. Trento: M.A.B. Editrice, 2003. 80 p.
182. Baldi B., Savoia L. L'identità come mezzo di (de)legittimazione: procedure linguistiche e pragmatiche nel discorso politico // in Benedetta Baldi (a cura di), La delegittimazione politica nell'età contemporanea, vol. II, Parole nemiche: teorie, pratiche e linguaggi. Roma: Viella, 2017. P. 287-338.
183. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Long Grove: Waveland Press, 1998. 153 p.
184. Bavasso N. Ungra katund i Arbërisë. Lungro: Masino, 2014. 29 p.
185. Bellusci A. La parrocchia Bizantina "SS. Maria Assunta" di Frascineto: storia, rito, cronaca, letteratura 1490–2009. Frascineto: Centro Ricerche G. Kastriota, 2008. 145 p.
186. Bellusci A. Antologjia Arbëreshe. Frascineto: Centro Ricerche G. Kastriota, 2009. 307 f.
187. Bellusci A., Radovicka O. Rrugëtim në ngulimet arbëreshe: 50 kartolina gjigante arbërore në tokën italiane. Tiranë: Oendra e Studimeve dhe Publikimeve për Arbëreshet, 2020. 450 f.
188. Bellusci C. Il costume tradizionale di Plataci // Ori e costumi degli albanesi, Vol. II, Castrovillari: Il Coscile, 1996. P. 539-540.
189. Bellusci C., D'Agostino F. Dizionario illustrato italiano-arbërisht-shqip. Storia e lingua albanese di Acquafredda, Civita, Ejanina, Firmo, Frascineto, Lungro, San Basile e dell'Albania. Vol. I. Collana: Minoranze Linguistiche. Montalto Uffugo: Edizioni Orizzonti Meridionali, 2006. 266 p.
190. Belluschi D. Il costume Albanese; simbolo di identità // Lidhja № 4. Cosenza: Frascineto, 1981. P. 2-3.

191. Belluscio G. Albanian in the Albanian Communities in Italy // Teacher Training of Minority Languages for Primary and Secondary Education / ed. A. Dekkers. Mercator Education, vol. II. 1995. P. 443-462.
192. Belluscio G., Lentini V. La minoranza linguistica italo-albanese: Aspetti educativi e culturali. Catanzaro: IRRE Calabria, 2002. P. 128-141.
193. Belluscio G. Albanian: the Albanian Language in Education in Italy (Regional Dossiers Series). Ljouvert: Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning, 2010. 74 p.
194. Berruto G. Main Topics and Findings in Italian Sociolinguistics // International Journal of the Sociology of Language. 1989. Vol. 76. P. 7-30.
195. Berruto G. Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo. Roma: La Nuova Italia scientifica, 1987. 218 p.
196. Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation // Applied psychology: An international review. 1997. Vol. 46 (1). P. 5-34.
197. Billig M. Banal nationalism. London: Sage publication, 1995. 200 p.
198. Birken-Silverman G. La lingua come valore simbolico ed espressione dell'identità: l'uso e la struttura lessicale dell'arbëresh in Calabria // in Paola Radici Colace (a cura di), Le minoranze linguistiche in Calabria: proposte per la difesa di identità etnico-culturali neglette, Atti del I Convegno Internazionale (C.S.R.D.C., Locri, Palazzo Nieddu, 5-7 giugno 1998). Arti Grafiche Edizioni, 2000. P. 37-55.
199. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction / Oxford, Pergamon, 1982. P. 5-44.
200. Bolognari M. L'insegnamento scolastico dell'arbëresh // Il silenzio della tradizione. Caltanissetta-Roma: Sciascia, 1978. P. 45-86.

201. Bolognari M. Alcuni problemi culturali di una legislazione sulle minoranze linguistiche // Ati del IX Congresso Internazionale di Studi Albanesi. Palermo, 1983. P. 43-50.
202. Bolognari M. Profili antropologici // La minoranza linguistica albanese in Italia. Profili storico-letterari, antropologici e giuridico-istituzionali / a cura di F. Altimari, M. Bolognari, P. Carrozza. Pisa: ETS Editrice, 1986. P. 34-113.
203. Bolognari M. Diaspora e cultura della migrazione. Arbëreshë di Calabria dall'esodo al ritorno simbolico // La Calabria dei migranti. 2014. № 2. P. 11-22.
204. Bregasi M. The socioeconomic role in linguistic and cultural identity preservation – the Albanian case in Italy // Palaver. 2020. Vol. 9, №. 1. P. 221-250.
205. Brewer M., Campbell D.T. Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence. N.Y.: Sage, 1976. 218 p.
206. Brokaj M. The Acculturation and Ethnic Identity of the Albanian Immigrants in Italy // European Journal of Social Sciences. 2018. Vol. I.1. P.13-20.
207. Brubaker R. Accidental diasporas and external «homelands» in Central and Eastern Europe: Past and present. Wien., 2000. 19 p.
208. Brunetti C. Dalla negazione al riconoscimento. La condizione giuridica delle minoranze linguistiche. Ist. Mezzogiorno Mediterraneo, 2005. 236 p.
209. Bruno V. Alfabetizzazione arbëreshe. Vol. 1 & 2. AIADI. Torino: Il Capitello, 2000. 64 p.
210. Bugliari G. Elementi sociali e di vita religiosa della comunità italoalbanese nella città di Torino // Studio antropologico della comunità arbëreshe della provincia di Torino / A cura di Antonio Tagarelli. Istituto di Scienze Neurologiche Consiglio Nazionale delle Ricerche Mangone (Cosenza), 2003. P. 67-77.

211. Bugliari G. Perché Arberesh Piemonte // *Arberesh Piemonte*, 1989, P. 3-5.
212. Camai M. Il bilinguismo nelle oasi linguistiche albanesi dell'Italia meridionale // *Bilinguismo e diglossia in Italia*, Centro Studi per la Dialettologia Italiana, Pisa: Pacini Editore, 1974. P. 5-13.
213. Camai M. La parlata arbereshe di San Costantino Albanese in provincia di Potenza. Centro Universitario Librario dell'Università della Calabria: Rende, 1993. 154 p.
214. Camarda D. Saggio de grammatologia comparata sulla lingua albanese. Livorno: Successore di Egisto Vignozzi, 1864. 350 p.
215. Campbell L., Muntzel M.C. The structural consequences of language death // Nancy Dorian (ed.), *Investigating obsolescence: studies in language contraction and death*. Cambridge: CUP, 1989. P. 181-196.
216. Cardamone L. *Zëmi e xëmi*. Lungro: Marco Editore, 2005. 83 p.
217. Caridi G. *Popoli e terre di Calabria nel Mezzogiorno moderno*. Soveria Mannelli: Rubettino, 2001. 240 p.
218. Carletto G., Davis B., Stampini M., Zezza A. *Lëvizja e brendshme dhe migracioni ndërkombëtar në Shqipëri (Internal Mobility and International Migration in Albania)*. Romë: FAO, ESA, 2004. F. 4-13.
219. Chiamonte Z. Simbole të krahasuara te brezi arbëresh i nuses // *Seminari Ndërkombëtar për Gjuhën, letërsinë dhe Kulturën Shqiptare* № 26/2. Prishtinë, 2008. P. 65-76.
220. Clifford, J. *Diasporas* // *Cultural Anthropology*. 1994. Vol. 9. № 3. P. 302-338.

221. Cohen, R. *Global Diasporas. An introduction (Second edition)*. Routledge: Taylor & Francis Group, 2008. 219 p.
222. Colombo A., Sciortino G. *Gli immigranti in Italia*. Il Mulino, 2004. 257 p.
223. Connor W. *The impact of homelands upon diasporas // Modern diasporas in international politics / Ed. by Sheffer G. New York, 1986. 349 p.*
224. Çabej E. *Storia linguistica e struttura dialettale dell'abanese d'Italia // I dialetti italo-albanesi. Studi linguistici e storico-culturali sulle comunità arbëreshe*. F. Altimari e L.M. Savoia. Roma: Bulzoni, 1994. P. 85-105.
225. De Micheli G. *La comunità arbëreshë di Villa Badessa oggi: Le eredità del passato come risorsa per il futuro*. Chieti-Pescara: Università degli "Studi "G. d'Annunzio", 2011. 120 p.
226. Demiraj Sh. *L'importanza delle parlate arbëreshe d'Italia per la storia della lingua albanese // I dialetti italo-albanesi, a cura di F. Altimari e L.M. Savoia*. Roma: Bulzoni Editore, 1994. 230 p.
227. Dorian N. C. *Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect*. University of Pennsylvania Press, 1981. 256 p.
228. Di Marco P. *Festa religiosa e tradizioni alimentari. Esempi Mediterranei // IV Congresso Europeo di Studi Medievali*. Palermo: Officina di Studi Medievali, 2009. P. 1-12.
229. Di Miceli F. *Identità e autoidentità albanese: il mito di Skanderbeg // Miti e Kultura Arbëreshe*. Palermo: Carlo Saladino Editore, 2007. P. 3-11.
230. Di Natale M.C. *Gioielli di Sicilia*. Palermo: Flaccovio, 2000. 223 p.

231. Di Sparti A. Diaspora nel televisivo: lingue minoritarie e massmedia (Atti del IX Congresso Internazionale di Studi Albanesi). Palermo, 1981. P. 177-278.
232. Diamandaki K. Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace // *Global Media Journal*. 2003. № 2. P. 3-14.
233. Dragoti E., Ismaili E. Albanian Internal and International Migration // UBT International Conference. University of Business and Technology in Kosovo, 2018. P. 1-12.
234. Duranti A. *Linguistic Anthropology* Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 398 p.
235. Eicher, B.J. The Anthropology of Dress // *Dress: The Journal of the Costume Society of America*. 2000. Vol. 27. P. 59-70.
236. Elmo I. *Ori e Costumi degli Albanesi*. Vol. I-II. Castrovillari: Il Coscile, 1995. 698 p.
237. Elmo I., Kruta E. *Ori e Costumi degli Albanesi*. Vol. I. Castrovillari: Il Coscile, 1996. 695 p.
238. Elli A. *Breve storia delle Chiese cattoliche orientali* (II Ed). Terra Santa, 2017, 400 p.
239. Emmanuele D. *Arberia: storia, cultura e folklore*. Castrovillari: Galasso, 1988, 260 p.
240. Esman M.J. Diasporas a. international relations // *Modern diasporas in international politics* / Ed. by Sheffer G. York, 1986. P. 333-349.
241. Fagone V. *Arte popolare e artigianato in Sicilia: Repertorio dell'artigianato siciliano* // *Unione delle Commercio Industria ed Agricoltura della Regione*

Siciliana. / A cura di Vittorio Fagone. Rome: Salvatore Sciascia Editore, 1966. 140 p.

242. Ferguson Ch. A. Diglossia // Word. 1959. Vol. 15, № 2. P. 325-340.

243. Fico A. Kërkime folklorike në krahinën e Zagorisë // Buletin i universitetit shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqerore. Tiranë: MIHAL DURI, 1961. F. 155-162.

244. Fishman J. Bilingualism with and without diglossia, diglossia with and without bilingualism / J. Fishman // Journal of Social Issues. 1967. № 23 (2). P. 29-38.

245. Fishman J. Language in Sociocultural Change. Standford: Standford University Press, 1972. 375 p.

246. Fought C. Language and Ethnicity. New York: Cambridge University Press, 2006. 249 p.

247. Frappi P. L'età dell'eleganza: il periodo storico // L'età dell'eleganza un percorso demoetnoantropologico attraverso tessuti, decorazioni e ricami calabresi nell'Ottocento. Cosenza: Luigi Pellegrini Editore, 2017. P. 25-28.

248. Fratelli Tramuto e Ciofalo. La Celebrazione del Matrimonio nel Rito Greco. Hora e t` Arbëreshëvet, 1971. 189 p.

249. Frega A. Gli Italo-albanesi in cifre // Katundi Ynë. 1977. № 22. P. 45-49.

250. Frega A. Il vestito della regina. Il costume femminile albanese di Lungro. Aquaformosa e // Firmo Ori e costumi degli albanesi. 1996. Vol. II. P. 405-409.

251. Frego A. Tradita etnike e kuçines së Arbëreshëve të Kallabrisë dhe të Basilikatës. Tirana: Akademia e shkencave, 2002. 207 f.

252. Friese S. The wedding dress: From use value to sacred object // Through the Wardrobe: Women's Relationships With Their Clothes. Oxford: Berg, 2001. P. 53-69.
253. Fritiofsson J. San Marzano di San Giuseppe – uno studio sulla lingua e la cultura arbëreshë. Università di Lund, 2013. 38 p.
254. Furferi G. La cucina calabrese. Catanzaro: Rubbetino Editore, 2011. 256 p.
255. Gal S. Language shift: Social determinants of linguistic change in bilingual Austria. San Francisco: Academic Press, 1979. 201 p.
256. Gallo G. Costruire l'identità nella diaspora: gli Arbëreshë in Calabria e shtridhëlat // Politiche del gusto mondi comuni, fra sensibilità estetiche e tendenze alimentari (XLVI congresso dell'Associazione italiana di studi semiotici, 30 novembre – 2 dicembre) Palermo: Museo internazionale delle marionette, 2018. P. 25-36.
257. Gambarra D. Parlare albanese nell'Italia unita // Zjarri, anno XII. 1980. № 27. P. 49-67.
258. Gangale G. Ngjalori i gilluhes joony (Grammatica figurata arbreshy). Gluha 4. Catanzaro: B.A.M.K.U, 1965. 64 p.
259. Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. 470 p.
260. Giacomarra M. Condizioni di minoranza oggi. Gli albanesi di Sicilia fra etnicismi e globalizzazione. Palermo: Miror, 2003. P. 84-120.
261. Giacomarra M.G. La vicenda arbereshe tra storia e mito / Res Albanicae. 2012. Vol. 1. P. 201-212.

262. Giordano A. Il fidanzamento // (a cura di B. Bilotta), Vol. 5, 1973. P. 16-21.
263. Giuseppe M. La comunità arbëreshë di Villa Badessa oggi: le eredità del passato come risorsa per il futuro. Università degli Studi "G. d'Annunzio "Chieti-Pescara", 2011. 120 p.
264. Glazer N. Moynihan P. Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1975. 531 p.
265. Golletti-Baffa V. Alfabeti shqip i programuar. Frankfurt am Main: Katundi Ynë, 1997. 14 p.
266. Guagliardi D. La comunità albanese di Sicilia // La Diversità Arbëreshe. Vol. I: La formazione, la storia, l'insediamento. Cosenza: Falco Editore, 2004. 368 p.
267. Guagliardi D. L'origine albanese di alcuni cognomi della comunità di Mongrassano // Spezzano Albanese: Vatra, 2019. 134 p.
268. Guibernau M. The Identity of Nations. Cambridge: Polity, 2007. 248 p.
269. Gumperz J. Linguistic and Social Interaction in Two Communities // American Anthropologist, 1964. 66 (6): part 2. P. 137-153.
270. Gurga G. La questione alfabetica nelle pagine de "La Nazione Albanese" // Miscellanea arbëreshe / A cura di Pietro Manali. Quaderni di Biblos: Società e Istituzioni 30/6. Palermo: Unione dei Comuni Besa, 2011. P. 83-91.
271. Guzzetta E., Ridolfo S. L'abito tradizionale Testimonianze dell'identità arbëreshë // Mirditë: anima shpirt arbëreshë. Palermo: Krea, 2008. P. 65-70.
272. Gjergji A. Bibliografi e zgjedhur etnografike. 1944–1979. Tiranë, 1980. 332 f.

273. Gjergji A. Veshjet shqiptare në shekuj. Origjina. Tipologjia. Zhvillimi. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë: Instituti i Kulturës Popullore, 1988. 285 f.
274. Harrison G. La doppia identità. Una vertenza antropologica nella minoranza etnicolinguistica arbëresh. Palermo: Sciascia, 1979. 333 p.
275. Haxhihasani Q. Kërkime dhe vëzhgime folklorike në rrethin e Permetit // Buletin i universitetit shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqerore. Tiranë: MIHAL DURI, 1959. F. 198-249.
276. Heidemann F. Cyberethnologie // Ethnologie. Eine Einführung. Göttingen, 2011. S. 262-265.
277. Hine C. Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday. New York: Taylor & Francis Group, 2020. 240 p.
278. Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 211 p.
279. Howard P. Heritage: management, interpretation, identity. Continuum. London: Routledge, 2003. 418 p.
280. Huntington, S.P. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. New York: Simon & Schuster, 2004. 428 p.
281. Idem. Scuola, dialetto, minoranze linguistiche. L'attività legislativa in Sicilia (1946-1992). Palermo: Centro di studi filologici e linguistici siciliani, 1992. 63 p.
282. Kamberi A., Idrizi M. Katër shekuj të pagjunjëzuar. (Shqiptarët e Mandricës). Tetovë: Konica, 1997. 129 f.

283. Kamsi K. Fjalor arbërisht-shqip. Universiteti i Shkodrës L. Gurakugi, Sektori i Albanologjise. Shkoder, 2000. 377 f.
284. King R., Mai N. Italophilia meets Albanophobia: paradoxes of asymmetric assimilation and identity processes amongst Albanian immigrants in Italy // *Ethnic and Racial Studies*. 2008. 32(1). P. 117-138.
285. Koço V. Dasma Lunxhote. Gjirokastër: Argjiro, 2013. 325 f.
286. Kostallari A. La diaspora albanese, il dialetto e la lingua litteraria nazionale unificata // *Le minoranze etniche e linguistiche (Atti del Congresso Internazionale di Studi Albanesi)*. Palermo, 1987. P. 121-42.
287. Krstić K. Doseljenje Arbanasa u Zadar. Zadar: Mjesna zajednica Arbanasi, 1988. Lib. 3. 64 s.
288. La Barbera M. Il costume e i gioielli di Piana degli Albanesi // *Tracce d'Oriente, catalogo della Mostra / A cura di M.C. Di Natale*. Palermo 2007. P. 111-131.
289. Laffusa K. La minoranza arbëreshë di Calabria, questioni identitarie e ricadute istituzionali: 'il mondo come volontà e rappresentanza' // *I Federalizing Process europei nella democrazia d'emergenza. Riflessioni comparate a partire dai 'primi' 20 anni della riforma del Titolo V della Costituzione italiana / DPCE online*. Vol. 54. 2022. № Speciale. P. 599-616.
290. Maddalon M., Belluscio G. Albanian and Italo-Albanian a Difficult Case of (Socio-)linguistic Contact // *Akten des 34. Linguistischen Kolloquiums, Germesheim (10–14 October 1999) / ed. by L. Rapp*. Mainz: Peter Lang, 1999. Vol. 1. P. 193-202.
291. Maiorana F. Caraffa di Catanzaro. Costanzo, 1986. 345 p.

292. Manali P. Hora e Arbëreshëvet. Piana degli Albanesi. Palermo: Comune di Piana degli Albanesi, 2000. 30 p.
293. Manali P. Vita di Padre Giorgio Guzzetta. Comune di Piana degli Albanesi: Editore Sciascia, 2009. 106 p.
294. Mandalà M. Paolo Maria Parrino e le origini dell'ideologia albanista // Pietro Di Marco e Alessandro Musco (a cura di), Aspetti della cultura bizantina ed albanese in Sicilia. Palermo: Officina di Studi Medievali, 2005. 185 p.
295. Mandalà M. Arbëreshët e fillimet e nacionalizmit shqiptar // Meta B. (a cura di), 110 vjet Pavarësi. Aktet e Konferencës Shkencore Ndërkombëtare (Tiranë, më 26–27 nëntor 2012). Tirana: Qendra e Studimeve Albanologjike. Instituti i Historisë, 2014. P. 101-119.
296. Mandalà M. Gli archivi ecclesiali e la memoria storico-culturale degli Arbëreshë. Un bilancio di tre decenni di ricerche // A. Ndreca (a cura di), L'Albania nell'archivio di Propaganda Fide: Atti del Convegno Internazionale Città del Vaticano, 26–27 ottobre 2015. Città del Vaticano: Urbaniana University Press, 2017. P. 213-261.
297. Mandalà M. L'emigrazione albanese in Italia tra il XIV secolo e la prima metà del XV // M. Brunetti (a cura di), Il passato pesa sul presente. Cosenza, 2011. P. 73-99.
298. Mandalà M. Studime albanologjike, filologiko-letrare dhe historiko-kulturore. Tirane, 2018. 332 p.
299. Mandalà M. Sul sistema verbale della parlata arbëreshe di Contessa Entellina // Lenka Scholze, & Björn Wiemer (a cura di), Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten (festschrift für Walter Brey zu seinen 60. Geburtstag. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 2009. P. 245–259.

300. Mandalà M., Demiraj B., Sinani Sh. Udha e mbarë. Piana degli Albanesi: Comune di Piana degli Albanesi, 2001. 232 f.
301. Marchianò F. Il costume llambadhör di Spezzano Albanese // Ori e costumi degli albanesi. Vol. II. Castrovillari: Edizione "il Coscile", 1996. P. 353-356.
302. Markham A. Fieldwork in Social Media What Would Malinowski Do? // Qualitative Communication Research. 2013. № 2 (4). P. 436-446.
303. Massaro M.T. L'identita etnica nella comunita arbërshe di Chieuti. Foggia: Provincia di Foggia, 2010. 126 p.
304. Mastroberti F. Le colonie albanesi nel Regno di Napoli tra storia e storiografia. Bari: Università degli studi di Bari. Cacucci editore, 2008. P. 241-251.
305. Matranga V. Quattro appunti sulla consapevolezza linguistica in contesto italoalbanese // Perzeptive Varietätenlinguistik. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2010. P. 457-472.
306. Miracco N. Santa Sofia ieri ed oggi // Zjarri. 1971. Vol. III. P. 20-21.
307. Myers-Scotton 1997: Myers-Scotton C. Code-switching // The Handbook of Sociolinguistics / Ed. by F. Coulmas. Oxford: Blackwell, 1997. P. 217-237.
308. Nakamura L. Cybertypes: race, ethnicity, and identity on the Internet. London: Routledge, 2002. 192 p.
309. Nini S. Një rrugëtim etnografik për veshjet e arbëreshëve të Italisë së Jugut. Tiranë: Oendra e Studimeve e Publikimeve për Arbëreshët, 2020. 188 f.
310. Novik A., Hristova-Bejleri R. Shqiptarët e fshatit Mandrica të Bullgarisë në materialet e ekspeditës së fundit në terren (2014) // Edhe 100! Studime. Në nderim

të Prof. Francesco Altimarit me rastin e 60-vjetorit të lindjes. Studi. In onore del Prof. Francesco Altimari in occasione del 60° compleanno / Përgatitën për botim: Bardhyl Demiraj, Matteo Mandalà, Shaban Sinani. Tiranë: Fondacioni për Kulturë dhe Artet "Fan Noli"; Albpaper, 2015. F. 275-282.

311. Novik A. Gjirokastra Folklore Festival as the Main Ritual Event in Albanian Cultural Life at the Beginning of the 21st Century // Yearbook of Balkan and Baltic Studies. 2020. Vol. 3. № 1. P. 157-182.

312. Ortaggio P. Petkat tradizionale femërore. Hora e arbëreshëvet, Udhërrëfyes 2/17, Palermë, 2005. 100 f.

313. Palaj B., Kurti D. Visaret e kombit: kangë kreshnikësh dhe legjenda. Shkodër: Botime Françeskane, 2007. 112 f.

314. Parrino I. Il matrimonio nel Rito Greco-Bizantino e nel Rito Latino // Itinerari culturali Matrimonio e Società nella Cultura di Palazzo Adriano. Palazzo Adriano: Paradiso Arbëresh, 2006. 30 p.

315. Perta C. Language decline and death in three Arbëresh communities in Italy. A sociolinguistic study. Alessandria: Edizioni dell'Orso. 2004. 262 p.

316. Perta C., Ciccolone S., Canù S. Sopravvivenze linguistiche arbëreshe a Villa Badessa. LED Edizioni Universitarie, 2014. 92 p.

317. Pitre G. Sui canti popolari siciliani. Studio critico, Palermo, Tipografia Giornale di Sicilia, 1868. 160 p.

318. Pitre G. Fiabe, novelle e racconti popolari siciliani, in quattro volumi, Palermo, L. Pedone-Lauriel, 1875. 421 p.

319. Pitre G. Proverbi siciliani confrontati con quelli degli altri dialetti d'Italia, in quattro volume. Palermo: L. Pedone-Lauriel, 1880. 412 p.

320. Pitre G. Spettacoli e feste popolari siciliane. Palermo: L. Pedone-Lauriel, 1881. 475 p.
321. Pitre G. Usi e costumi, credenze e pregiudizi del popolo siciliano, in quattro volume. Palermo: L. Pedone-Lauriel, 1889. 520 p.
322. Poplack S. 'Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español': toward a typology of codeswitching // *Linguistics*. 1980. Vol. 18. P. 581-618.
323. Poster M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications // *CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community*. Thousand Oaks: Sage Publications, 1998. P. 184-211.
324. Prifti B. Toskëria: Kolonja e Leskoviku. Zakone, Ceremoni, Rite. Tiranë: Vllamasi, 2010. 398 f.
325. Rennis G.B. La tradizione bizantina della comunità Italo-Albanese – Lungro, il rito, le festività, la storia e le usanze. Cosenza: Progetto, 1993. 205 p.
326. Rheingold H. *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Reading, Massachusetts: Addison-Wesley, 1993. 325 p.
327. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage, 1992. 211 p.
328. Romata E. I paesi italo-albanesi dell'Italia meridionale. L'Accademia Nazionale delle Scienze di Washington, 1964. 23 p.
329. Rothschild J. *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. New York: Columbia University Press Rothschild. 1981. 302 p.

330. Russo A. I cibi nella tradizione linguistica e culturale della comunità italo-albanese di Firmo. Università di Calabria, 2006. 114 p.
331. Russo L. Albanesi d'Italia. Palma Palermo, 1975. 103 p.
332. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // *Diaspora*. 1991. V. 1. N 1. P. 148.
333. Satriani L., Rossi A. Calabria 1908–1910: la ricerca etnografica di Raffaele Corso. De Luca, 1973. 163 p.
334. Saverio B. La donna sangiovese e il suo costume. San Giovanni in Fiore: Grafica Florens, 2002. 247 p.
335. Savoia L. M. La legge 482 sulle minoranze linguistiche storiche. Le lingue di minoranza e le varietà non standard in Italia // *Anon Rivista Italiana di Dialettologia. Lingue dialetti società*, year XXV. Bologna: Cooperativa libraria universitaria editrice (Clueb), 2001. P. 7-50.
336. Savoia L. M. Alcuni elementi per una classificazione dei dialetti arbëresh // *La lingua albanese nell'Italia meridionale*. Salerno: Università di Salerno, 1991. P. 13-52.
337. Savoia L. M. La minoranza linguistica arbëreshe // *Migrazioni. Tra disagio linguistico e patrimoni culturali - Les Migrations. Entre malaise linguistique et patrimoines culturels* (Ates de Sexièmes Journées des Droits Linguistiques. Teramo, Giulianova, Fano Adriano, Pescara, 6–8 novembre 2012), Ariccia (RM): ARACNE, 2015. P. 253-278.
338. Scalanbrino E. Tradizione e cultura tra gli Albanesi d'Italia // *Politica internazionale*. 1994. Vol. 3. P. 247-261.

339. Scaldaferri N. Grur shum e ver shum (molto grano e molto vino). Lavoro e tradizione orale a San Costantino Albanese // Immagini e riflessioni sulla vita tradizionale a San Costantino Albanese. Venosa: Edizioni Osanna, 1997. P. 15-47.
340. Schirò G. Te dheu i huaj (ed. del 1940) // Opere a cura di Matteo Mandalà. Vol. IV. Soveria Mannelli: Rubbettino, 1998. 399 p.
341. Schirò G.D. Il costume tradizionale femminile di Piana degli Albanesi: fronti iconografiche // Miscellanea arbëreshe / A cura di Pietro Manali. Quaderni di Biblos: Società e Istituzioni 30/6. Palermo: Unione dei Comuni Besa, 2011. P. 231-250.
342. Schirò G.D. Tradizione ed evoluzione nel costume femminile arbëresh. In: Biblos, 2009. P. 91-104.
343. Schirò S. Per una storia del brezi: la cintura tradizionale di Piana degli Albanesi negli scritti di Sidney J.A. Churchill // Rivista dell'Osservatorio per le arti decorative in Italia. Palermo 2015. DOI: 10.7431/RIV10082014.
344. Sciascia S. Arte popolare e artigianato in Sicilia: Repertorio dell'artigianato siciliano // Unione delle Commercio Industria ed Agricoltura della Regione Siciliana. Rome: Salvatore Sciascia Editore, 1966. 140 p.
345. Scuderi G. La tutela delle minoranze linguistiche nella Regione Siciliana. Esperienze e prospettive // Miscellanea arbëreshe / A cura di Pietro Manali. Quaderni di Biblos: Società e Istituzioni 30/6. Palermo: Unione dei Comuni Besa, 2011. P. 187-215.
346. Silvestrini E. L'abito popolare in Italia // La Ricerca Folklorica. 1986. № 14. P. 5-44.

347. Sirchia V.M. Mistagogia dei misteri sacramentali nella Chiesa bizantina // Quaderni di Oriente Cristiano. Studi 12. Eparchia di Piana degli Albanesi, 2002. 53 p.
348. Smith A. Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism. London: Routledge, 1998. 270 p.
349. Solano F. I dialetti albanesi dell'Italia meridionale. Appunti per una classificazione // Quaderni di Zjarri. Castrovillari, 1979. 30 p.
350. Solano F. La realtà storico-linguistica delle comunità albanesi d'Italia // I dialetti italo-albanesi (a cura di F. Altimari e L.M. Savoia). Roma: Bulzoni Editore, 1994. P. 73-83.
351. Stipqeviç A. Kultura tradicionale e Arbëneshëve të Zarës / përktheu nga kroatishtja Sadri Fetiu. Prishtinë: Instituti Albanologjik i Prishtinës, 2012. XVII. 440 f.
352. Sheffer G. A new field of study // Modern diasporas in international politics / Ed. by Sheffer G. New York, 1986. P. 1-16.
353. Shkurtaç Gj. L'influenza dell'italiano sulle parlate arbereshe d'Italia // I dialetti italo-albanesi (a cura di F. Altimari e L.M. Savoia). Roma: Bulzoni Editore, 1994. P. 129-141.
354. Shkurtaç Gj. Ligjërimet arbëreshe (Shqyrtime dialektologjike dhe sociolinguistike). Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2020. 516 f.
355. Shkurtaç S. Bujqësia në Arbërinë e shek. XIII-XVII. Tiranë: Akademia e shkencave, 2002. 135 f.
356. Shundi A. E(t)nogastronomia arbëreshe. Tiranë: Vllamasi, 2016. 383 p.

357. Tacelli M. L. Gli arbëreshë in Terra d'Otranto e il rito greco-bizantino. Riflessioni giuridico-canonistiche sull'opera di P. P. Rodotà // Rivista storica delle terre adriatiche. 2022. Vol. 1. P. 51-78.
358. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J.C. Turner // Psychology of intergroup relations / Ed. by. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7-24.
359. Tirta M. Migrime te shqiptarëve të brendshme dhe jashtë atdheut (Vitet 40 të shek. XIX – vitet 40 të shek. XX.) Tiranë: Shkenca, 1999. 209 f.
360. Tirta M. Etnologjia e shqiptarëve. Tiranë: GEER, 2003. 540 f.
361. Trapuzzano C. Il costume femminile di Gizzeria. Lamezia Terme: Stampa Sud, 2005. 84 p.
362. Turner J., Sachdev I., Hogg M. Social categorization, interpersonal attraction and group formation // British Journal of Social Psychology. 22. 1983. P. 227-239.
363. Thomai et al. Fjalor i shqipes së sotme. Tiranë: TOENA, 2002. 506 f.
364. Van Den Berghe P.L. The ethnic phenomenon. Greenwood publishing Group, 1987. 301 p.
365. Xhaçka V. Lindja dhe martesat në Devoll // Buletin i universitetit shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqerore. Tiranë: MIHAL DURI, 1959. № 1. F. 199-212.
366. Xhuvani A. Çashtja e alfabetit // Shpnesa e Shqypënisë (Raguzë), 1907. № 7-8, 28 / Alfabeti i gjuhës shqipe dhe Kongresi i Manastirit. Tiranë, 1972. 199 f.
367. Zamagni S. Migrazioni, multiculturalità e politiche dell'identità // in Carmelo Vigna, Stefano Zamagni (a cura di), Multiculturalismo e identità. Milano, Vita e Pensiero università, 2002. P. 221-261.

368. Zangari D. Le colonie italo albanesi di Calabria: storia e demografia, secoli XV–XIX. Napoli: Casella, 1941. 174 p.
369. Zojzi Rr. Dasma në krahinën e Skraparit // Buletin i universitetit shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqerore. Tiranë: MIHAL DURI, 1958. № 2. F. 123-137.
370. Zojzi Rr. Etnografia shqiptare dhe veprimtaria shkencore e zhvillueme ne ke'te fushe // Shk. shoq. 1959. № 4. F. 153-161.
371. Zojzi Rr. Nje veshtrim etnografik mbi traditat e lundumit ne Shqiperi // Bul. shk. shoq. 1955. № 4. F. 149-192.

Список сокращений

Алб. – албанский язык

Арбр. – арбрешский язык

Ит. – итальянский язык

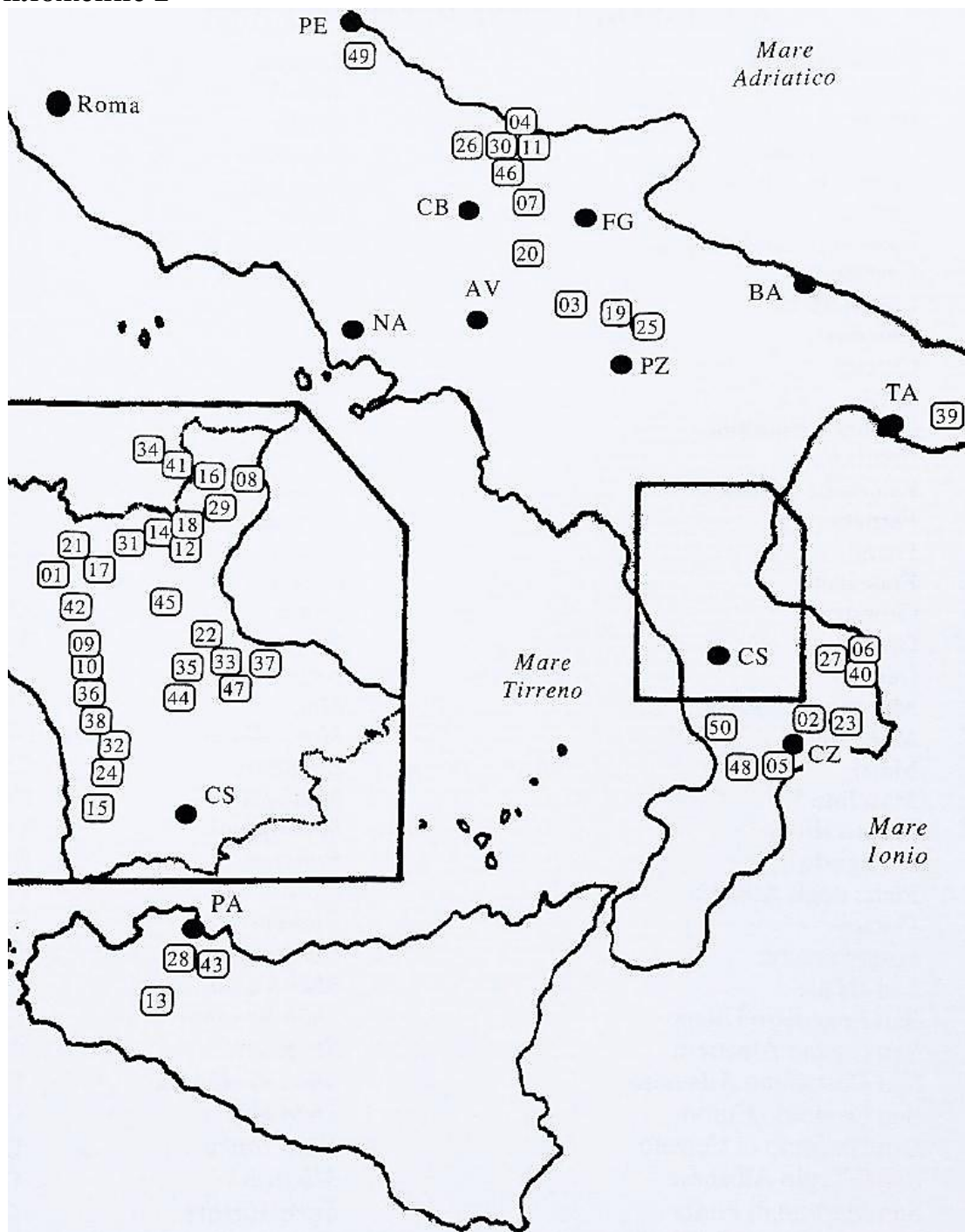
СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ

Приложение 1

Список ключевых информантов

1. Паррино Г. – арбреш, 1990 г.р. Место рождения: Пьяна-дельи-Альбанези, место проживания: г. Флоренция
2. Скиро С. – арбреш, 1988 г.р. Место рождения: Пьяна-дельи-Альбанези, место проживания: г. Катания (Сицилия)
3. Скиро Дж. – арбрешка, 1970 г.р. Место рождения и проживания: Пьяна-дельи-Альбанези (Сицилия)
4. Паче Ф. – арбреш, 1985 г.р. Место рождения: Пьяна-дельи-Альбанези, место проживания: г. Палермо (Сицилия)
5. Бертини К. – арбреш, 1991 г.р. Место рождения и проживания: Пьяна-дельи-Альбанези (Сицилия)
6. Куччия Н. – арбреш, 1958 г.р. Место рождения и проживания: Контесса-Энтеллина (Сицилия)
7. Мартино Э. – арбрешка, 1963 г.р. Место рождения и проживания: Лунгро (Калабрия)
8. Хасанлари И. – арбрешка, 1986 г.р. Место рождения и проживания: Лунгро (Калабрия)

Приложение 2

Арбешские поселения на карте Италии

Altimari F., Savoia L.M. I dialetti italo-albanesi, a cura di F. Altimari e L.M. Savoia. Roma: Bulzoni Editore, 1994.

Приложение 3

Данные по числу арбрешей на 31.12.2017, приведенные в статье Вито Матранга

	<i>Поселение (арбрешское название)</i>	<i>Поселение (итальянское название)</i>	<i>Провинция</i>	<i>Число жителей</i>
1	Firmoza	Acquaformosa	Cosenza	1.108
2	Dàndalli	Andali	Catanzaro	723
3	Barili	Barile	Potenza	2.729
4	Këmarini	Campomarino	Campobasso	8.074
5	Garrafa	Caraffa di Catanzaro	Catanzaro	1.814
6	Karfici	Carfizzi	Catanzaro	638
7	Kazallveqi	Casalvecchio di Puglia	Foggia	1.838
8	Kastërnexhi (+ Farneta)	Castroregio (+ Farneta)	Cosenza	276
9	Kajverici (+ Qana + Sënd Japku)	Cavallerizzo (+ Cerzeto + S. Giacomo)	Cosenza	1.359
10	Qana (+ Kajverici + Sënd Japku)	Cerzeto (+ Cavallerizzo + S. Giacomo)	Cosenza	1.321
11	Qefti	Chieuti	Foggia	1.675
12	Çifti	Civita	Cosenza	912
13	Kuntisa	Contessa Entellina	Palermo	1.707
14	Purçilli (+ Frasnita)	Eianina (+ Frascineto)	Cosenza	2.074
15	Falkunara	Falconara Albanese	Cosenza	1.456
16	Farneta (+ Kastërnexhi)	Farneta (+ Castroregio)	Cosenza	268
17	Ferma	Firmo	Cosenza	2.044
19	Zhura	Ginestra	Potenza	751
20	Katundi	Greci	Avellino	659
21	Ungra	Lungro	Cosenza	2.504
22	Maqi (+ Shen Mitri)	Macchia (+ San Demetrio Corone)	Cosenza	3.442
23	Marçidhuza	Marcedusa	Catanzaro	436
24	Allimarri (+ Shën Benëdhiti)	Marri (+ San Benedetto Ullano)	Cosenza	1.511
25	Mashqiti	Maschito	Potenza	1.621
26	Munxhufuni	Montecilfone	Campobasso	1.355
27	Puheriu	Pallagorio	Catanzaro	1.164
28	Hora e Arbëreshëvet	Piana degli Albanesi	Palermo	6.157
29	Pllatëni	Plataci	Cosenza	733
30	Porkanuni	Portocannone	Campobasso	2.490

31	Shën Vasili	San Basile	Cosenza	1.034
32	Shën Benëdhiti (+ Allimarri)	San Benedetto Ullano (e Marri)	Cosenza	1.504
33	Strigari	San Cosmo Albanese	Cosenza	582
34	Shën Kostandini	San Costantino Albanese	Potenza	686
36	Sënd Japku (+ Kajverici + Qana)	S. Giacomo (+ Cavallerizzo + Cerzeto)	Cosenza	
37	Mbuzati	San Giorgio Albanese	Cosenza	1.406
38	Shën Mërtiri	San Martino di Finita	Cosenza	1036
39	San Marcani	San Marzano di San Giuseppe	Taranto	9.228
40	Shën Kolli	San Nicola dell'Alto	Catanzaro	786
41	Shën Pali	San Paolo Albanese	Potenza	260
42	Picilia	Santa Caterina Albanese	Cosenza	1207
43	Sëndastina	Santa Cristina Gela	Palermo	1.008
44	Shën Sofia	Santa Sofia d'Epiro	Cosenza	2.528
45	Spixana	Spezzano Albanese	Cosenza	6.977
46	Ruri	Ururi	Campobasso	2.652
47	Vakarici	Vaccarizzo Albanese	Cosenza	1.082
48	Vina	Vena (frazione di Maida)	Catanzaro	300
49	Badhesa	Villa Badessa (frazione di Rosciano)	Pescara	385
50	Xingarona	Zangarona (frazione di Lamezia Terme)	Catanzaro	366
Общее число арбрешей				82.773

URL: <http://www.kit.gwi.uni-muenchen.de/?p=12805&v=2#p:3>

Приложение 4
Данные по числу арбрешей за 1966 г., приведенные в статье Даниэле Гамбарра

<i>Провинция</i>	<i>Поселение</i>	<i>Число носителей арбрешского языка</i>	<i>Число жителей</i>	<i>%</i>
Peskara	Villa Badessa	48	169	28.4
Campobasso	Campomarino	2023	3706	54.8
	Montecilfone	2500	2936	98.9
	Portocannone	2500	2773	90.1
	Ururi	3206	3710	86.4
Всего		10229	13125	78
Foggia	Chieuti	2213	2630	83.5
	Casalvecchio di Puglia	2620	2890	90.7
Всего		4833	5520	87.5
Avellino	Greci	1989	2040	97.5
Taranto	San Marzano di San Giuseppe	5192	6792	76.4
Potenza	Barile	4180	4180	100
	Ginestra	1596	1636	97.6
	Maschito	3235	3235	100
	San Costantino Albanese	1608	1776	90.5
Всего		10619	10827	98
Cosenza	Castroregio	1253	1253	100
	Frascineto	1601	1648	97.1
	Plataci	2355	2525	93.3
	Acquaformosa	1770	1800	98.3
	Firmo	2495	2745	90.9
	Lungro	3800	3844	90.8
	San Basile	1752	1819	96.3
	Spezzano Albanese	4000	6279	63.7
	Santa Caterina Albanese	437	2037	21.5
	Cerzeto	2321	2441	95.1
	San Martino di Finita	800	1879	42.6
	San Benedetto Ullano	1625	1735	93
	Falconara Albanese	1786	1986	89.9
	San Cosmo Albanese	915	1065	85.9

	San Demetrio Corone	4130	5290	78.1
	San Giorgio Albanese	1143	1943	58.8
	Vaccarizzo Albanese	1858	1955	95
Bcero		39250	42244	92
Catanzaro	Pallagorio	2196	2196	100
	San Nicola dell'Alto	2923	3640	88
	Carfizzi	1441	1471	98
	Andali	393	1691	23.2
	Marcedusa	100	1326	7.5
	Vena di Maida	1000	1228	81.4
	Zangarona	50	524	9.5
Bcero		8103	12076	67
Palermo	Piana degli Albanesi	6074	6815	89.1
	Santa Cristina Gela	804	924	87
	Contessa Entellina	1660	2563	64.8
Bcero		8538	10302	83

Gambarra D. Parlare albanese nell'Italia unita // Zjarri, anno XII. 1980. No. 27. P. 49-67.

Приложение 5

Questionario “Identità etnica nella comunità arbëreshe (albanese d'Italia)”	Анкета «Этническая идентичность в арбрешских общинах (у албанцев Италии)»
1) Età 2) Sesso 3) Luogo di nascita 4) Luogo di residenza 5) Titolo di studio 6) Attività lavorativa o di studio	1) Возраст 2) Пол 3) Место рождения 4) Место жительства 5) Образование 6) Профессиональная или учебная деятельность
7) Qual è la sua appartenenza etnica? <ul style="list-style-type: none"> ☐ Sono italiano/a ☐ Sono arbëresh/e ☐ Sono arbëro-shqiptar/e ☐ Sono shqiptar/e ☐ L'altro	7) Кем Вы себя считаете? <ul style="list-style-type: none"> ☐ Я итальянец / итальянка ☐ Я арбреш / арбрешка ☐ Я арбро-албанец ☐ Я албанец ☐ Другое
8) Quale simbolo-elemento considera principale per l'identità italo-albanese? <ul style="list-style-type: none"> ☐ La lingua ☐ Il rito bizantino ☐ L'abito tradizionale femminile ☐ Tutti questi elementi	8) Какой элемент итало-албанской идентичности Вы считаете главным? <ul style="list-style-type: none"> ☐ Язык ☐ Византийский обряд ☐ Традиционный женский костюм ☐ Все эти элементы

<p>9) Quale significato ha il rito bizantino per la comunità italo-albanese e per lei in particolare?</p>	<p>9) Какое значение имеет византийский обряд для итало-албанской диаспоры и для Вас в частности?</p>
<p>10) Parla la lingua arbëreshe?</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Sì ☐ No 	<p>10) Говорите ли Вы на арбрешском языке?</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Да ☐ Нет
<p>11) Potrebbe riferirci il suo grado di conoscenza della lingua arbëreshe su una scala da 1 a 5? (1 –scarso, 5 – ottimo)</p>	<p>11) Можете ли Вы оценить степень своего владения арбрешским языком по шкале от 1 до 5? (1-плохо, 5-отлично)</p>
<p>12) In che modo ha appreso la lingua Albanese (arbërishtja)?</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Dai genitori ☐ Dai nonni ☐ Dagli amici ☐ A scuola ☐ L'altro 	<p>12) От кого Вы переняли албанский (арбешский) язык?</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ От родителей ☐ От бабушек и дедушек ☐ От друзей ☐ В школе ☐ Другое
<p>13) Nella sua famiglia d'origine chi parlava l'arbëresh?</p>	<p>13) Кто говорил на арбрешском в Вашей родной семье?</p>
<p>14) Quale lingua utilizza nella sua famiglia d'origine?</p>	<p>14) Какой язык Вы используете в своей родной семье?</p>
<p>15) Quale lingua utilizza nella sua attuale famiglia?</p>	<p>15) Какой язык Вы используете в своей собственной семье?</p>

<p>16) Il suo / la sua partner:</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ ha origini arbëresh/e ☐ L'altro <p>17) Il suo / la sua partner prevalentemente:</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ parla arbëresh ☐ non parla arbëresh, ma lo comprende ☐ non parla arbëresh né lo comprende ☐ L'altro <p>18) I suoi figli:</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Parlano l'arbëresh ☐ Comprendono l'arbëresh, ma non lo parlano ☐ Non comprendono l'arbëresh ☐ L'altro <p>19) Qual è l'atteggiamento prevalente dei suoi figli nei confronti della lingua albanese?</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Interesse ad apprendere ☐ Curiosità ☐ Indifferenza ☐ L'altro 	<p>16) Ваш партнер:</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Имеет арбрешское происхождение ☐ Другое <p>17) Ваш партнер преимущественно:</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Говорит по-арбрешски ☐ Не говорит по-арбрешски, но понимает ☐ Не говорит и не понимает ☐ Другое <p>18) Ваши дети:</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Говорят по-арбрешски ☐ Понимают арбрешский, но не говорят на нем ☐ Не понимают арбрешский ☐ Другое <p>19) Каково преобладающее отношение Ваших детей к арбрешскому языку?</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Интерес к изучению ☐ Любопытство ☐ Безразличие ☐ Другое
--	---

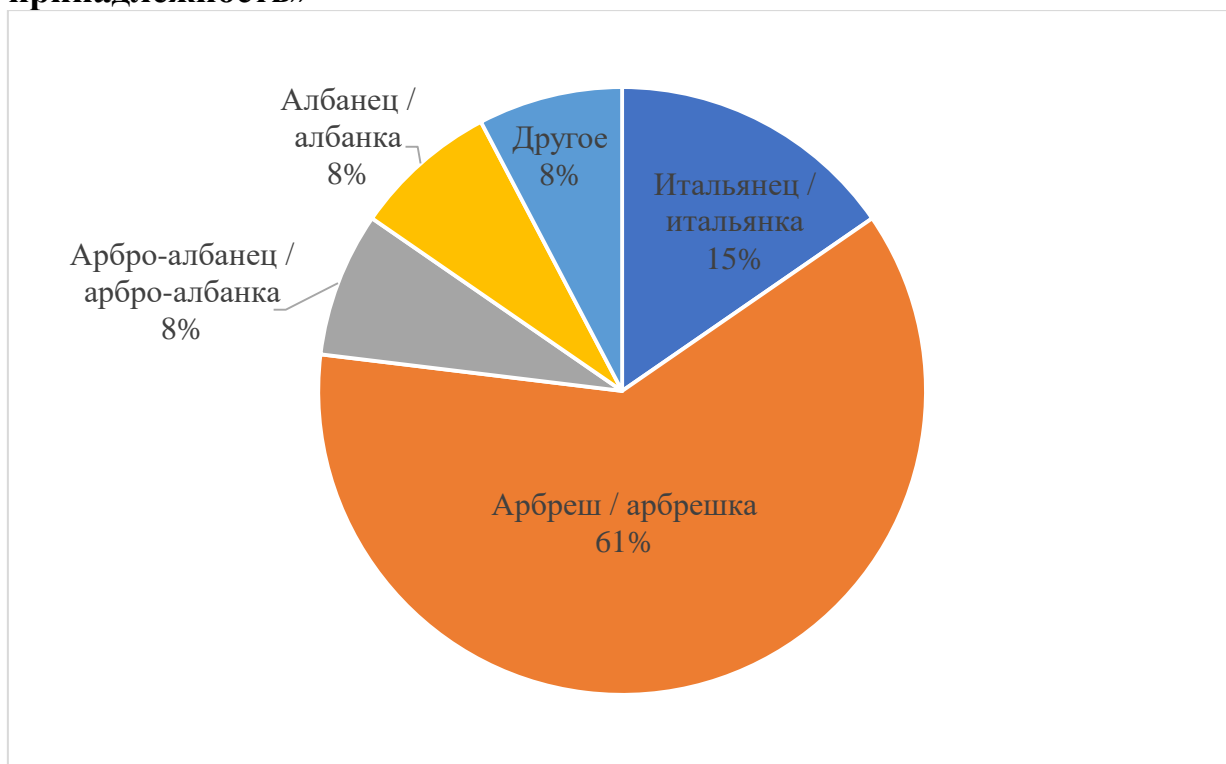
<p>20) Quale lingua utilizza nella vita sociale?</p>	<p>20) Какой язык вы используете в социальной сфере?</p>
<p>21) Quale lingua utilizza con gli amici?</p>	<p>21) Какой язык вы используете в общении с друзьями?</p>
<p>22) Lei ritiene che l'arbëresh sia una lingua da preservare ed insegnare ai propri figli? Perché?</p>	<p>22) Считаете ли Вы арбрешский языком, который нужно сохранять и которому стоит обучать своих детей? Почему?</p>
<p>23) Quali sentimenti prova per la terra d'Albania?</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Interesse ☐ Curiosità ☐ Rifiuto ☐ Nostalgia ☐ L'altro 	<p>23) Какие чувства Вы испытываете по отношению к Албании?</p> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Интерес ☐ Любопытство ☐ Отстранение ☐ Ностальгию ☐ Другое
<p>24) È orgoglioso/a della sua appartenenza linguistica e culturale? Perché?</p>	<p>24) Гордитесь ли Вы своей языковой и культурной принадлежностью? Почему?</p>
<p>25) Partecipa alle attività culturali e ai riti religiosi della sua comunità? In che modo?</p>	<p>25) Принимаете ли Вы участие в культурных мероприятиях и религиозных обрядах своей общины? Каким образом?</p>
<p>26) In quali momenti è particolarmente orgoglioso/a della sua identità? Perché?</p>	<p>26) В какие моменты Вы особенно гордитесь своей идентичностью? Почему?</p>

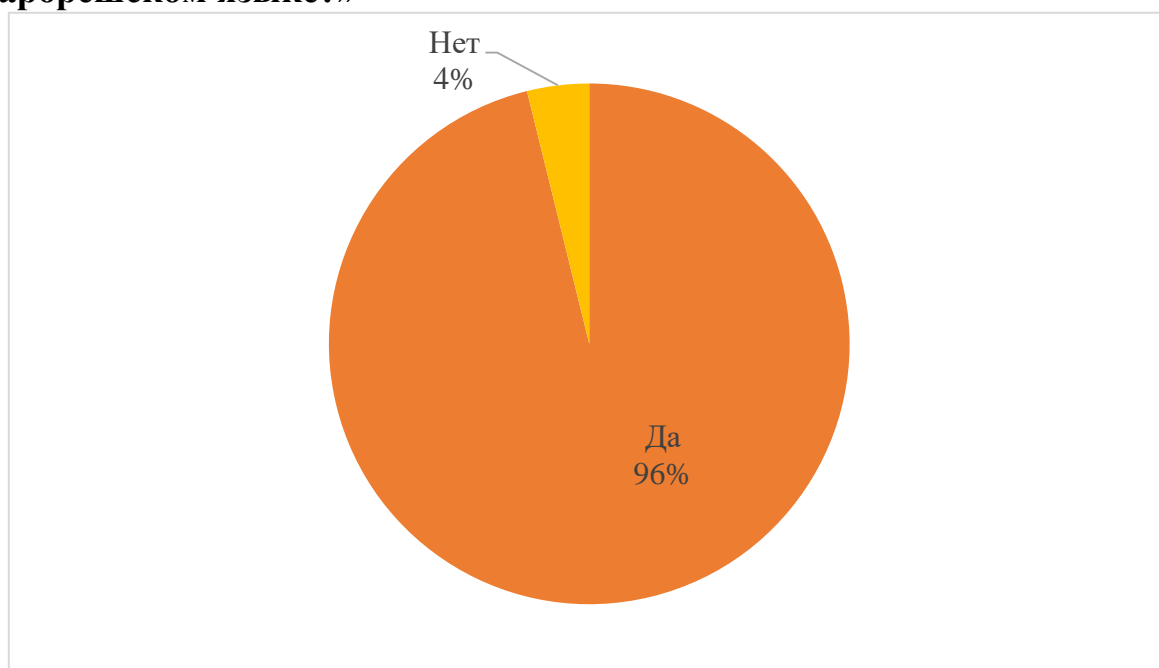
<p>27) Ha interesse per la storia della comunità d'appartenenza, la sua cultura e la sua lingua?</p>	<p>27) Проявляете ли Вы интерес к истории сообщества, к которому принадлежите; своей культуре и языку?</p>
<p>28) Cosa vuol dire per Lei, oggi, essere arbëresh/e?</p>	<p>28) Что сегодня означает для Вас быть арберешем / арбрешкой?</p>

Приложение 6

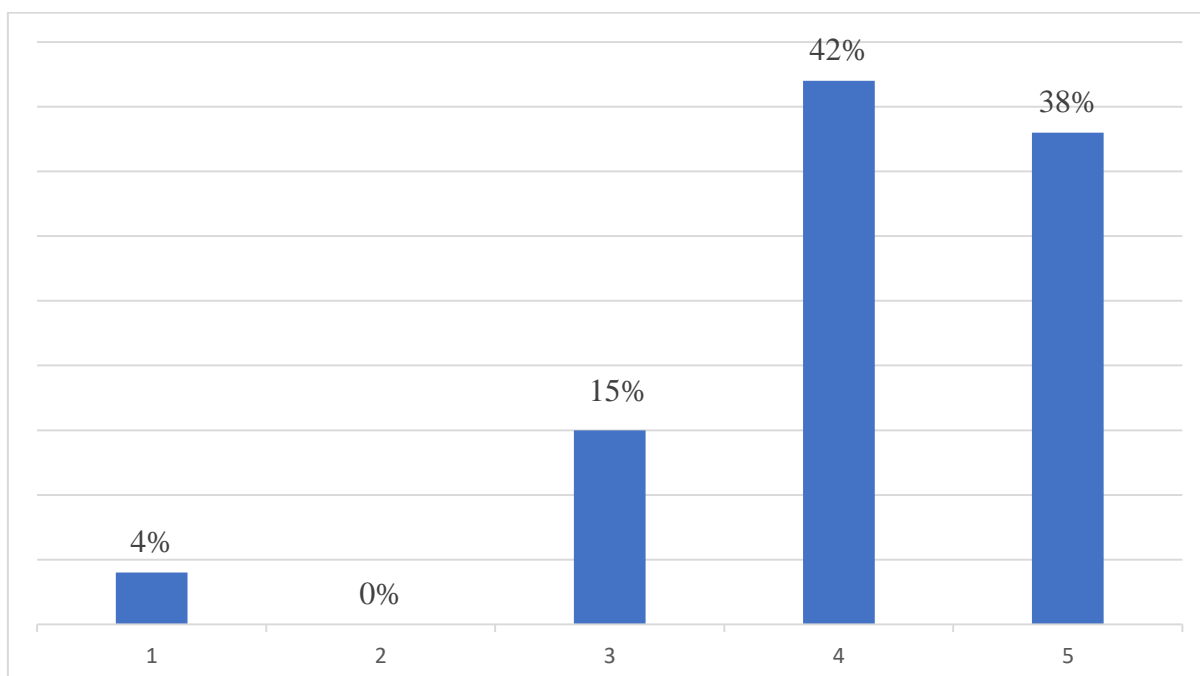
Диаграмма 1.2.1 Ответы респондентов на вопрос «Какова ваш этническая принадлежность»

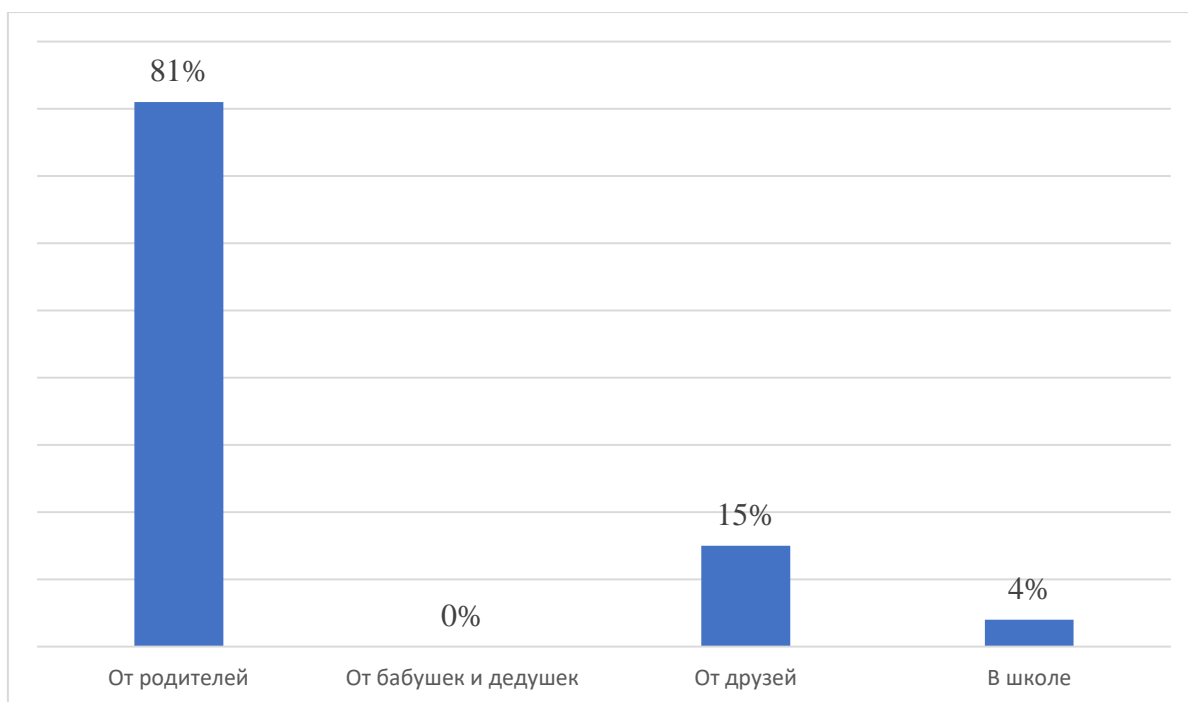
Диаграмма 1.6.1. Ответы респондентов на вопрос «Говорите ли Вы на арбрешском языке?»

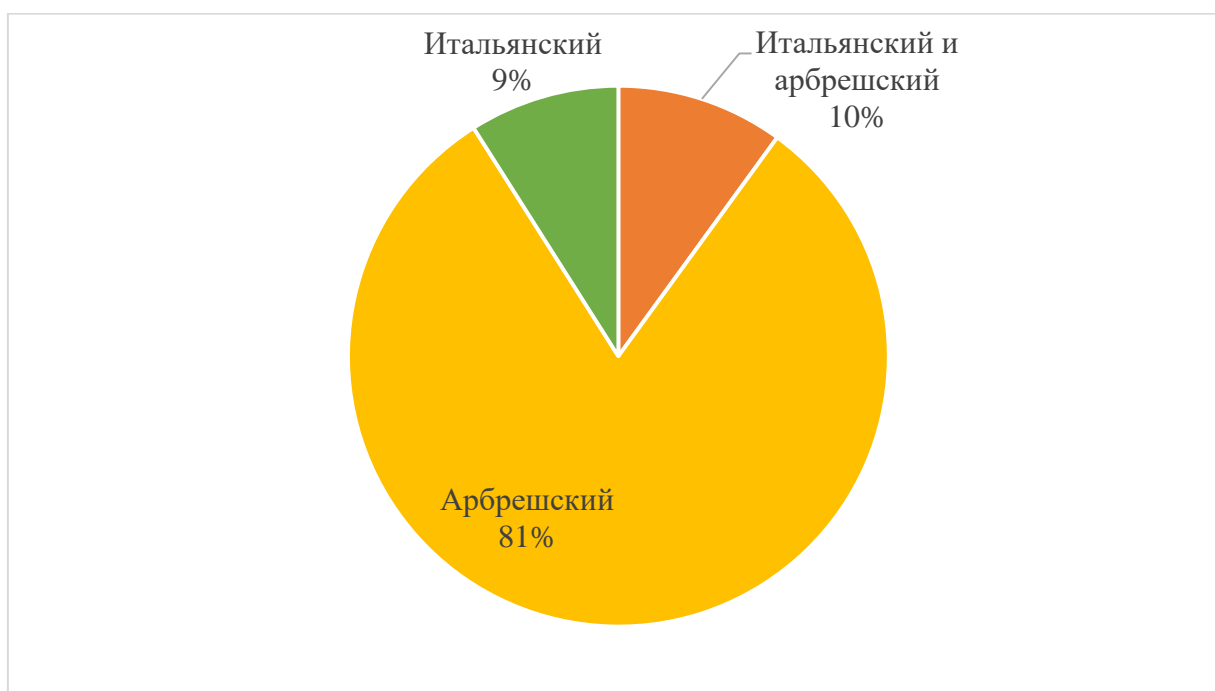
Диаграмма 1.6.2. Ответы респондентов на вопрос «Можете ли Вы оценить степень своего владения арбрешским языком по шкале от 1 до 5? (1-плохо, 5-отлично)»

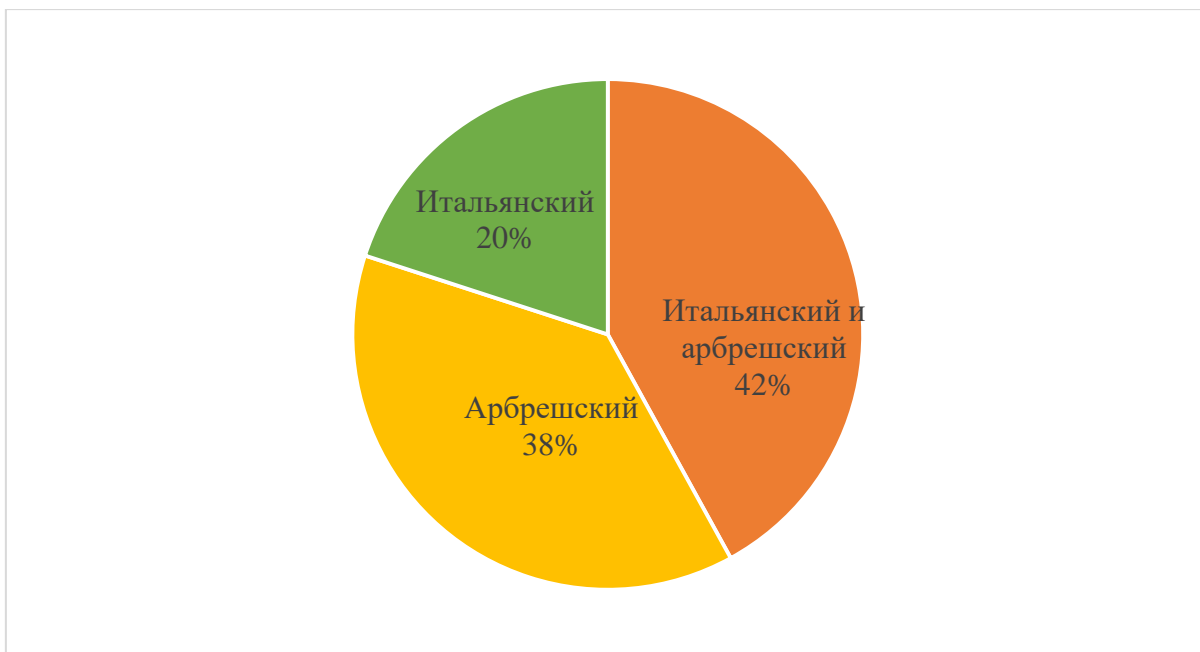
Диаграмма 1.6.3. Ответы респондентов на вопрос «От кого Вы переняли албанский (арбешский) язык?»

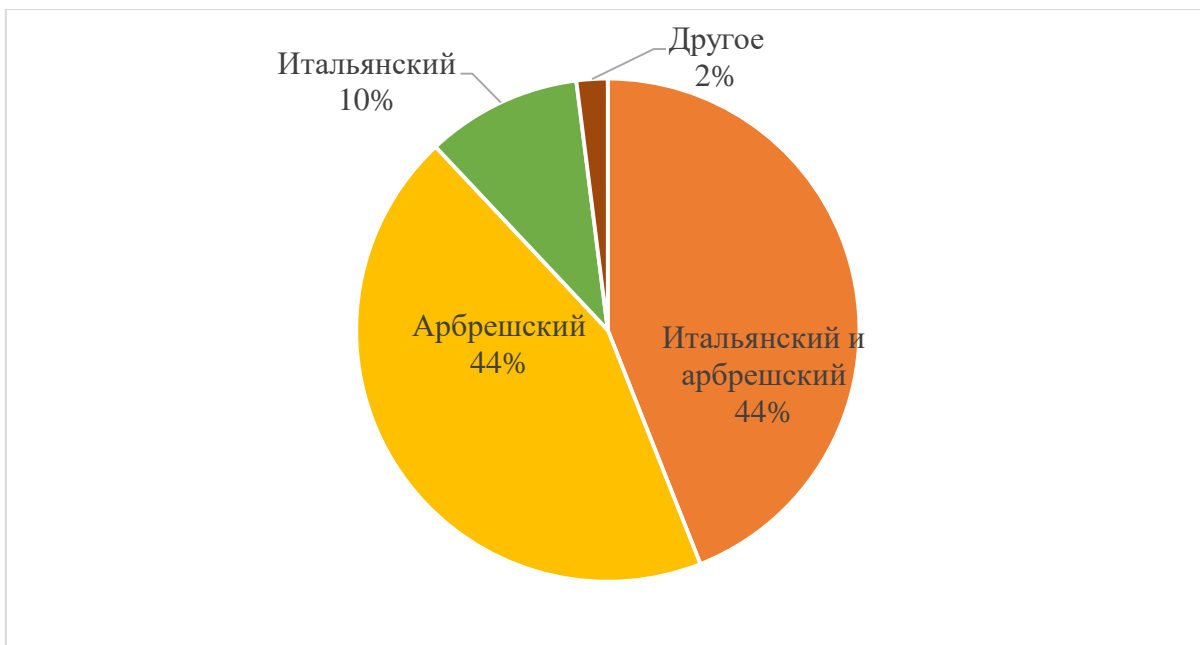
Диаграмма 1.6.4. «Какой язык Вы используете в своей родной семье?»

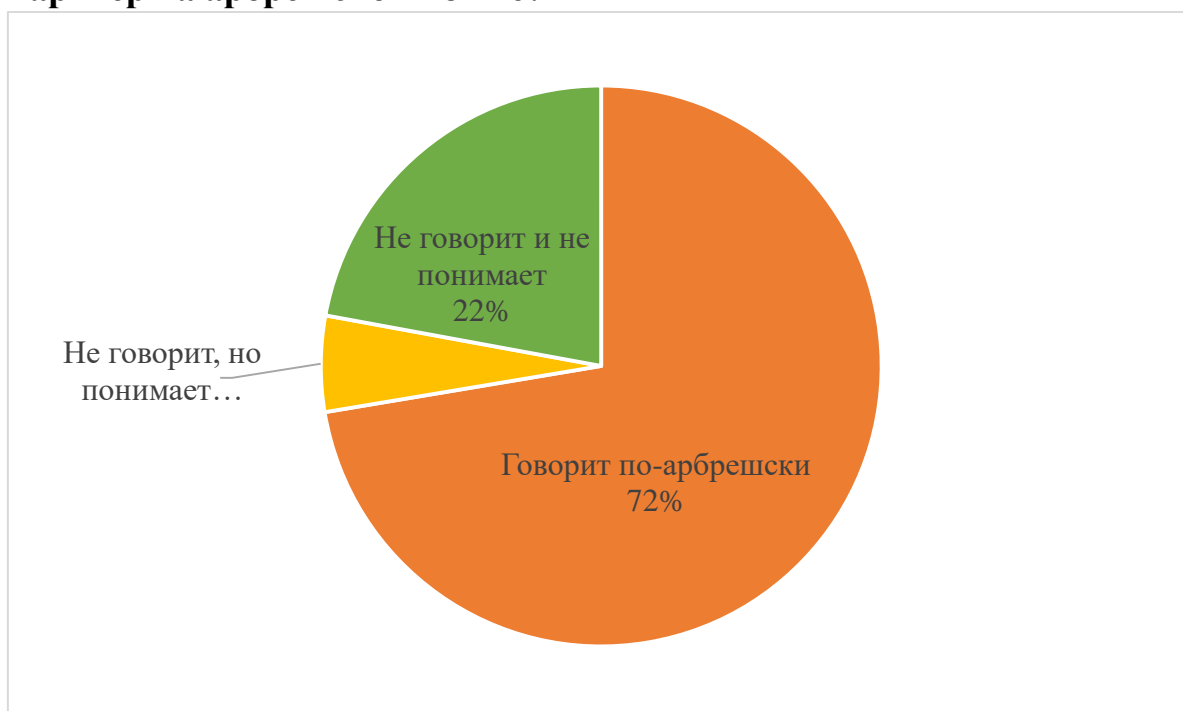
Диаграмма 1.6.5. Ответы респондентов на вопрос «Какой язык вы используете в социальной сфере?»

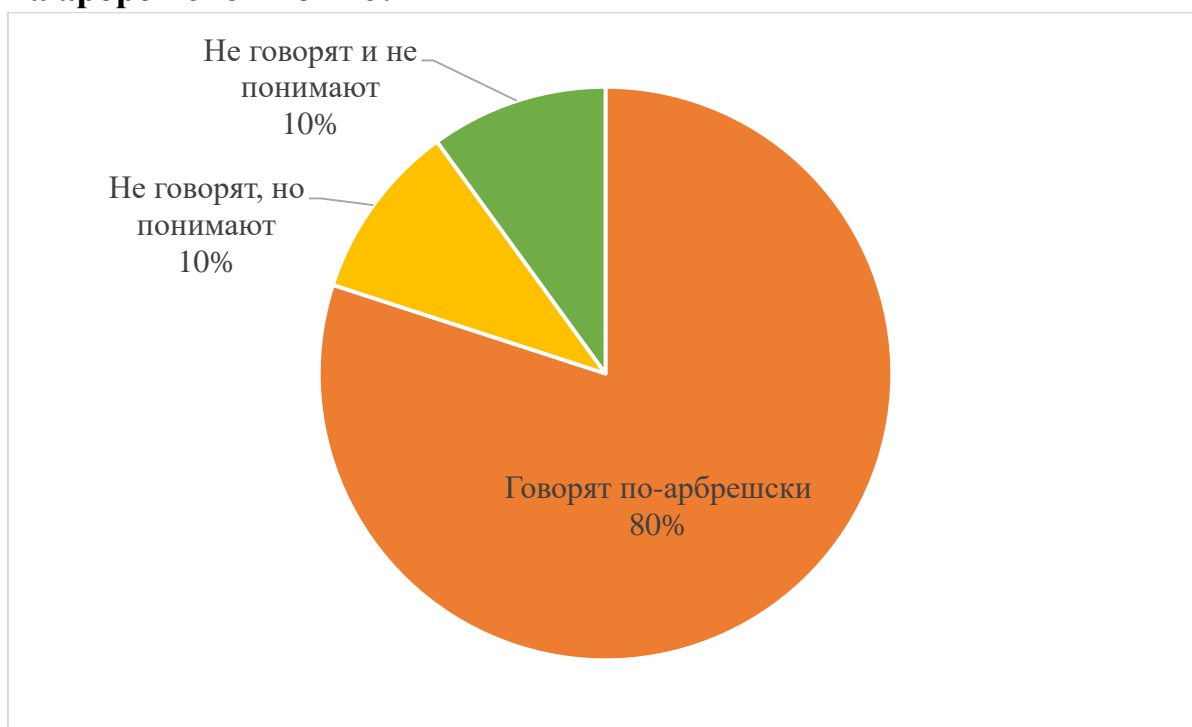
Диаграмма 1.6.6. Ответы респондентов на вопрос «Какой язык вы используете в общении с друзьями?»

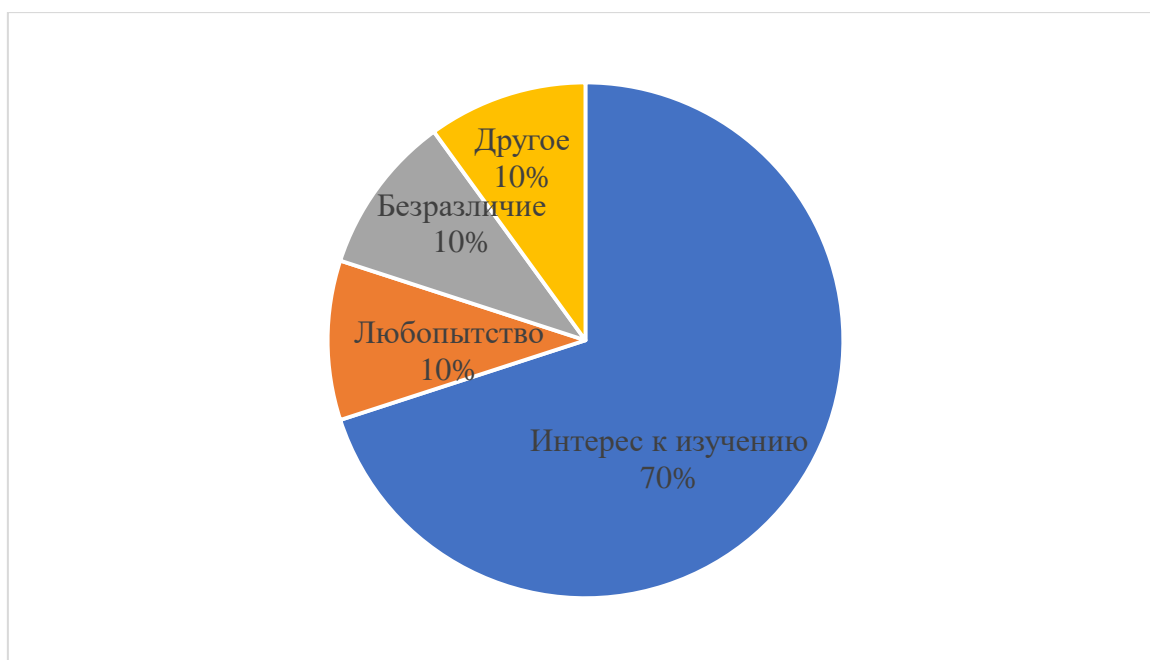
Диаграмма 1.6.7. Ответы респондентов на вопрос «Говорит ли ваш партнер на арбрешском языке?»

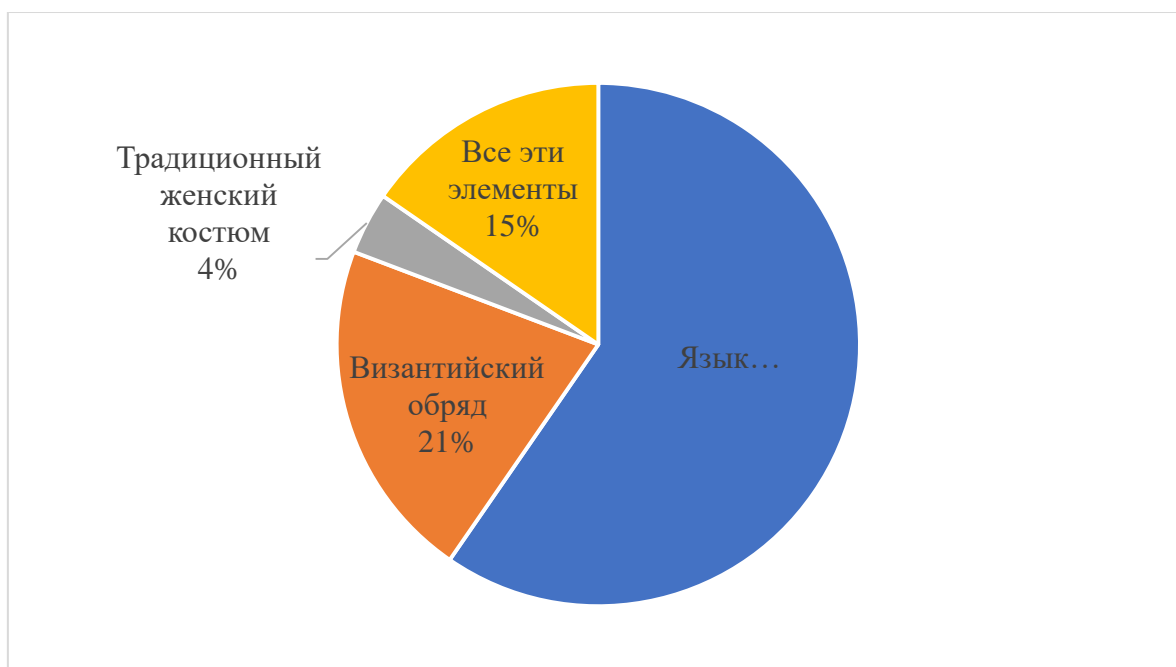
Диаграмма 1.6.8. Ответы респондентов на вопрос «Говорят ли ваши дети на арбрешском языке?»

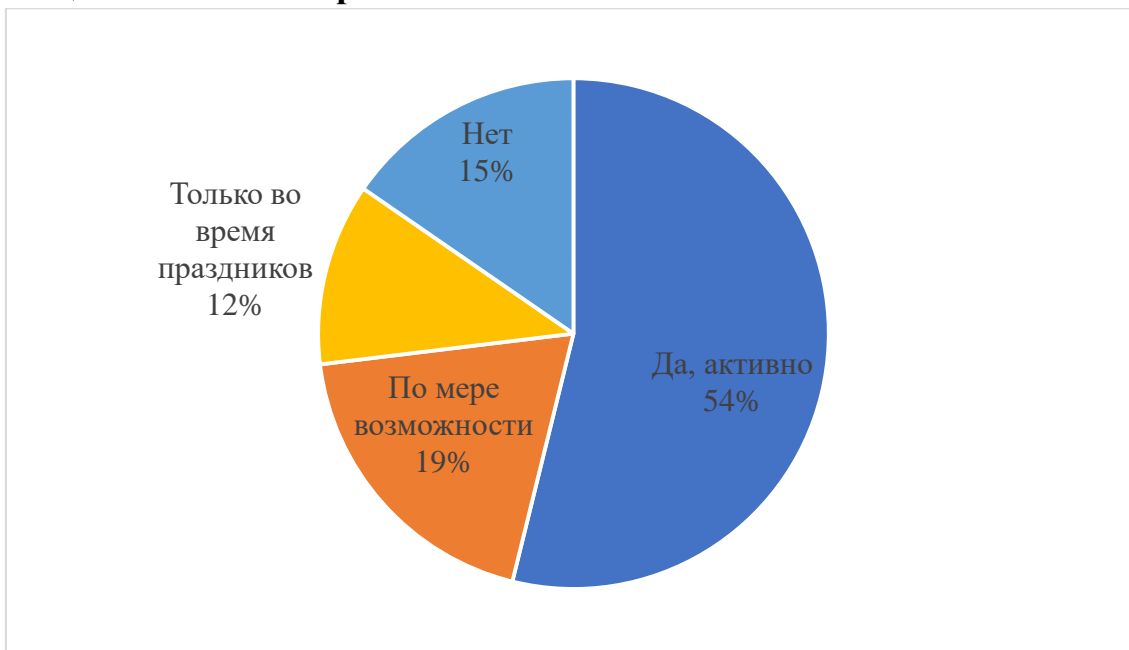
Диаграмма 1.6.9. Ответы респондентов на вопрос «Каково преобладающее отношение Ваших детей к арбрешскому языку?»

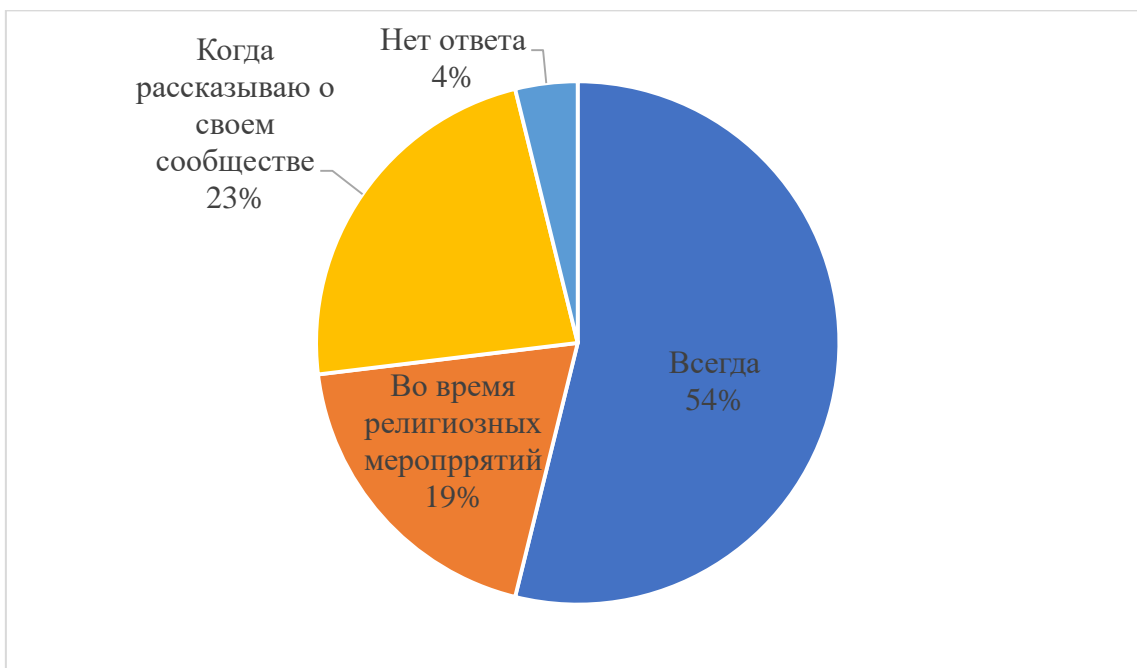
Диаграмма 1.6.10. Ответы респондентов на вопрос «Какой элемент итало-албанской идентичности Вы считаете главным?»

Диаграмма 2.3.1. Ответы респондентов на вопрос «Принимаете ли Вы участие в культурных мероприятиях и религиозных обрядах своей общины? Каким образом?»

Диаграмма 2.3.2. Ответы респондентов на вопрос «В какие моменты Вы особенно гордитесь своей идентичностью? Почему?»

**Фотографии
Приложение 7**

Фото 3.2.1. Таралло невесты. Сан-Паоло-Альбанезе

URL:

https://www.alsia.it/opencms/opencms/agrifoglio/agrifoglio_online/dettaglio/articolo/Il-Tarallo-della-sposa-di-San-Paolo-Albanese-tra-tradizione-e-ritualita/

Фото 3.3.2. Свадебная процессия входит в церковь

URL: <https://www.facebook.com/groups/Pianadeglialbanesi/>

Фото 3.4.3.-3.4.4. Венчание по византийскому обряду в Пьяна-дельи-Альбанези. Сицилия. Июнь 2017 г. (Фото из архива С. Скиро)

Фото 3.4.5. Свадебный куляч. Спеццано-Альбанезе.

URL: <https://foodfilebasilicata.blogspot.com/2016/09/il-matrimonio-arberesh-e-il-cugliaccio.html>

Фото 3.5.6. Мостаччоло. Спеццано-Альбанезе.

URL: <https://www.ocnal.com/2022/06/mostacciolo-typical-arberesh-wedding.html>

Фото 4.1.7. Традиционный мужской калабрийский костюм

URL: <https://ru.pinterest.com/pin/712413234781036419/>

Фото 4.2.8. Девушка в костюме паккьяны (Калабрия. Открытка)

URL:

https://ru.pinterest.com/pin/205124957999504614/sent/?invite_code=2fd8a867380e408c8ad74aefa93ab760&sender=595530888134050512&sfo=1

Фото 4.2.9. Девушка в традиционном костюме г. Караффа-ди-Катандзаро

URL:

https://ru.pinterest.com/pin/301459768820837254/sent/?invite_code=32521d9a1c7448799b2cbfbc5c215786&sender=595530888134050512&sfo=1

Фото 4.2.10. Женщина в традиционном костюме поселени Вена-ди-Майда

URL:

https://ru.pinterest.com/pin/89227636351213041/sent/?invite_code=6071c6d9206542fdb42b1fd45116244a&sender=595530888134050512&sfo=1

Фото 4.3.11. Девушка в традиционном костюме поскления Лунгро

Nini S. Një rrugëtim etnografik për veshjet e arbëreshëve të Italisë së Jugut.

Tiranë: Oendra e Studimeve e Publikimeve për Arbëreshët, 2020. 188 f.

Фото 4.3.12. Головной убор невесты кеза. Лунгро, Калабрия. (Фото А.А. Новика. Июль 2009 г. Файл 7609)

Фото 4.4.13. Арбреш из Пьяна-дельи-Альбанези в традиционном албанском костюме (фото из архива Г. Р. Паррино)

Фото 4.4.14. Илария Паррино, представлявшая Палаццо-Адриано на ежегодном конкурсе Miss Arbreshe в 2004 г.

URL:

https://ru.pinterest.com/pin/533043305901032342/sent/?invite_code=3afbf89b7cd84c139e8653eee0dd0be4&sfo=1

Фото 4.4.15. Слева представлен женский арбрешский традиционный костюм с юбкой *нцилёна*, справа – мужской албанский. (Пьяна-дельи-Альбанези, 2015 г., фото из архива С. Скиро)

**Фото 4.4.16.-4.4.17 Зимний вариант женского традиционного костюма
(Пьяна-дельи-Альбанези, 2015 г., фото из архива Дж. Скиро)**

Фото 4.4.18. Свадебный вариант женского традиционного костюма Пьяна-дельи-Альбанези. (Пьяна-дельи-Альбанези, 2015 г., фото из архива Г. Паррино)

Фото 4.4.19. Украшения и головной убор, дополняющие костюм
Пьяна-дельи-Альбанези

URL: <https://www.facebook.com/groups/Pianadeglialbanesi/>

Фото 4.5.20. Современная интерпретация традиционной женской одежды. (Пьяна-дельи-Альбанези, 2019 г., фото из архива С. Скиро)

**Фото 4.5.21. Процесс изготовления вышивки для праздничной юбки.
(Пьяна-дельи-Альбанези, 2019 г., фото из архива Дж. Скиро)**

Фото 4.5.22. Использование арбрешского традиционного костюма в рекламе сицилийских канноли.

URL:

https://ru.pinterest.com/pin/34058540922134659/sent/?invite_code=f51e12b762b845f48241d76b8a6b36ff&sender=595530888134050512&sfo=1

Фото 4.5.23. Девушка в традиционном калабрийском костюме
(Почтовая марка. Козенца, 2011 г.)